

A man with curly hair and a beard, wearing a red cloak and Roman-style armor, stands on a rocky path, looking out over a vast Greek landscape. The landscape features a town with red-tiled roofs, a blue body of water, and rugged mountains in the background. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise.

Джордж Грот

История Греции. Том 8

Джордж Грот

История Греции. Том 8

«Автор»

2025

Грот Д.

История Греции. Том 8 / Д. Грот — «Автор», 2025

Восьмой том «Истории Греции» Джорджа Грота охватывает завершающий этап Пелопоннесской войны: олигархический переворот Четырёхсот в Афинах, катастрофу при Эгоспотамах, правление Тридцати тиранов и восстановление демократии. Особую научную ценность и новаторство работе придают объёмные главы, кардинально пересматривающие традиционные взгляды на софистов — Грот представляет их не как «развратителей молодёжи», а как легитимных учителей риторики и философии — и на фигуру Сократа, которого он изображает ключевым интеллектуальным феноменом своей эпохи. Том стал поворотным пунктом в историографии, заложив основы современного критического подхода к изучению древнегреческой политической мысли и философии

© Грот Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Восьмой том «Истории Греции» Джорджа Грота.	5
Предисловие к тому VIII	6
Содержание	7
Глава LXII. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ. – ОЛИГАРХИЯ ЧЕТЫРЁХСОТ В АФИНАХ.	15
Глава LXIII. ВОССТАНОВЛЕННАЯ АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ ЧЕТЫРЁХСОТ ДО ПРИБЫТИЯ КИРА МЛАДШЕГО В МАЛУЮ АЗИЮ.	47
Глава LXIV. ОТ ПРИБЫТИЯ КИРА МЛАДШЕГО В МАЛУЮ АЗИЮ ДО БИТВЫ ПРИ АРГИНУСАХ.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Джордж Грот

История Греции. Том 8

Восьмой том «Истории Греции» Джорджа Грота.

В предисловии к восьмому тому своей фундаментальной «Истории Греции» Джордж Грот выражает сожаление, что не смог, как надеялся, довести повествование до битвы при Книде (394 г. до н. э.). Объём материала потребовал более детального, чем предполагалось, освещения заключительных событий Пелопоннесской войны, в особенности драматических перипетий в Афинах после битвы при Аргинусах, а также изложения собственных взглядов автора на софистов и Сократа. Грот прямо заявляет о своём коренном расхождении с предшествующей историографической традицией, которая, по его мнению, сильно исказила образ софистов, изображая их «развратителями греческого духа», и несправедливо оценивала исторический контекст деятельности Сократа. Этим «исправлениям ошибок» прошлых авторов он посвящает обширные и детально аргументированные исследования, требующие значительного места. Особое внимание Грот уделяет Сократу, которому посвящает целую главу, считая его величайшим интеллектуальным феноменом античности, основоположником мощнейшего научного импульса в греческой мысли.

С точки зрения занимаемого места в историографии восьмой том работы Грота является ярким примером его новаторского и ревизионистского подхода. Опубликованный в 1850 году, он отражает либеральные и прогрессивные взгляды викторианского интеллектуала, проецирующего ценности рационализма, утилитаризма и свободного исследования на античность. Грот выступил против устоявшейся (во многом благодаря платоновской и аристотелевской критике) негативной оценки софистов. Он первым в новое время предпринял масштабную реабилитацию этого философского движения, представив софистов не как беспринципных демагогов, а как платных преподавателей риторики и практической мудрости, чья деятельность была закономерным и позитивным явлением в развитии афинской демократии и критической мысли. Его трактовка Сократа также была новаторской: он отделил исторического Сократа (в основном по Ксенофону) от идеализированного образа, созданного Платоном, подчёркивая его уникальный диалектический метод и роль «интеллектуального повивального искусства». Оценка труда Грота в данном томе исключительно высока. Несмотря на то, что некоторые его конкретные интерпретации могли быть позднее пересмотрены, его тщательная работа с источниками, критический метод и смелое опровержение вековых стереотипов заложили основы современного научного подхода к изучению греческой философии V века до н. э. и истории Пелопоннесской войны. Его анализ олигархического переворота Четырѐхсот и последующих событий, выполненный с глубоким пониманием афинской конституционной практики и общественных настроений, остаѐтся классическим.

Содержательно том охватывает один из самых драматичных периодов афинской истории: от олигархического переворота 411 г. до н. э. и правления Четырѐхсот, через восстановление демократии, блестящие победы Алкивиада при Абидосе, Кизике и восстановление его влияния, до катастрофического поражения при Эгоспотамах, капитуляции Афин и установления режима Тридцати тиранов. Завершается том описанием свержения тирании и восстановления демократии в 403 г. до н. э., смерти Алкивиада, а также обширными экскурсами в историю греческой драмы, риторики и, что наиболее значимо, детальными анализами феномена софистов и философии Сократа.

Предисловие к тому VIII

Я надеялся, что в этом томе смогу довести историю Греции до битвы при Книде, но, к сожалению, мои ожидания не оправдались.

Больше места, чем я предполагал, потребовалось не только для того, чтобы должным образом осветить заключительные события Пелопоннесской войны, особенно памятные события в Афинах после битвы при Аргинусах, но и для изложения моих взглядов как на софистов, так и на Сократа.

До сих пор было принято изображать софистов как развратителей греческого духа и представлять факт этого развращения, усиливающегося по мере того, как мы продвигаемся от великого нашествия Ксеркса, как исторически доказанный. Поскольку я расхожусь во мнениях с прежними авторами и считаю, что греческая история в обоих этих аспектах была сильно искажена, мне пришлось подробно разбирать свидетельства и излагать доводы в пользу собственной точки зрения.

Сократу я посвятил целую главу. Меньшего объема было бы недостаточно, чтобы представить читателю хотя бы отдаленное представление об этом великом человеке – редчайшем интеллектуальном феномене древности, основоположнике мощнейшего научного импульса, который когда-либо переживал греческий ум.

Г. Г.

Лондон, февраль 1850 г.

Содержание

Часть II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Глава LXII. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ. – ОЛИГАРХИЯ ЧЕТЫРЁХСОТ В АФИНАХ.

Возрождение Афин в течение года после поражения при Сиракузах. 412 г. до н. э. – Начало заговора Четырёхсот в Афинах – Алкивиад. – Приказ из Спарты убить Алкивиада. – Он бежит, удаляется к Тиссаферну и становится советником персов. – Он советует сатрапу не поддерживать ни одну из греческих сторон полностью, но его совет склоняется в пользу Афин с целью его собственного возвращения. – Алкивиад выступает переговорщиком от имени Тиссаферна в Магнесии. – Уменьшение размера оплаты, предоставляемой Тиссаферном пелопоннесцам. – Алкивиад завязывает переписку с афинскими командирами на Самосе. Он разрабатывает план олигархического переворота в Афинах. – Заговор между афинскими командирами и Алкивиадом. – Олигархические афиняне – гетерии, или политические клубы. – Пейсандр отправлен продвигать заговор в Афинах. – Легковерие олигархических заговорщиков. – Оппозиция Фриниха на Самосе заговорщикам и Алкивиаду. – Маневры и контрманевры Фриниха и Алкивиада. – Действия Пейсандра в Афинах – сильное сопротивление народа как заговору, так и возвращению Алкивиада. – Неохотное голосование народного собрания за отказ от демократии в обмен на персидскую помощь в войне. Пейсандр отправлен обратно для переговоров с Алкивиадом. – Пейсандр организует олигархические клубы в Афинах для действий против демократии. – Пейсандр уезжает из Афин на Самос – Антифонт берет на себя руководство олигархическим заговором – Ферамен и Фриних. – Военные операции у азиатского побережья. – Переговоры Пейсандра с Алкивиадом. – Уловки Алкивиада – он завышает требования, чтобы сорвать переговоры – возмущение олигархов против него. – Примирение между Тиссаферном и пелопоннесцами. – Третье соглашение между ними. – Сравнение третьего соглашения с двумя предыдущими. – Потеря Афинами Оропа. – Пейсандр и его соратники продолжают олигархический заговор без Алкивиада. – Они пытаются свергнуть демократию на Самосе – убийство Гипербола и других. – Демократия на Самосе поддерживается афинским войском. – Афинская Паралия – поражение олигархического заговора на Самосе. – Парал отправлен в Афины с новостями. – Развитие олигархического заговора в Афинах – искусные действия Антифонта. – Речь заговорщиков – махинации с назначением Пятитысячников для исключительного пользования политическими правами. – Убийства популярных ораторов Антифонтом и олигархической партией. – Возвращение Пейсандра в Афины – олигархическое правление установлено в нескольких союзных городах. – Завершение революции в Афинах – последнее народное собрание в Колоне. – Отмена Графе Параномон. – Новое правление, предложенное Пейсандром – олигархия Четырёхсот. – Фиктивное и номинальное собрание, называемое Пятитысячниками. – Четыреста занимают здание совета, изгоняя сенаторов силой. – Замечания об этой революции. – Приверженность афинян конституционным формам – использование этого чувства Антифонтом для уничтожения конституции. – Демагоги как необходимый противовес олигархам. – Действия Четырёхсот в правлении. – Они предлагают мир Агису и спартамцам. – Они отправляют послов в лагерь на Самосе. – Первые известия о революции доходят до лагеря через Херея – сильные антиолигархические настроения в лагере. – Яркое демократическое выступление и торжественная клятва, принятая афинским войском на Самосе и самими самосцами. – Афинская демократия восстановлена войском – народное собрание солдат – выбраны новые стратеги. – Алкивиад завязывает переписку с демократическим войском на Самосе. – Алкивиад прибывает на Самос по приглашению войска. – Доверие, которое войско оказывает его словам и обещаниям – они выбирают его одним из стратегов. –

Новое положение Алкивиада – нынешний поворот его амбиций. – Послы Четырёхсот прибывают на Самос – войско с негодованием отправляет их обратно. – Желание войска отплыть в Пирей – Алкивиад отговаривает их – его ответ послам. – Удерживающий совет Алкивиада – насколько его можно считать мудрым. – Послы из Аргоса отправлены к «афинскому демосу на Самосе». – Возвращение послов Четырёхсот с Самоса в Афины – плохие перспективы олигархии. – Недоверие и раздоры среди самих Четырёхсот. Оппозиционная партия формируется вокруг Ферамена. – Ферамен требует, чтобы Пятитысячники стали реальностью. – Действия Антифонта и Четырёхсот – их обращения к Спарте – строительство форта Эйтионей для ввода спартанского гарнизона. – Необъяснимая пассивность лакедемонян. – Убийство Фриниха – лакедемонский флот у берегов Пирея. – Восстание в Афинах против Четырёхсот – разрушение нового форта в Эйтионее. – Упадок Четырёхсот – их уступки – возобновление народных собраний. – Лакедемонский флот угрожает Пирею – проходит мимо к Эвбее. – Морское сражение у Эретрии – афиняне разбиты – Эвбея отпадает. – Отчаяние в Афинах – их гибель была бы неизбежна, если бы лакедемоняне действовали энергично. – Четыреста свергнуты – демократия восстановлена по сути. – Умеренность политических разногласий и патриотический дух, преобладающие теперь. – Пятитысячники – число, так и не реализованное точно – вскоре расширено до всеобщего гражданства. – Восстановление полной демократии, кроме оплаты. – Псефизм Демофанта – предписанная демократическая клятва. – Бегство большинства лидеров Четырёхсот в Декелею. – Ферамен выступает с обвинениями против оставшихся лидеров Четырёхсот, особенно в связи с фортом Эйтионей и посольством в Спарту. – Антифонт осуждён и казнён. – Обращение с Четырьмястами в целом. – Благоприятное суждение Фукидида о поведении афинян. – Олигархия в Афинах, демократия на Самосе – контраст.

Глава LXIII. ВОССТАНОВЛЕННАЯ АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ ЧЕТЫРЁХСОТ ДО ПРИБЫТИЯ КИРА МЛАДШЕГО В МАЛУЮ АЗИЮ.

Затруднительное положение Афин после правления Четырёхсот. – Пелопоннесский флот – отпадение Абидоса от Афин. – Стромбихид отправляется с Хиоса в Геллеспонт – улучшение положения хиосцев. – Недовольство в пелопоннесском флоте в Милете. – Стромбихид возвращается с Хиоса на Самос. – Пелопоннесская эскадра и силы в Геллеспонте – отпадение Византия от Афин. – Недовольство и собрание против Астioxа в Милете. – Спартанский комиссар Лихас приказывает милетцам подчиняться Тиссаферну – недовольство милетцев. – Миндар сменяет Астioxа на посту наварха. – Финикийский флот в Аспенде – двуличность Тиссаферна. – Алкивиад в Аспенде – его двойная игра между Тиссаферном и афинянами. – Финикийцы отправлены обратно из Аспенда без боя – мотивы Тиссаферна. – Миндар покидает Милет с флотом – направляется на Хиос – Фрасилл и афинский флот у Лесбоса. – Миндар ускользает от Фрасилла и достигает Геллеспонта. – Афинская геллеспонтская эскадра ночью уходит из Сеста. – Фрасилл и афинский флот в Геллеспонте. – Битва при Киносеме – победа афинского флота. – Ликование в Афинах по поводу победы. – Мост через Эврип, соединяющий Эвбею с Беотией. – Восстание Кизика. – Рвение Фарнабаза против Афин – важность персидских денег. – Тиссаферн снова заигрывает с пелопоннесцами. – Алкивиад возвращается из Аспенда на Самос. – Дальнейшие столкновения в Геллеспонте. – Ферамен отправлен с подкреплениями из Афин. – Новые волнения на Керкире. – Алкивиад схвачен Тиссаферном и заключён в Сардах. – Побег Алкивиада – концентрация афинского флота – Миндар осаждает Кизик. – Битва при Кизике – победа афинян – Миндар погибает, весь пелопоннесский флот захвачен. – Упадок духа спартанцев – предложение Афинам мира. – Лакедемонянин Эндий в Афинах – его предложения о мире. – Отклонены Афинами – противодействие Клеофонта. – Основания оппозиции Клеофонта. – Вопрос о политике на тот момент: война или мир. – Активная помощь Фарнабаза пелопоннесцам – Алкивиад и афинский флот у Боспора. – Афиняне занимают Хрисополь и вводят пошлину на суда, проходящие через Боспор. – Лакедемоняне изгнаны с Фасоса. – Спартанец Клеарх отправлен в Византий. – Фрасилл послан

из Афин в Ионию. – Фрасилл и Алкивиад в Геллеспонте. [стр. viii] – Пилос отвоёван лакедемонянами – позор афинянина Анита за неоказание помощи. – Захват Халкедона Алкивиадом и афинянами. – Договор, заключённый афинянами с Фарнабазом. – Византий захвачен афинянами. – Фарнабаз отправляет афинских послов в Сузы для переговоров с Великим царём.

Глава LXIV. ОТ ПРИБЫТИЯ МЛАДШЕГО КИРА В МАЛУЮ АЗИЮ ДО БИТВЫ ПРИ АРГИНУСАХ.

Младший Кир – последствия его прибытия в Малую Азию. – Фарнабаз задерживает афинских послов. – Лисандр – спартанский наварх в Азии. – Действия предыдущего наварха Кратесиппида. – Лисандр посещает Кира в Сардах. – Его искусная политика – он завоевывает особое расположение Кира. – Щедрое жалование для пелопоннесского войска, обеспеченное Киром. – Лисандр организует партии в городах Малой Азии. – Действия Алкивиада во Фракии и Азии. – Его прибытие в Афины. – Чувства и детали, связанные с его возвращением. – Единодушный прием, оказанный ему. – Влияние этого на Алкивиада. – Настроение афинян по отношению к нему. – Стремление не вспоминать о прошлых прегрешениях и дать ему новый шанс. – Ошибочная самоуверенность и опьянение успехом Алкивиада. – Он обеспечивает проведение Элевсинских мистерий по суше, несмотря на гарнизон Декелии. – Безуспешная попытка Агиса захватить Афины врасплох. – Алкивиад отправляется с флотом в Азию – неудача под Андросом – полный крах надежд на Персию. – Лисандр в Эфесе – его осторожная тактика, отказ от сражения – разочарование Алкивиада. – Алкивиад отправляется в Фокею, оставив флот под командованием Антиоха – притеснения Алкивиада в Киме. – Жалобы жителей Кимы в Афинах – поражение Антиоха при Нотии во время отсутствия Алкивиада. – Недовольство и жалобы в войске на Алкивиада. – Ропот и обвинения против него доходят до Афин. – Перемена настроения в Афинах – недовольство афинян. – Разумные основания для такой перемены и недовольства. – Разное отношение к Никию и к Алкивиаду. – Алкивиад отстранен от командования – назначены десять новых стратегов – он удаляется в Херсонес. – Конон и его коллеги – захват и освобождение родосского Дориэя афинянами. – Калликратид сменяет Лисандра – его благородный характер. – Недовольство и неприязнь к Калликратиду – энергия и честность, с которыми он подавляет их. – Его решительное поведение в отношении персов. – Его обращение к милетянам – общеэллинские чувства. – Он снаряжает мощный флот – его успех на Лесбосе – освобождение пленных и афинского гарнизона в Метимне. – Благородство этого поступка – возвышенный патриотизм Калликратиды. – Он блокирует Конона и афинский флот в Митилене. – Триумфальное положение Калликратиды. – Безнадежное положение Конона – его хитрость, чтобы отправить весть в Афины и просить помощи. – Калликратид разбивает эскадру Диомедонта. – Грандиозные усилия афинян помочь Конону – снаряжение большого флота и отправка к Аргинусам – Калликратид отзывает большую часть флота от Митилены, оставляя Этеоника продолжать блокаду. – Построение флотов перед битвой. – Изменение соотношения морского мастерства с начала войны. – Битва при Аргинусских островах – поражение спартанцев – гибель Калликратиды. – Для Греции, и даже для Афин, было бы лучше, если бы Калликратид одержал победу при Аргинусах. – Благополучное отступление Этеоника и его флота от Митилены к Хиосу. – Радость Афин по поводу победы – негодование из-за того, что моряки с поврежденных кораблей не были спасены после битвы. – Обстоятельства, связанные с поврежденными кораблями и оставшимися на них людьми. – Донесение стратегов в Афины, утверждающее, что буря помешала им спасти тонущих. – Оправданный гнев и оскорбленное сочувствие афинян – крайнее возбуждение среди родственников погибших. – Стратеги отстраняются от командования и вызываются домой. – Допрос стратегов перед советом и народом в Афинах. – Дебаты в народном собрании – Ферамен обвиняет стратегов в том, что они не спасли тонущих. – Влияние обвинений Ферамена на собрание. – Защита стратегов – они утверждают, что поручили эту задачу самому Ферамену. – Причина, по которой стратеги не упомянули об этом в донесении. – Иная вер-

сия у Диодора. – Вероятный ход реальных событий. – Оправдание стратегов – насколько оно справедливо? – Упомянутая буря. Бегство Этеоника. – Чувства афинского народа – как выглядело дело в их глазах – решение отложено до следующего собрания. – Праздник Апатурий – великий семейный праздник ионийцев. – Всплеск эмоций на Апатуриях – искаженно описанный Ксенофонтом. – Предложение Калликсена в совете против стратегов – принято и вынесено в народное собрание. – Несправедливость решения – лишение стратегов обычных судебных гарантий. Псефизма Каннона. – Протест Евриптолема на основании конституционной формы. – *Grapsē Parapomōn*. – Волнение в собрании – конституционные препятствия отброшены. – Пританы отказываются ставить вопрос на голосование – их сопротивление подавлено, кроме Сократа. – Изменение настроения собрания после начала обсуждения – поправка, предложенная Евриптолемом. – Речь Евриптолема. – Его поправка отвергнута – предложение Калликсена принято. – Шесть стратегов осуждены и казнены. – Несправедливость процесса – нарушение демократических принципов. – Скоро последовавшее раскаяние народа – позор и конец Калликсена. – Причины народного возбуждения. – Стратеги – не невинные люди.

Глава LXV. ОТ БИТВЫ ПРИ АРГИНУСАХ ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ В АФИНАХ ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ ТРИДЦАТИ.

Предполагаемые предложения мира от Спарты Афинам – сомнительны. – Этеоник на Хиосе – бедственное положение его моряков – подавленный заговор. – Просьбы из Хиоса и других мест о повторном назначении Лисандра. – Прибытие Лисандра в Эфес – рвение его сторонников. – Кир. – Насильственный переворот в Милете сторонниками Лисандра. – Кир отправляется к умирающему отцу – передаёт свои сокровища Лисандру. – Бездействие афинского флота после битвы при Аргинусах. – Действия Лисандра. – Оба флота в Геллеспонте. – Афинский флот у Эгоспотам. – Битва при Эгоспотамах – неожиданное нападение и захват всего афинского флота. – Пленение афинских командиров, кроме Конона. – Казнь пленных стратегов и моряков. – Предполагаемая измена афинских командиров. – Отчаяние и ужас в Афинах после известия о поражении при Эгоспотамах. – Действия Лисандра. – Бедственное положение афинских клерухов и сторонников Афин в союзных городах. – Страдания в Афинах. – Предложение амнистии Патроклидом и её принятие. – Клятва о взаимном согласии на акрополе. – Прибытие Лисандра. Афины блокированы с моря и суши. – Упорное сопротивление афинян – их предложения о капитуляции отвергнуты. – Уловки Ферамена – его отправка послом – намеренная задержка. – Ужасы голода в Афинах – смерть Клеофонта. – Голод становится невыносимым – Ферамен направлен заключить мир на любых условиях – споры об условиях в Спарте. – Мир дарован Спартой, вопреки мнению союзников. – Капитуляция Афин – крайняя нищета – множество смертей от голода. – Лисандр вступает в Афины – возвращение изгнанников – разрушение Длинных стен – разоружение Пирея – сдача флота. – Изгнанники и олигархи в Афинах – их триумфальное поведение и преданность Лисандру. – Критий и другие изгнанники – прошлое Крития. – Критий во главе олигархов в Афинах. – Назначение олигархических лидеров. – Арест Стромбихида и других видных демократов. – Назначение Тридцати под диктовку Лисандра. – Захват Самоса Лисандром – восстановление олигархии там. – Триумфальное возвращение Лисандра в Спарту – его огромное влияние в Греции. – Действия Тридцати в Афинах – чувства олигархов, подобных Платону. – Тридцать начинают казни – казнь Стромбихида и заключённых стратегов – другие демократы также. – Совет, назначенный Тридцатью – действует только под их давлением. Многочисленные казни без суда. – Совет сначала охотно осуждал всех, кого приводили. – Раздоры среди Тридцати – разногласия Крития и Ферамена. – Введение лакедемонского гарнизона – умножение казней Критием и Тридцатью. – Оппозиция Ферамена этим мерам – усиление насилия и грабежа – казни богатых и олигархов. – План Крития вовлечь сторонников, заставляя их участвовать в убийствах – сопротивление Сократа. – Ужас и недовольство в городе – Тридцать назначают отряд из трёх тысяч как своих сторонников-гоплитов. – Они разоружают остальных гоплитов города. – Убийства и гра-

бежи Тридцати. Захват метеков. – Арест ритора Лисия и его брата Полемарха. Первый бежит – второй казнён. – Усиление ярости Крития и большинства Тридцати против Ферамена. – Ферамен обвинён Критием в Совете – речь Крития. – Ответ Ферамена. – Крайняя жестокость Крития и Тридцати. – Осуждение Ферамена. – Смерть Ферамена – замечания о его характере. – Усиление тирании Крития и Тридцати. – Тридцать запрещают обучение. – Сократ и Тридцать. – Растущая шаткость власти Тридцати. – Постепенное изменение настроений в Греции после захвата Афин. – Требование союзников Спарты о разделе добычи – отказ Спарты. – Небывалое влияние Лисандра. – Его непомерные амбиции – гнёт Спарты. – Возмущение в Греции зверствами Тридцати. – Оппозиция Лисандру в Спарте – царь Павсаний. – Калликратид в сравнении с Лисандром. – Сочувствие в Фивах и других местах афинским изгнанникам. – Фрасибул захватывает Филы – отражает атаку Тридцати. – Дальнейшие успехи Фрасибула – Тридцать отступают в Афины. – Раздоры среди олигархов в Афинах – захват элевсинцев. – Фрасибул укрепляется в Пирее. – Тридцать атакуют его и терпят поражение – Критий убит. – Переговоры во время перемирия для погребения – речь Клеокрита. – Упадок духа олигархов в Афинах – смещение Тридцати и назначение Десяти – Тридцать уходят в Элевсин. – Десять продолжают войну против изгнанников. – Растущая сила Фрасибула. – Прибытие Лисандра в Аттику со спартанским отрядом. – Тяжёлое положение изгнанников в Пирее. – Спартанский царь Павсаний ведёт войско в Аттику; противодействует Лисандру. – Его действия неблагоприятны для олигархов; реакция против Тридцати. – Павсаний атакует Пирей; частичный успех. – Мирная партия в Афинах – поддержана Павсанием. – Мир, дарованный Павсанием и спартанскими властями. – Спартанцы покидают Аттику – Фрасибул и изгнанники возвращаются – речь Фрасибула. – Восстановление демократии. – Захват Элевсина – полное воссоединение Аттики – бегство уцелевших Тридцати.

Глава LXVI. ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ ДО СМЕРТИ АЛКИВИАДА.

Плачевное состояние Афин в течение двух предшествующих лет. – Немедленное облегчение после восстановления демократии. – Единодушное отношение к возрожденной демократии. – Амнистия – обращение с Тридцатью и Десятью. – Предложение Формисия о лишении гражданских прав. – Отклонение предложения – речь, составленная Лисием против него. – Пересмотр законов – Номофеты. – Постановление о том, что уголовные расследования не должны касаться событий ранее архонства Евклида (403 г. до н. э.). – Видоизменение клятвы, приносимой советом и дикастами. – Дополнительные меры для соблюдения амнистии. – Отсутствие резкой реакции как после правления Тридцати, так и после Четырехсот. – Великодушное и разумное поведение демоса – в сравнении с олигархией. – Забота народа о сохранении прав частной собственности. – Возврат долга лакедемонянам. – Всадники. – Пересмотр законов – Никомах. – Принятие более полного ионийского алфавита вместо старого аттического для записи законов. – Знаменательная эпоха архонства Евклида. Ритор Лисий. – Другие изменения в Афинах – упразднение Коллегии эллинотамиев – ограничение права гражданства. – Почетная награда Фрасибулу и изгнанникам.

Положение и взгляды Алкивиада в Азии. – Артаксеркс Мнемон, новый царь Персии. Планы Кира – Алкивиад желает раскрыть их в Сузах. – Лакедемоняне совместно с Киром требуют от Фарнабаза его казни. – Убийство Алкивиада по приказу Фарнабаза. – Характер Алкивиада.

Глава LXVII. ДРАМА. – РИТОРИКА И ДИАЛЕКТИКА. – СОФИСТЫ.

Афины сразу после Евклида – политическая история малоизвестна. – Необычайное развитие драматического таланта. – Постепенное расширение трагедии. – Обилие новых трагедий в Афинах. – Доступность театра для беднейших граждан. – Теорикон, или праздничные выплаты. – Влияние трагедий на общественное сознание Афин. – Эсхил, Софокл и Еврипид – изменения в трагедии. – Популярность, приобретаемая благодаря расходам на празднества.

Развитие комедии в Афинах. – Комические поэты до Аристофана – Кратин и др. – Разоблачение граждан по имени в комедии – временный запрет, затем возобновление – Кратет и более мягкая комедия. – Аристофан. – Влияние комедии на афинское сознание. – Ошибочная оценка комических авторов как надежных свидетелей или справедливых критиков.

Неприязнь Солона к зарождающейся драме. – Драматическая поэзия в сравнении с прежними видами поэзии. – Этические чувства, интерес и полемика, вплетенные в драму. – Драма стала переходной ступенью к риторике, диалектике и этической философии.

Практическая ценность и необходимость риторических навыков. – Риторика и диалектика. – Эмпедокл из Агригента – первое имя в риторическом движении. – Зенон из Элеи – первое имя в диалектическом движении. – Элейская школа – Парменид. – Зенон и Мелисс – их диалектические атаки на противников Парменида. – Зенон в Афинах – его беседы и с Периклом, и с Сократом. – Раннее проявление и мощная действенность отрицательного подхода в греческой философии.

Риторика и диалектика – люди практической жизни и люди умозрения – два отдельных направления интеллектуальной деятельности. – Постоянное противостояние между этими двумя интеллектуальными классами – течение невежества в Афинах, враждебное обоим.

Постепенное расширение сферы образования в Афинах – возросшие знания и способности учителей музыки.

Софисты – истинное греческое значение этого слова – скрытое в нем неодобрительное отношение. – Имя «софист», использованное Платоном в особом смысле в его полемике против известных платных учителей. – Заблуждения, возникающие из-за особого употребления Платоном этого слова.

Платные учителя, или софисты, времен Сократа – Протагор, Горгий и др. – Платон и софисты – две разные точки зрения: реформатор и теоретик против практического учителя. – Софисты были профессиональными наставниками для активной жизни, как Исократ и Квинтилиан. – Неверное толкование диалогов Платона как свидетельств против софистов.

Софисты как платные учителя – нет доказательств их жадности или чрезмерных требований – подход Протагора. – Софисты как учителя риторики – безосновательные обвинения против них в этом качестве, выдвигаемые также против Сократа, Исократа и других.

Фрасимах – его риторические наставления. – Продик – его различение слов со схожим значением. – Протагор – его трактат «Истина» – его мнение о языческих богах. – Его взгляд на процесс познания и его относительность.

Горгий – его трактат о физических предметах – искажения его сути. – Необоснованные обвинения против софистов. – Они не были сектой или школой с общими доктринами или методом; они были профессиональной группой с яркой индивидуальностью.

Афинский характер не был испорчен [стр. XIII] между 480 г. до н. э. и 405 г. до н. э.

Продик – «Выбор Геракла». – Протагор – реальная оценка, данная ему Платоном. – Гиппий из Элиды – как он изображен у Платона.

Горгий, Пол и Калликл. – Учение, выдвинутое Полем. – Учение, выдвинутое Калликлом – антиобщественное. – Калликл не софист. – Учение, вложенное в его уста, никогда не могло быть изложено в публичной лекции среди афинян.

Учение Фрасимаха в «Государстве» Платона. – Такое учение не было общим для всех софистов – оскорбительным в нем является манера подачи. – Мнение Фрасимаха позже развито Главконом – с меньшей грубостью и большей логической силой.

Платон против софистов вообще. Его категория обвинений охватывает все общество, включая поэтов и государственных деятелей. – Несправедливо судить софистов или афинских политиков по стандартам Платона.

Платон прямо отрицает, что афинская порча должна приписываться софистам. – Софисты не были учителями пустых слов в отрыве от действия. – Общий положительный эффект их учений на молодежь.

Высокая репутация софистов – свидетельство уважения к интеллекту и хорошего состояния общественного мнения.

Глава LXVIII. СОКРАТ.

Различие в отношении к Сократу и к софистам. – Происхождение и семья Сократа. – Его физические и нравственные качества. – Ксенофонт и Платон как свидетели. – Их описания Сократа в основном согласуются. – Привычки Сократа. – Главные особенности Сократа. – Его постоянная публичность жизни и беседы со всеми без разбора. – Причина, по которой Сократ был выведен Аристофаном на сцене. – Его убежденность в особой религиозной миссии. – Его даймоний, или гений – другие вдохновения. – Оракул из Дельф, объявивший, что никто не мудрее его. – Его миссия – разоблачать ложную мудрость других. – Слияние религиозного мотива с интеллектуальным поиском в его сознании – множество врагов, которых он приобрёл. – Сократ как религиозный проповедник, выполняющий работу философии.

Интеллектуальные особенности Сократа. – Он открыл этику как новую область научного обсуждения. – Обстоятельства, направившие ум Сократа к этическим размышлениям. – Границы научного исследования, установленные Сократом. – Он ограничивает изучение человеческими делами, в отличие от божественных – человеком и обществом. – Важность этого нововведения – множество новых и доступных явлений, введенных в обсуждение. – Методологические новшества Сократа – диалектический метод – индуктивные рассуждения – определения. – Начало аналитического осознания умственных операций – роды и виды. – Сравнение Сократа с предшествующими философами. – Огромный шаг, сделанный Сократом в закладке основ формальной логики, впоследствии развитой Платоном и систематизированной Аристотелем.

Диалектический процесс, используемый Сократом – неразрывная связь между методом и предметом. – Также неразрывная связь между диалектическим процессом и логическим распределением материала – единое во многом и многое в едином. – Убежденность Сократа в своей религиозной миссии побуждала его распространять свою перекрёстную проверку на известных людей. – Его перекрёстный анализ не ограничивался знаменитостями, но имел универсальное применение.

Основные идеи, направлявшие критику Сократа – противопоставление специальных профессий и общих обязанностей общественной жизни. – Платоновские диалоги – обсуждение того, можно ли научить добродетели. – Мнимая учёность без истинного знания – её повсеместное распространение. – Такая уверенность без науки в то время относилась и к астрономии, и к физике, так же как к вопросам человека и общества – теперь она ограничена последними. – Сократ первым сформулировал идею этической науки, включающей соответствующую этическую цель, теорию и предписания.

Усердие, с которым Сократ внушал самоанализ – влияние его бесед на других. – Наставнические и положительные наставления Сократа в основном изложены Ксенофонтом. – Это не было особенностью Сократа – его мощный метод пробуждения аналитических способностей. – Отрицательный и косвенный анализ Сократа вызывал сильную жажду и активные усилия для достижения положительной истины. – Индуктивный процесс исследования и бэконовский дух Сократа.

Сократический метод стремится создать умы, способные самостоятельно формировать выводы – а не насаждать готовые заключения. – Греческая диалектика – её многосторонний подход к предметам – сила отрицательного аргумента. – Предметы, к которым она применялась – человек и общество – по сути требовали такого подхода – причина почему. – Действи-

тельное различие и противоречие между Сократом и софистами. – Огромная эффективность Сократа в формировании новых философских умов.

Общая теория Сократа об этике – он сводил добродетель к знанию, или мудрости. – Эта доктрина неполна, так как принимает часть за целое. – Он пришёл к этой общей идее по аналогии со специальными профессиями. – Постоянные отсылки Сократа к практическим обязанностям и деталям. – Производные рассуждения Сократа имели более широкий охват, чем его общая доктрина.

Политические взгляды Сократа. – Долгий период, в течение которого Сократ выполнял свою миссию публичного собеседника. – Обвинение против него, выдвинутое Мелетом, Анимом и Ликоном. – Истинное удивление вызывает то, что это обвинение не было предъявлено раньше. – Неизбежная непопулярность, которую приобрёл Сократ в своей миссии. – Только благодаря общей терпимости афинской демократии и населения ему было позволено продолжать так долго.

Конкретные обстоятельства, приведшие к суду над Сократом. – Личная обида Анита. – Непопулярность Сократа из-за его связи с Критием и Алкивиадом. – Враждебность поэтов и риториков к Сократу. – Обвинительный акт – доводы обвинителей – влияние «Облаков» Аристофана на создание предубеждения против Сократа. – Обвинение в развращении молодёжи частично основывалось на политических мотивах. – Ему вменялось в вину искажение поэтов. – Замечания Ксенофонта по поводу этих обвинений. – Обвинения затрагивают слабое место сократовской этической теории. – Его политическая критика.

Приговор против Сократа отчасти был вызван его собственным согласием. – Небольшое большинство, которым он был осуждён. – Сократ защищался так, словно не желал оправдания. – «Платоновская апология». – Взгляды Сократа на смерть. – Влияние его защиты на судей. – Утверждение Ксенофонта, что Сократ мог бы быть оправдан, если бы пожелал. – Приговор – как он выносился в афинском процессе. – От Сократа требуют предложить альтернативное наказание – его поведение. – Усиление негативных чувств у судей из-за его поведения. – Смертный приговор – твёрдая приверженность Сократа своим убеждениям. – Удовлетворённость Сократа приговором, основанная на осознанном убеждении.

Сократ в тюрьме тридцать дней – он отказывается от возможности побега – его спокойная смерть. – Оригинальность Сократа. – Взгляды на Сократа как на морального проповедника и скептика – первое неполно, второе неверно. – Сократ позитивен и практичен в своей цели; отрицателен только в средствах. – Два пункта, в которых Сократ систематически отрицателен. – Метод Сократа универсален в применении.

Осуждение Сократа – одно из проявлений нетерпимости. – Смягчающие обстоятельства – принцип правоприменения ортодоксии, общепризнанный в древности. – Множество личных врагов, нажитых Сократом. – Его осуждение отчасти спровоцировано им самим. – Афиняне не раскаялись в этом.

Часть II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Глава LXII. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ. – ОЛИГАРХИЯ ЧЕТЫРЁХСОТ В АФИНАХ.

Прошёл около года между катастрофой афинян под Сиракузами и их победой над милетцами при высадке близ Милета (с сентября 413 г. до н. э. по сентябрь 412 г. до н. э.). После первого из этих событий полная гибель Афин казалась неизбежной и невосполнимой как их врагам, так и им самим. Однако их восстановление было настолько поразительным, быстрым и энергичным, что ко времени второго события они уже вели вполне достойную борьбу, хотя и с ослабленными ресурсами и чисто оборонительной тактикой, против врагов, ставших ещё более многочисленными и смелыми, чем прежде. Нет оснований сомневаться, что их внешние дела могли бы и дальше улучшаться, если бы в этот критический момент не возникла угроза из-за предательства части их собственных граждан, вновь поставившего их на грань гибели, от которой их спасла лишь некомпетентность противников.

Это предательство берёт начало от изгнанника Алкивиада. Уже было рассказано, как этот человек, столь же беспринципный, сколь и энергичный, с присущим ему рвением перешёл на службу Спарте и указал ей наилучшие способы помощи Сиракузам, нанесения прямого ущерба Афинам и, наконец, провоцирования восстания среди их ионийских союзников. Именно благодаря его смелости и личным связям в Ионии были подняты восстания Хиоса и Милета.

Однако за несколько месяцев он сильно потерял доверие спартанцев. Восстание азиатских владений Афин произошло не так легко и быстро, как он предсказывал; Халкидей, спартанский командир, с которым он действовал, был разбит и убит под Милетом; эфор Эндий, бывший его главным покровителем, оставался в должности лишь год и сменился другими эфорами как раз в конце сентября или начале октября, когда афиняне одержали вторую победу под Милетом и готовились блокировать город; а его личный враг, царь Агис, по-прежнему преследовал его. Более того, в характере этого незаурядного человека была такая эгоистичность, тщеславие и вероломство, что никто не мог быть уверен в его преданности. И как только случалась неудача, его энергия и способности, редко ему изменявшие, лишь усиливали подозрения, что он предал своих союзников.

Так, после поражения под Милетом царь Агис сумел дискредитировать Алкивиада как предателя Спарты, и новые эфоры немедленно отправили приказ стратегу Астиоху казнить его. Теперь Алкивиад на собственном опыте узнал разницу между спартанскими и афинскими порядками. Хотя его врагов в Афинах было много, и они были крайне озлоблены, имея к тому же преимущество (столь важное в политической борьбе) – возможность обвинить его в нечестии, – всё же самое большее, чего они добились, было требование вернуть его для суда перед дикастерием. В Спарте же, без каких-либо конкретных обвинений и без суда, его враги добились приказа о его казни.

Однако Алкивиад вовремя узнал о приказе и успел бежать к Тиссаферну. Вероятно, его предупредил сам Астиох, понимавший, что столь чудовищный поступок оттолкнёт хиосцев и милетцев, но не предвидевший всего вреда, который нанесёт его дезертирство Спарте. Благодаря своей гибкости, позволявшей ему мгновенно осваивать новые роли, Алкивиад вскоре сумел войти в доверие сатрапа. Теперь он вёл игру ни спартанскую, ни афинскую, а персидскую и антигреческую – игру в двойную игру, к которой Тиссаферн и сам был склонен, но для которой требовалось посредничество ловкого греческого переговорщика. Алкивиад убеждал, что интересы Великого царя не в том, чтобы оказывать столь существенную помощь одной из воюющих сторон, чтобы она могла разгромить другую: ему не следовало ни направлять финикийский флот на помощь лакедемонянам, ни выплачивать столь щедрое жалование, которое

позволило бы им бесконечно нанимать новые греческие войска. Напротив, следовало поддерживать и затягивать войну, чтобы каждая сторона истощала и разоряла другую, а он сам вышлся на их руинах: сначала сокрушить афинскую империю руками пелопоннесцев, а затем изгнать и самих пелопоннесцев, что не составило бы труда, если бы они были ослаблены затяжной войной.

В этом совете Алкивиад выступал как персидский советник, предлагая политику, вполне соответствующую интересам двора в Сузах. Однако он редко давал советы без расчёта на собственную выгоду, честолюбие или личные счёты. Отвергнутый спартанцами, он теперь был вынужден добиваться возвращения на родину. Для этого нужно было не только уберечь её от полного краха, но и предстать перед афинянами как человек, способный, будучи восстановленным в правах, переориентировать помощь Тиссаферна со Спарты на Афины. Поэтому он далее внушал сатрапу, что хотя в его интересах не допускать соединения сухопутной и морской мощи в одних руках – будь то спартанских или афинских, – тем не менее, договориться с имперскими притязаниями Афин будет проще, чем со Спартой. Афины, утверждал он, не стремились и не заявляли о других целях, кроме подчинения своих морских союзников, в обмен на что они охотно оставят всех малоазийских греков в руках Великого царя; тогда как Спарта, отрекаясь от всяких имперских амбиций и лицемерно провозглашая всеобщее освобождение каждого греческого города, не могла без явного противоречия лишиться этого права малоазийских греков. Этот взгляд, казалось, подтверждался возражениями, которые Ферамен и многие пелопоннесские командиры выдвигали против первого соглашения, заключённого Халкидеем и Алкивиадом с Тиссаферном, а затем – возражениями Лиха даже против второго, изменённого соглашения Ферамена, сопровождавшимися гневным протестом против идеи передачи Великому царю всех земель, когда-либо принадлежавших его предшественникам.

Все эти доводы, с помощью которых Алкивиад пытался внушить сатрапу предпочтение к Афинам, были либо бесполезны, либо основаны на ложных предпосылках. Ведь, с одной стороны, даже Лихас не отказывался от выдачи малоазийских греков Персии; с другой – афинская империя, пока она существовала, представляла для Персии куда большую угрозу, чем любые усилия Спарты под лицемерным предлогом всеобщего освобождения греческих городов. Тиссаферн вовсе не поддался этим доводам, хотя и ощутил силу негативных рекомендаций Алкивиада – не делать для пелопоннесцев больше, чем необходимо для поддержания войны, не обеспечивая им ни быстрой, ни решительной победы. Вернее, эта двойная игра была столь созвучна его восточному уму, что Алкивиад даже не был нужен для её одобрения. Истинная польза афинского изгнанника заключалась в помощи сатрапу в её осуществлении и в предоставлении правдоподобных предлогов и оправданий вместо реальных поставок людей и денег.

Поселившись вместе с Тиссаферном в Магнесии – том самом месте, где около пятидесяти лет назад жил другой афинский изгнанник, столь же беспринципный, но более способный, Фемистокл, – Алкивиад стал посредником в его переговорах с греками и казался полностью в курсе его планов. Эту видимость он использовал, чтобы лживо убедить афинян на Самосе, будто может направить персидские богатства на помощь Афинам.

Первая выплата Тиссаферна пелопоннесцам в Милете после захвата Иасоса и восстановленного Аморгоса составила одну драхму на человека. Однако было объявлено, что в дальнейшем она сократится вдвое, и Алкивиад взялся объяснить это сокращение. Афиняне, утверждал он, платили не более половины драхмы не потому, что не могли позволить больше, а потому, что их долгий опыт морских дел показал: большее жалование портит дисциплину моряков, ведя к излишествах и распущенности, а также к слишком частым отпускам в уверенности, что высокая плата заставит их вернуться по требованию. Поскольку он вряд ли ожидал, что такие уловки – особенно в момент, когда Афины были настолько бедны, что не могли платить даже полдрахмы – кого-то убедят, он уговорил Тиссаферна подкрепить их эффект инди-

видуальными взятками стратегам и триерархам. Этот аргумент оказался действенным, и все, кроме сиракузца Гермократа, перестали жаловаться. Что касается других греческих городов, просивших денежной помощи, особенно Хиоса, Алкивиад высказывался менее сдержанно. До сих пор, говорил он, они были вынуждены платить Афинам, и теперь, избавившись от этих выплат, должны быть готовы взять на себя равные или даже большие расходы на собственную защиту. Более того, добавлял он, это было бы чистым бесстыдством со стороны хиосцев, богатейших людей Греции, если бы они, требуя иностранных войск для своей защиты, одновременно требовали, чтобы другие оплачивали их содержание. В то же время он намекал – чтобы сохранить надежды на будущее – что Тиссаферн пока ведёт войну за свой счёт, но если впоследствии поступят средства из Суз, полная оплата будет возобновлена, возможно, с дополнительной помощью греческим городам в иных формах. К этому обещанию добавлялось заверение, что финикийский флот уже снаряжается и вскоре придёт к ним на помощь, обеспечив превосходство, делающее сопротивление безнадёжным. Это заверение было не только лживым, но и вредным, поскольку использовалось для отговора от немедленных действий и парализации флота в моменты его наибольшей боеспособности. Даже урезанное жалование выплачивалось так нерегулярно, а пелопоннесские силы содержались в такой строгости, что двуличие сатрапа стало очевидным для всех и поддерживалось лишь подкупом офицеров.

Пока Алкивиад, как доверенное лицо и посредник Тиссаферна, проводил эту антипелопоннесскую политику осенью и зимой 412–411 гг. до н. э. – отчасти во время стоянки пелопоннесского флота в Милете, отчасти после его перехода в Книд и на Родос – он одновременно вступил в переписку с афинскими командирами на Самосе. Его разрыв с пелопоннесцами, как и его номинальное положение на службе у Тиссаферна, были хорошо известны среди афинского войска. Его план заключался в том, чтобы добиться восстановления в правах и возвращения власти в родном городе, представив себя как человека, способного привлечь на сторону Афин помощь и союз Персии благодаря своему влиянию на сатрапа.

Однако его враждебность к демократии была настолько общеизвестна, что он отчаялся добиться возвращения, если только оно не будет связано с олигархическим переворотом. Более того, это не только удовлетворяло его жажду мести за прошлое, но и соответствовало его честолюбивым планам на будущее.

Поэтому он отправил тайное послание командирам и триерархам на Самосе (многие из которых, несомненно, были его личными друзьями), передавая привет «лучшим людям» в войске – такова была одна из расхожих фраз, по которой олигархи узнавали друг друга. Он дал понять, что страстно желает вернуться к ним как гражданин, приведя с собой Тиссаферна в качестве союзника. Но он соглашался на это только при условии установления олигархического правления, отказываясь когда-либо вновь ступить на землю ненавистной демократии, изгнавшей его.

Так возник первый зародень временного бедствия, едва не погубившего Афины, – правления Четырёхсот. Инициатива исходила от того самого изгнанника, который уже нанес своей родине тяжелый удар, отправив Гилиппа в Сиракузы и лакедемонский гарнизон в Декелею. До этого момента никто на Самосе и не помышлял о перевороте, но как только идея была высказана, триерархи и богачи в войске ухватились за нее с жадностью.

Свергнуть демократию ради собственной выгоды и получить в награду персидские сокровища для продолжения войны против пелопоннесцев – это было везение, превосходившее их самые смелые надежды. В условиях истощения государственной казны Афин и потери дани с подчиненных городов, основное бремя военных расходов теперь ложилось на частных лиц, особенно на богатых. Теперь же они видели возможность избавиться от этого бремени и увеличить шансы на победу.

Окрыленные столь заманчивыми перспективами, делегация отправилась с Самоса на материк для личной встречи с Алкивиадом. Тот вновь заверил их, что приведет не только

Тиссаферна, но и самого Великого царя в активный союз с Афинами – при условии свержения демократии, которой, как он утверждал, царь не мог доверять. Разумеется, он не забыл упомянуть и другую сторону альтернативы: в случае отказа персидская помощь будет целиком отдана пелопоннесцам, и тогда Афинам не останется никакой надежды на спасение.

Когда делегация вернулась с этими новыми заверениями, олигархи на Самосе собрались в еще большем числе и с удвоенным рвением, чтобы обсудить меры по свержению демократии. Они даже осмелились открыто говорить об этом проекте среди основной массы войска, которая восприняла его с отвращением, но была вынуждена молчать, услышав, что персидская казна откроется для них только при условии отказа от демократии.

Острая необходимость в иностранных деньгах для войны и угроза гибели, если персидские сокровища достанутся врагу, заставили даже самых преданных демократии афинян задуматься. Однако заговорщики-олигархи понимали, что настроение войска против них, что в лучшем случае они могут рассчитывать на неохотное согласие, и что переворот придется осуществлять своими силами.

Они организовали политический союз (гетерию) для обсуждения дальнейших действий. Было решено отправить в Афины делегацию во главе с Писандром, чтобы сообщить о новых перспективах, активизировать олигархические клубы (гетерии) для насильственного свержения демократии, а также установить олигархические режимы во всех оставшихся подчиненных Афинам городах. Они полагали, что это удержит их в повиновении, а возможно, даже вернет некоторые уже отпавшие города, как только Афины избавятся от демократии и перейдут под власть «лучших и добродетельных граждан».

До сих пор предлагаемая сделка выглядела так: свержение демократии и возвращение Алкивиада в обмен на активную поддержку и золото Персии. Но какие гарантии были, что эта сделка будет исполнена? Единственной гарантией было слово Алкивиада – ненадежное даже тогда, когда он обещал то, что было в его власти, как показал его поступок с лакедемонскими посланцами в Афинах.

На этот раз он ручался за нечто совершенно невероятное. Какой разумный мотив мог заставить Великого царя строить свою внешнюю политику в интересах Алкивиада? Почему он должен был желать замены демократии на олигархию в Афинах? Эти вопросы заговорщики даже не ставили, предпочитая их заглушить. Предложение Алкивиада идеально совпадало с их политическими интересами и амбициями.

Лишь один человек, насколько известно, открыто усомнился в этом – Фриних, один из стратегов флота, человек проницательный, но лично враждебный Алкивиаду. Хотя позже он стал одним из организаторов олигархического движения, в тот момент он выступал против него.

Алкивиад, утверждал Фриних, не привержен ни олигархии, ни демократии; на него нельзя положиться. Его цель – использовать заговор для собственного возвращения, что внесет раздор в войско. Что касается персидского царя, то глупо ожидать, что он станет помогать афинянам, своим старым врагам, когда у него уже есть союзники-пелопоннесцы.

Подчиненные города, продолжал Фриних, не обрадуются олигархии. Они стремятся к автономии, независимо от формы правления. Они знают, что афинские олигархи – те самые «добродетельные мужи» – были главными советниками народа в его несправедливых действиях. При олигархии их ждут казни без суда, тогда как демократия хотя бы давала возможность защиты.

Но его протест, как показали дальнейшие события, остался гласом вопиющего в пустыне. Олигархи решили отправить Писандра в Афины, чтобы завершить переворот и добиться возвращения Алкивиада, представив народу нового союзника – Тиссаферна.

Фриних хорошо знал, какие последствия ожидают его лично, если этот замысел будет осуществлен, как он и предвидел, – месть его врага Алкивиада за недавнее противодействие.

Убеденный, что Алкивиад погубит его, он решил сам заранее уничтожить Алкивиада, даже ценой предательского сообщения лакедемонскому адмиралу Астиоху в Милете. Он отправил ему тайное донесение о заговорах, которые афинский изгнанник вел на Самосе во вред пелопоннесцам, сопроводив его неловкими извинениями за принесение интересов родины в жертву необходимости защититься от личного врага.

Но Фриних плохо знал истинный характер спартанского командующего и его связи с Тиссаферном и Алкивиадом. Последний теперь находился в Магнесии под защитой сатрапа и был вне досягаемости лакедемонян. Более того, Астiox, предавший свой долг ради золота Тиссаферна, отправился туда, чтобы показать письмо Фриниха именно тому, кого оно должно было изобличить. Алкивиад немедленно сообщил генералам и офицерам на Самосе о шаге, предпринятом Фринихом, и потребовал его казни.

Жизнь Фриниха висела на волоске, и, вероятно, была сохранена лишь благодаря глубоко укорененному в афинском характере уважению к судебным формальностям. В крайней опасности он прибег к еще более хитроумной уловке, чтобы спасти себя. Он отправил Астиоху второе письмо, жалуясь на нарушение доверия в отношении первого, но в то же время намекая, что теперь готов предать лакедемонцам лагерь и флот на Самосе. Он пригласил Астиоха напасть на еще не укрепленное место, подробно объяснив, как лучше провести атаку, и заключил, что такие и любые другие средства защиты должны быть прощены человеку, чья жизнь находится под угрозой из-за личного врага.

Предвидя, что Астiox предаст и это письмо, как предал первое, Фриних выждал время, а затем сообщил лагерю о намерении врага атаковать, якобы получив эти сведения из частных источников. Он настаивал на немедленных мерах предосторожности и, как генерал, лично руководил работами по укреплению, которые вскоре были завершены. Вскоре прибыло письмо от Алкивиада, извещавшее армию, что Фриних их предал, и пелопоннесцы готовятся к нападению. Но поскольку меры предосторожности, принятые по приказу самого Фриниха, уже были выполнены, это письмо сочли лишь уловкой Алкивиада, который, зная о планах пелопоннесцев, хотел обвинить своего врага в предательской переписке. Впечатление от второго письма стерло подозрения, вызванные первым, и Фриних был оправдан по обоим обвинениям.

Однако, хотя Фриних успешно выпутался, его маневр против влияния и жизни Алкивиада провалился. Олигархическое движение не только продолжилось, но и перекинулось с Самоса в Афины. По прибытии туда Писандр и его сторонники изложили народному собранию планы, задуманные олигархами на Самосе. Народу предложили восстановить Алкивиада и отказаться от демократической конституции, взамен обещая союз с персидским царем и победу над пелопоннесцами.

Эти предложения вызвали бурю в собрании. Многие ораторы горячо защищали демократию; лишь немногие, если вообще такие были, выступали против. Противники Алкивиада с негодованием осуждали вред его восстановления, нарушающего законы и отменяющего судебный приговор, в то время как Евмолпиды и Керики, священные семьи, связанные с Элевсинскими мистериями, которые осквернил Алкивиад, подали религиозный протест.

Против всех этих яростных оппонентов, чьи страстные обличения находили полный отклик в собрании, у Писандра был лишь один простой ответ. Он вызывал их по именам и задавал каждому один и тот же вопрос:

– Какая у вас есть надежда на спасение города, когда у пелопоннесцев флот, равный нашему, больше союзных городов, а царь и Тиссаферн снабжают их деньгами, тогда как у нас денег больше нет? Какая надежда на спасение, если мы не сможем убедить царя перейти на нашу сторону?

Ответом было мрачное молчание или признание безнадежности.

– Тогда, – продолжал Писандр, – этой цели нельзя достичь, если мы не станем управлять государством более умеренно, не передадим власть в руки немногих и не вернем Алкивиада –

единственного, кто сейчас способен это устроить. Разве мы поставим политическое устройство выше спасения города? Тем более что позже можно будет изменить то, что мы сейчас решим, если оно окажется неудачным.

Предложение об олигархической реформе вызвало единодушное и гневное сопротивление собрания. Но, как и на Самосе, их заставило замолчать жестокая необходимость. Собрание, неохотно, но под давлением обстоятельств, утвердило предложение Писандра. Он и десять других послов с полномочиями вести переговоры с Алкивиадом и Тиссаферном были немедленно отправлены в Ионию.

Перед отъездом Писандр предпринял еще более важный шаг. Он понимал, что недавнее голосование, вырванное страхом перед войной и противоречащее истинным настроениям собрания, никогда не станет реальностью по доброй воле народа. Оно было лишь первой ступенью – формальным оправданием для себя и сигналом для олигархических сил. Теперь предстояло второй шаг: организовать насилие, достаточное для подчинения народа.

Писандр обратился к политическим клубам (гетериям) – тайным объединениям богатых граждан, связанных клятвой взаимной поддержки в политике, судах и общественных делах. Эти клубы, часто враждовавшие между собой, теперь должны были объединиться против общего врага – демократии. Под руководством Писандра они начали подготовку к перевороту.

После его отъезда инициативу перехватил учитель риторики Антифон из дема Рамнунта. Не имея возможности выступать публично из-за непопулярности своей профессии среди демократов, он стал мастером закулисных интриг и теперь с радостью направил свои таланты на свержение ненавистного ему строя. Его организаторские способности и холодный расчет сделали его ключевой фигурой готовящегося переворота.

Вот каков был человек, которому Писандр перед своим отъездом в основном поручил задачу организации антинародных клубов для завершения революции, уже стоявшей на пороге. Его главным помощником был Ферамен, другой афинянин, впервые упомянутый здесь, выдающийся способностями и хитростью. Его отец (родной или приемный), Агнон, был одним из пробулов и ранее основал Амфиполь. Даже Фриних – чью проникаемость мы уже имели возможность оценить и который из ненависти к Алкивиаду решительно выступил против олигархического движения на Самосе – стал рьяно поддерживать это движение в Афинах после своего отстранения от командования. Он привнес на сторону Антифона и Ферамена изобретательный ум, не уступающий их собственному, сочетавшийся с дерзостью и смелостью, даже превосходящей их. Под руководством таких искусных вождей антинародные силы Афин были организованы с глубоким расчетом и направлялись с ловкой жестокостью, невиданной ранее в Греции.

К тому времени, когда Писандр и другие послы достигли Ионии, примерно в конце января или начале февраля 411 г. до н. э., пелопоннесский флот уже покинул Милет и направился в Книд и Родос, на последний из которых Леонт и Диомедон совершили несколько набегов с соседнего острова Халки. В то же время афинские войска на Хиосе добивались успехов в осаде города и строительстве укрепления в Дельфинии. Педарит, лакедемонский наместник острова, отправил настоятельные просьбы о помощи к пелопоннесцам на Родосе, но помощь не пришла; поэтому он решил предпринять общую [стр. 20] вылазку и атаковать афинян всеми своими силами, включая как союзников, так и хиосцев. Хотя сначала он добился некоторого успеха, битва закончилась его полным поражением и гибелью, с большими потерями среди хиосских войск и утратой многих щитов, захваченных во время преследования. [20] Хиосцы, оказавшиеся в еще более тяжелом положении и начавшие страдать от голода, смогли продержаться лишь благодаря частичному подкреплению, вскоре полученному от пелопоннесских сторожевых кораблей в Милете. Спартаец по имени Леонт, прибывший на корабле Антисфена в качестве одного из эпабатов (морских пехотинцев), возглавил эту эскадру из двенадцати

триер, преимущественно фурийских и сиракузских, сменив Педарита на посту главнокомандующего островом. [21]

Именно в тот момент, когда Хиос, казалось, был близок к возвращению под власть Афин, а превосходящий пелопоннесский флот был парализован на Родосе персидскими интригами и подкупом, Писандр прибыл в Ионию, чтобы начать переговоры с Алкивиадом и Тиссаферном. Он мог заявить, что свержение демократии в Афинах уже началось и скоро завершится, и теперь требовал обещанной награды взамен – персидского союза и помощи Афинам против [стр. 21] пелопоннесцев. Но Алкивиад прекрасно понимал, что пообещал то, чего не имел ни малейшего шанса выполнить. Сатрап, казалось, следовал его советам – или, вернее, собственным интересам, используя Алкивиада как инструмент, – стремясь истощить обе стороны и поддерживать их примерно в равновесии, пока они не погубят друг друга. Однако он никоим образом не был склонен отождествлять себя с делом Афин и окончательно порывать с пелопоннесцами, особенно в момент, когда их флот был не только больше афинского, но и располагался на острове вблизи его сатрапии. Соответственно, Алкивиад, вызванный афинскими послами для выполнения своих обязательств, оказался в затруднительном положении, из которого мог выйти лишь с помощью одной из своих характерных уловок.

Принимая послов вместе с Тиссаферном и выступая от его имени, он выдвинул требования, заведомо неприемлемые для афинян, чтобы разрыв выглядел их решением, а не его. Во-первых, он потребовал уступить Великому царю всю Ионию; во-вторых, все соседние острова, а также некоторые другие территории. [22] Хотя эти требования были огромными (включая уступку Лесбоса, Самоса и Хиоса и возвращение Персидской монархии к состоянию 496 г. до н. э., до Ионийского восстания), Писандр и его коллеги согласились на все, так что Алкивиад оказался на грани разоблачения своей хитрости. Тогда он придумал новое требование, задевавшее афинскую гордость и безопасность в самом уязвимом месте: он потребовал, чтобы персидскому царю было позволено строить неограниченное количество военных кораблей и свободно плавать вдоль побережья на всех новых территориях. После огромных уступок, уже сделанных, послы не только сразу отвергли это новое требование, но и восприняли его как оскорбление, раскрывающее истинные намерения [стр. 22] Алкивиада. Оно не только отменяло хваленый договор, известный как Каллиев мир, заключенный около сорока лет назад между Афинами и Персией и ограничивавший персидские военные корабли водами восточнее Фаселиды, но и уничтожал морское господство Афин, ставя под угрозу безопасность всех побережий и островов Эгейского моря. Видеть Лесбос, Хиос и Самос во власти Персии было болезненно, но появление мощных персидских флотов у этих островов стало бы верным предвестником и средством дальнейших завоеваний на западе, возродив агрессивные устремления Великого царя, как во времена Ксеркса. Писандр и его товарищи, резко прервав переговоры, вернулись на Самос, возмущенные открытием, которое они сделали впервые: Алкивиад обманывал их с самого начала, выдвигая заведомо неприемлемые условия. [23] Тем не менее, они, по-видимому, все еще считали, что Алкивиад поступал так не потому, что не мог, а потому что не хотел заключить обсуждаемый союз. [24] Они подозревали его в предательстве олигархического движения, которое он сам же инициировал, и в планах вернуться в лоно демократии, которую он сначала порицал, заключив союз с Тиссаферном. Именно так они представили его поведение, изливая разочарование в обвинениях в двоедушии и утверждениях, что он, в конце концов, непригоден для олигархического общества. Такие заявления, [стр. 23] распространявшиеся на Самосе для объяснения неожиданного провала их надежд, создали среди войска впечатление, что Алкивиад действительно симпатизирует демократии, одновременно сохраняя ореол своего безграничного влияния на Тиссаферна и Великого царя. Вскоре мы увидим последствия этой веры.

Однако сразу после разрыва переговоров сатрап предпринял шаг, призванный окончательно разрушить надежды афинян на персидскую помощь. Хотя он придерживался поли-

тики не оказывать решающей поддержки ни одной из сторон и лишь затягивать войну, чтобы ослабить обе, он начал опасаться, что зашел слишком далеко в ущемлении пелопоннесцев, которые уже два месяца бездействовали на Родосе, поставив свои корабли на берег. У него не было действующего договора с ними, так как Лих отверг два предыдущих соглашения, и он не предоставлял им жалованья или провианта. Его подкупы офицеров пока сдерживали войско, но неясно, как такое большое количество людей находило пропитание. [25] Теперь же он узнал, что их терпение иссякло, и они, вероятно, дезертируют, начнут грабить побережье его сатрапии или, быть может, пойдут на отчаянную битву с афинянами. Опасаясь этого, он счел необходимым возобновить контакт с ними, выплатить жалованье и заключить третье соглашение, которое ранее отказался обсуждать в Книде. Поэтому он отправился в Кавн, вызвал пелопоннесских командиров в Милет и заключил с ними близ города договор следующего содержания:

«В тринадцатый год царствования Дария, при эфоре Алексиппиде в Лакедемонне, лакедемоняне и их союзники заключили с Тисса [стр. 24] ферном, Гиераменом и сыновьями Фарнака соглашение относительно дел царя, лакедемонян и их союзников. Земля царя, сколько ее есть в Азии, должна принадлежать царю. Пусть царь распоряжается своей землей, как пожелает. Лакедемоняне и их союзники не должны приближаться к земле царя с враждебными намерениями, равно как и царь — к земле лакедемонян и их союзников. Если кто-либо из лакедемонян или их союзников приблизится к земле царя с враждебными намерениями, лакедемоняне и их союзники должны воспрепятствовать ему; если кто-либо с земли царя приблизится к лакедемонянам или их союзникам с враждебными намерениями, царь должен воспрепятствовать ему. Тиссаферн должен обеспечивать жалованье и содержание для ныне присутствующего флота по установленной ставке до прибытия царского флота; после этого лакедемоняне могут, если пожелают, содержать свой флот самостоятельно или, если предпочтут, Тиссаферн будет предоставлять содержание, а по окончании войны лакедемоняне вернут ему полученное. После прибытия царского флота оба флота должны вести войну совместно, как будет решено Тиссаферном, лакедемонянами и их союзниками. Если они пожелают заключить мир с афинянами, это должно быть сделано только по общему согласию.» [26]

При сравнении этой третьей конвенции с двумя предыдущими мы видим, что теперь не оговаривается никакая территория, кроме континентальной Азии, которая безоговорочно закрепляется за царём, разумеется, вместе со всеми проживающими на ней греческими поселенцами. Однако благодаря дипломатической уловке условия договора подразумевают, что это не вся территория, на которую царь может претендовать, хотя ничего не говорится о возможных остальных землях. [27]

Далее, в этой третьей конвенции упоминаются Фарнабаз, сын Фарнака, со своей сатрапией Даскилий, и Гиерамен с его областью, чьи размеры и местоположение нам неизвестны; тогда как в предыдущих [р. 25] договорах не фигурировал ни один сатрап, кроме Тиссаферна. Мы должны помнить, что пелопоннесский флот включал те двадцать семь триер, которые Каллигейт специально перевёз для помощи Фарнабазу; поэтому последний теперь естественным образом стал участником общих военных действий.

В-третьих, здесь впервые мы встречаем официальное заявление о персидском флоте, который должен быть приведён в качестве подкрепления для пелопоннесцев. Это было обещание, которое сатрап теперь излагал более откровенно, чем раньше, чтобы обмануть их и ослабить недоверие, которое они начали испытывать к его искренности. Оно служило временной цели удержать их от немедленных отчаянных действий, враждебных его интересам, чего он и добивался. Поэтому, возобновляя выплаты на данный момент, он делал вид, что занят приказами и приготовлениями для флота из Финикии. [28]

Пелопоннесскому флоту было приказано покинуть Родос. Однако перед тем как он покинул остров, туда прибыли послы из Эретрии и Оропа; последний, находившийся на северо-

восточной границе Аттики, хотя и защищался афинским гарнизоном, недавно был внезапно захвачен беотийцами. Потеря Оропа значительно облегчила возможность отпадения Эвбеи; и эти послы пришли просить помощи у пелопоннесского флота, чтобы поддержать остров в этом замысле. Однако пелопоннесские командующие считали себя обязанными в первую очередь помочь пострадавшим на Хиосе, к которому они и направились. Но едва они миновали Триопийский мыс, как увидели афинскую эскадру с Халки, следившую за их передвижениями. Хотя ни одна из сторон не желала генерального сражения, они ясно видели, что афиняне не позволят им пройти мимо Самоса и добраться до Хиоса без боя. Поэтому, отказавшись от плана помощи Хиосу, они снова сосредоточили свои силы в Милете, в то время как афинский флот также вновь собрался на Самосе. [29] Это произошло около конца марта 411 г. до н. э., когда оба флота вернулись на позиции, которые занимали четырьмя месяцами ранее. [р. 26]

После разрыва с Алкивиадом и особенно после этого явного примирения Тиссаферна с пелопоннессцами Писандр и олигархические заговорщики на Самосе должны были пересмотреть свой план действий. Они не начали бы это движение изначально, если бы не были подстрекаемы Алкивиадом и не получили от него обманчивую иллюзию персидского союза, чтобы обмануть и парализовать народ. У них, конечно, было достаточно мотивов, исходя из личных амбиций, чтобы начать это самостоятельно, без Алкивиада; но без надежд – одинаково полезных для их целей, ложных или истинных, – связанных с его именем, у них не было бы шансов сделать первый шаг. Однако теперь этот первый шаг был сделан до того, как обманчивые ожидания персидского золота рассеялись. Афинский народ привык к мысли о свержении своей конституции в обмен на определённую цену: оставалось заставить их под угрозой меча, не платя этой цены, согласиться на то, на что они уже дали согласие. [30]

Более того, лидеры заговора чувствовали себя уже скомпрометированными, так что отступать было небезопасно. Они привели в движение своих сторонников в Афинах, где система убийственного запугивания, хотя известия об этом ещё не дошли до Самоса, уже была в полном разгаре: поэтому они чувствовали себя вынужденными продолжать, как единственный шанс сохранить себя. В то же время все те слабые намёки на общественную пользу в виде персидского союза, которые изначально прилагались к этому плану и которые могли привлечь некоторых робких патриотов, теперь полностью исчезли; и оставалась лишь голая, эгоистичная и беспринципная схема амбиций, не только разрушавшая свободу Афин внутри, но и ослаблявшая и ставившая под угрозу их перед внешним врагом в момент, когда вся их сила едва ли была достаточна для борьбы. Заговорщики решили продолжать, несмотря ни на какие риски, как в разрушении конституции, так и в ведении внешней войны. Большинство из них были богатыми людьми, и они были готовы, как отмечает Фукидид, оплачивать расходы из собственных средств, поскольку теперь боролись не за свою страну, а за собственную власть и выгоду. [31]

Они не теряли времени и приступили к исполнению сразу после возвращения на Самос с неудачной встречи с Алкивиадом. Отправив Писандра с пятью послами обратно в Афины, чтобы завершить начатое там, а остальных пятерых – для олигархизации зависимых союзников, они организовали все свои партийные силы в армии и начали принимать меры для подавления демократии на самом Самосе.

Эта демократия была результатом насильственной революции, осуществлённой около десяти месяцев назад с помощью трёх афинских триер. С тех пор она удерживала Самос от восстания, подобного Хиосу; теперь она стала средством сохранения демократии в самих Афинах. Сторонники Писандра, обнаружив, что она является непреодолимым препятствием для их планов, сумели переманить на свою сторону часть ведущих самосцев, находившихся у власти. Триста из них, те самые, что десять месяцев назад подняли оружие, чтобы свергнуть существовавшую олигархию, теперь вступили в заговор вместе с афинскими олигархами, чтобы свергнуть самосскую демократию и захватить власть для себя. Новый союз был скреплён и освящён,

согласно истинно олигархической практике, убийством без суда, или убийством, для которого подходящая жертва оказалась под рукой.

Афинянин Гипербол, который был подвергнут остракизму несколько лет назад коалицией Никия и Алкивиада вместе с их сторонниками, – остракизован, как говорит Фукидид, не из-за страха перед его властью и влиянием, а из-за его низкого характера и позора для города, и таким образом остракизован в результате злоупотребления институтом, – теперь проживал на Самосе. Поскольку он не был самосцем и к тому же находился в изгнании последние пять или шесть лет, он не мог иметь никакой власти ни на острове, ни в армии, и поэтому его смерть не служила никакой перспективной [р. 28] цели. Но он олицетворял демагогическое и обвинительное красноречие демократии, контроль над должностными преступлениями; так что он стал общим объектом ненависти для афинских и самосских олигархов. Некоторые из афинских заговорщиков во главе с Харином, одним из стратегов, совместно с самосскими заговорщиками схватили Гипербола и убили его, по-видимому, вместе с некоторыми другими жертвами. [32]

Хотя эти совместные убийства служили залогом верности каждой из групп заговорщиков в отношении дальнейших действий, они в то же время предупредили противников. Те ведущие самосцы, которые оставались верны демократии, ища защиты от надвигающейся угрозы, обратились с горячим призывом к Леонту и Диомедонту, двум недавно прибывшим из Афин стратегам, заменившим Фриниха и Скронида, – людям, искренне преданным демократии и враждебным любой олигархической перемене, а также к триерарху Фрасиллу, Фрасибулу, сыну Лика, служившему тогда гоплитом, и многим другим убеждённым демократам и патриотам в афинском войске. Они апеллировали не только к их личной безопасности и своей демократии, теперь находящейся под угрозой со стороны заговорщиков, часть которых были афинянами, но также к общественным интересам Афин; поскольку, если Самос станет олигархическим, его симпатии к афинской демократии и верность союзу прекратятся. В этот момент самые последние события, произошедшие в Афинах, о которых ещё не знали, [р. 29] считалось, что демократия там всё ещё существует. [33]

Поддержать атакуемую демократию Самоса и сохранить сам остров, теперь ставший оплотом разрушающейся Афинской империи, были более чем достаточные мотивы для афинских лидеров, к которым обратились. Начав личную агитацию среди солдат и моряков и призывая их вмешаться, чтобы предотвратить свержение самосской демократии, они обнаружили, что общие настроения решительно на их стороне, особенно среди паралов, или экипажа священной государственной триеры, называемой «Парал». Эти люди были отборными моряками государства – каждый из них не только свободный человек, но и полноправный афинский гражданин, получавший более высокое жалование, чем обычные моряки, и известный своей преданностью демократической конституции, с активной неприязнью к самой олигархии и всему, что от неё пахло. [34]

Бдительность Леонта и Диомедонта на стороне обороны противодействовала интригам их коллеги Харина вместе с заговорщиками и обеспечила самосской демократии верных союзников, всегда готовых к действию. Вскоре заговорщики предприняли насильственную попытку свергнуть правительство; но хотя они выбрали свой момент и возможность, они всё же потерпели полное поражение в схватке, особенно благодаря энергичной помощи паралов. Тридцать из них были убиты в столкновении, а трое самых виновных впоследствии были приговорены к изгнанию. Победившая сторона не стала мстить остальным заговорщикам из трёхсот, объявила всеобщую амнистию и сделала всё возможное для восстановления конституционного и гармоничного функционирования демократии. [35] [р. 30]

Херес, афинский триерарх, активно участвовавший в событиях, был отправлен на самом «Парале» в Афины, чтобы сообщить о произошедшем. Но этот демократический экипаж, прибыв в родной город, вместо ожидаемого приёма обнаружил состояние дел не менее отврати-

тельное, чем удивительное. Демократия Афин была свергнута: вместо Совета Пятисот и народного собрания четыреста самопровозглашённых олигархов восседали с верховной властью в булевтерии. Первым приказом Четырёхсот, услышав, что «Парал» вошёл в Пирей, было заключить под стражу двух или трёх членов экипажа, а остальных перевести с их привилегированной триеры на обычную с приказом немедленно отплыть и крейсировать возле Эвбеи. Командир Херес сумел бежать и вернулся на Самос, чтобы сообщить неприятные новости. [36]

Шаги, благодаря которым эта олигархия Четырёхсот постепенно пришла к власти, следует проследить с момента, когда Писандр покинул Афины – после того как получил постановление народного собрания, разрешающее ему вести переговоры с Алкивиадом и Тиссаферном, – и после того как создал совместную организацию и заговор всех антинародных гетерий, которые оказались под управлением особенно Антифонта и Ферамена, впоследствии поддержанных Фринихом. Все члены того Совета Старейшин, называемого пробулами, которые были назначены после поражения на Сицилии, с Агноном, отцом Ферамена, во главе, [37] – вместе со многими другими ведущими гражданами, некоторые из которых считались стойкими сторонниками демократии, присоединились к заговору; в то время как олигархически настроенные и нейтральные богачи вступили в него с энтузиазмом; так что сформировалась партия, многочисленная и обеспеченная деньгами.

Антифонт не пытался собрать их вместе или сделать какое-либо публичное выступление, вооружённое или нет, чтобы запугать действующие власти. Он позволил совету и народному собранию продолжать заседать и обсуждать как обычно; но его сторонники, чьи имена и количество не были публично известны, получали от него инструкции, когда и что говорить. Главной темой их выступлений была дороговизна демократических институтов в нынешнем тяжёлом финансовом положении, огромные расходы государства на оплату советников, судей, епископов или граждан, посещавших народное собрание, и т. д. Государство теперь могло позволить себе платить только тем солдатам, которые сражались за его защиту, и никто другой не должен был касаться государственных денег. Они настаивали, что необходимо исключить из политических прав всех, кроме избранного тела Пяти тысяч, состоящего из тех, кто лучше всего мог служить городу лично и кошельком.

Обширное лишение прав, заложенное в этом последнем предложении, было достаточно шокирующим для слуха афинского собрания. Но на самом деле само предложение было обманом, никогда не предназначенным для реализации и представлявшим нечто гораздо меньшее, чем то, что задумывали Антифонт и его сторонники. Их замысел состоял в том, чтобы присвоить власть себе, без контроля или партнёрства, оставив это тело Пяти тысяч не только несозванным, но и несуществующим, как пустое имя для обмана граждан в целом. Однако об этом реальном намерении пока не было сказано ни слова. Проектируемое тело Пяти тысяч было темой, на которой проповедовали все партийные ораторы; но без внесения какого-либо конкретного предложения об изменении, что пока нельзя было сделать без нарушения закона.

Даже при такой косвенной пропаганде проект сокращения прав до Пяти тысяч и упразднения всех оплачиваемых гражданских функций был достаточно резким изменением, чтобы вызвать множество противников. Для таких противников Антифонт был полностью готов. Все те, кто выступал против, или, по крайней мере, все самые заметные из них, были последовательно устранены путём частных убийств. Первым из них, кто погиб таким образом, был Андрокл, известный как демагог, или народный оратор, и отмеченный для мести не только этим обстоятельством, но и тем фактом, что он был среди самых яростных обвинителей Алкивиада перед его изгнанием. Ибо в это [р. 32] время разрыв Писандра с Тиссаферном и Алкивиадом ещё не стал известен в Афинах, так что последний всё ещё считался на пороге возвращения домой как член планируемого олигархического правительства. После Андрокла многие другие ораторы схожих взглядов погибли таким же образом, от рук неизвестных.

Банда греческих юношей, чужаков, собранных из разных городов, [38] была организована для этого дела: жертвы выбирались по одному и тому же особому признаку, и убийство совершалось так искусно, что ни заказчики, ни исполнители так и не были раскрыты. После того как эти убийства – точные, специальные, тайные и систематические, исходящие от неизвестного руководства, подобно вечному трибуналу – продолжались некоторое время, внушаемый ими ужас стал интенсивным и всеобщим. Нельзя было добиться справедливости, нельзя было провести расследование даже за смерть самого близкого и дорогого родственника. В конце концов, никто не осмеливался требовать или даже упоминать расследование, считая себя счастливым, что избежал той же участи лично.

Такая совершенная организация и такие точные удары создали всеобщее убеждение, что заговорщиков гораздо больше, чем было на самом деле. И поскольку оказалось, что среди них были лица, ранее считавшиеся убеждёнными демократами, [39] в конце концов смтение и недоверие стали повсеместными. Никто не осмеливался даже выражать возмущение происходящими убийствами, не говоря уже о требованиях возмездия или мести, из страха, что он может разговаривать с одним из неизвестных заговорщиков. В атмосфере этого террора всякая оппозиция в совете и народном собрании прекратилась, так что ораторы олигархического заговора казались получившими единодушное согласие. [40]

Вот до какого состояния довели дела в Афинах Антифон и олигархические заговорщики, действовавшие под его руководством, к моменту возвращения Писандра и пяти послов с Самоса. Вероятно, они заранее отправили с Самоса известие о разрыве с Алкивиадом и о необходимости продолжать заговор без дальнейших расчетов на него или на персидский союз. Такие новости, несомненно, были приятны и Антифону, и Фриниху – обоим личным врагам Алкивиада, особенно Фриниху, который заявлял, что Алкивиад не способен поддерживать олигархический переворот. [41] В любом случае планы Антифона не зависели от персидской помощи и были направлены на осуществление переворота с помощью откровенного, чрезмерного и хорошо организованного страха, без какой-либо примеси надежды или перспективы общественной выгоды. Писандр застал царство террора в полной зрелости. Он прибыл в Афины не напрямую с Самоса, а сделал остановки по пути в различных зависимых союзных городах, в то время как остальные пять послов, а также сторонник по имени Диотреф, были отправлены на Фасос и в другие места; [42] все с одной целью – подавить [р. 34] демократии в этих союзных городах, где они существовали, и установить вместо них олигархии. Писандр провел такие изменения на Теносе, Андросе, Каристе, Эгине и в других местах, собрав из этих городов отряд в триста гоплитов, который он привел с собой в Афины в качестве своего рода охраны для новой олигархии. [43] До прибытия в Пирей он не мог знать о полном успехе террора, организованного Антифоном и другими, поэтому, вероятно, был готов преодолеть большее сопротивление, чем обнаружил. Как оказалось, общественное мнение и дух были настолько подавлены, что он смог сразу нанести завершающий удар, и его прибытие стало сигналом для завершения революции: сначала через вынужденное приостановление конституционных гарантий, затем через прямое применение вооруженной силы.

Сначала он созвал народное собрание, на котором предложил декрет о назначении десяти комиссаров с полномочиями для подготовки предложений по политической реформе, которые они сочтут целесообразными, и для представления их к установленному сроку. [44] Согласно обычной [р. 35] практике, этот декрет должен был быть предварительно одобрен советом Пятисот, прежде чем его вынесут на рассмотрение народа. Так, несомненно, и произошло в данном случае, и декрет был принят без возражений. В назначенный день собралось новое собрание, которое Писандр и его сторонники провели не на обычном месте, Пиксе, внутри городских стен, а в Колоне, в десяти стадиях (чуть более мили) за стенами, [45] к северу от города. Колон был храмом Посейдона, в священной ограде которого и разместили собрание на этот раз. Такое собрание вряд ли могло быть многочисленным, где бы его ни проводили, [46] поскольку

у граждан не было особого мотива присутствовать, когда свобода слова была подавлена; но олигархические заговорщики перенесли его за стены, выбрав узкое пространство для заседания, чтобы еще больше уменьшить вероятность массового участия, – собрание, которое они намеренно сделали последним в истории Афин. Таким образом, они также были дальше от возможных вооруженных выступлений в городе и могли разместить своих вооруженных сторонников вокруг, под предлогом защиты собрания от беспорядков, которые могли устроить лакедемоняне из Декелеи.

Предложение новоназначенных комиссаров – вероятно, самого Писандра, Антифона и других их сторонников – было предельно кратким и простым. Они предложили отменить знаменитый «Графе параномон»; то есть, каждый афинский гражданин должен был получить полную свободу вносить любые антиконституционные предложения, а все остальные граждане под угрозой суровых наказаний лишались права преследовать его за это через обвинение в противозаконности (графе параномон) или причинять ему какой-либо иной вред. Это предложение было принято без единого возражения. Руководящие лидеры сочли более формальным выделить это предложение отдельно и представить его от имени специальных комиссаров, поскольку оно было юридическим условием для всех последующих изменений, которые они собирались предложить. Получив таким образом полную свободу вносить любые, даже антиконституционные, предложения и игнорировать все установленные формальности, такие как предварительное одобрение советом, Писандр выступил с основными предложениями следующего содержания:

1. Все существующие демократические магистратуры немедленно упразднялись и более не возобновлялись.
2. Впредь никакие гражданские должности не должны оплачиваться.
3. Для формирования нового правительства немедленно назначался комитет из пяти человек, которые должны были выбрать более крупный орган из ста человек (включая самих пятерых выборщиков). Каждый из этой сотни должен был выбрать еще троих.
4. Таким образом формировался совет Четырехсот, который должен был заседать в булевтерии и управлять государством с неограниченными полномочиями по своему усмотрению.
5. Они могли созывать Пять тысяч, когда сочтут нужным. [47] Все было принято без единого голоса против.

Изобретение и использование этого воображаемого собрания Пяти тысяч было одним из самых искусных приемов Антифона. Никто не знал, кто эти Пять тысяч: однако только что принятое постановление гласило – не что такое число граждан должно быть выделено и утверждено путем выбора, жребия или иного определенного способа, который сделал бы их известными, – а что Четыреста могут созывать Пять тысяч, когда сочтут нужным, тем самым предполагая, что последние уже известны как минимум самим Четыремстам. На самом деле, Пять тысяч существовали только в речах и прокламациях заговорщиков как фиктивное дополнение. Они даже не существовали как список имен на бумаге, а лишь как обманчивый номинальный агрегат. Четыреста, теперь у власти, стали единственными и исключительными правителями государства. [48] Но одно лишь имя Пяти тысяч, хоть и было пустым звуком, служило Антифону и его заговору двум важным целям. Во-первых, его можно было ложно представить, особенно войскам на Самосе, как доказательство существования довольно многочисленного и популярного собрания равных, полноправных граждан, которые должны были по очереди осуществлять власть; таким образом, смягчалась ненависть к откровенной узурпации Четырехсот, и они представлялись лишь первой очередью Пяти тысяч, находящейся у власти несколько месяцев, после чего их должна была сменить следующая группа. [49] Во-вторых, [р. 38] это значительно усиливало средства устрашения, которыми располагали Четыреста в Афинах, создавая впечатление их мнимой силы. Граждане верили, что в заговоре участвуют пять

тысяч реальных соучастников, а тот факт, что эти соучастники не были известны и не могли быть идентифицированы, лишь усиливало царившие страх и недоверие, поскольку каждый, подозревая, что его сосед может быть среди них, боялся высказывать недовольство или предлагать совместное сопротивление. [50] Таким образом, имя и мнимое существование Пяти тысяч укрепляли реальную власть Четырехсот заговорщиков. Оно маскировало их узурпацию, одновременно усиливая их хватку через страх и уважение граждан.

Как только народное собрание в Колоне с видимым единодушием приняло все предложения Писандра, его распустили, и новый совет Четырехсот был избран и сформирован в предписанной форме. Теперь оставалось только ввести их в булевтерий. Но это нельзя было сделать без силы, поскольку совет Пятисот уже находился там, вероятно, отправившись туда сразу после собрания, где их присутствие (по крайней мере, пританов или сенаторов председательствующей филы) было необходимо как законных председателей. Им предстояло обсудить, что делать в связи с только что принятым декретом, лишившим их всех полномочий. Не исключалось и то, что они могли организовать вооруженное сопротивление, для чего в данный момент были особенно благоприятные условия, поскольку занятие Декелеи лакедемонянами держало Афины в состоянии, близком к постоянному лагерю, с большой частью граждан, день и ночь находившихся под оружием. [51] Против такой возможности Четыреста приняли меры. Они выбрали время дня, когда большинство граждан обычно расходилось по домам, вероятно, для утренней трапезы, оставляя военный пост с сложенным и готовым оружием под сравнительно слабым присмотром. Пока основная масса гоплитов покидала пост в это время, согласно обычной практике, гоплиты – андрийцы, тенийцы и другие, – пользующиеся доверием Четырехсот, получили тайный приказ оставаться наготове и вооруженными на небольшом расстоянии, чтобы в случае признаков сопротивления немедленно вмешаться и предотвратить его. Приняв эту меру предосторожности, Четыреста двинулись к булевтерию, каждый с кинжалом, спрятым под одеждой, в сопровождении особой охраны из ста двадцати молодых людей из различных греческих городов – орудий убийств, организованных Антифоном и его сообщниками. [41] В таком строю они вошли в булевтерий, где заседал совет, и приказали сенаторам удалиться, одновременно предложив им выплату жалования за весь остаток года – по-видимому, около трех месяцев или более до начала Гекатомбеона, месяца новых назначений, – в течение которого их полномочия должны были продолжаться. Сенаторы не были готовы сопротивляться декрету, только что принятому с соблюдением формальностей, теперь подкрепленному вооруженной силой. Они подчинились и разошлись, каждый получив причитающееся жалование при выходе. То, что они подчинились превосходящей силе в таких обстоятельствах, не вызывает ни осуждения, ни удивления; но то, что они приняли от рук заговорщиков эту выплату за неотработанное время, было низостью, которая почти делала их соучастниками и бесчестила последние часы демократической власти. Четыреста теперь торжественно заняли булевтерий без малейшего сопротивления – ни внутри его стен, ни за их пределами, со стороны каких-либо граждан. [52]

Так погибла, или казалась погибшей, афинская демократия, после почти столетнего непрерывного существования со времен революции Клисфена. Казалось невероятным, что многочисленные, разумные и законопослушные граждане Афин позволят кучке из четырехсот заговорщиков лишить их свободы, в то время как большинство из них не только любили демократию, но и были вооружены, чтобы защитить ее. Даже их враг и сосед Агис в Декелее с трудом верил, что революция действительно свершилась. Мы увидим далее, что она не устояла – и, вероятно, не устояла бы даже при более благоприятных обстоятельствах, – но сам факт ее осуществления настолько необычен, что требует объяснения.

Необходимо отметить, что ужасающая катастрофа и кровопролитие на Сицилии подорвали энергию афинского характера в целом, но особенно заставили их отчаяться в своих внешних делах – в возможности противостоять врагам, число которых увеличилось за счет

восстаний союзников, а также поддержки персидским золотом. На это отчаяние накладывался коварный обман Алкивиада, предлагавшего им персидскую помощь – то есть средства защиты и успеха против внешних врагов ценой отказа от демократии. Народ неохотно, но принял это предложение, и таким образом заговорщики достигли своей первой важной цели: привыкания народа к идее такой перемены в государственном устройстве. Последующий успех заговора – когда все надежды на персидское золото или улучшение внешнего положения рухнули – был обусловлен сочетанием гениальных и подлых действий Антифона, организовавшего объединенную силу аристократических классов Афин, всегда значительную, но в обычных условиях раздробленную и даже враждебную друг другу, сдерживаемую демократическими институтами и вынужденную подрывать то, что не могла свергнуть. Антифон, готовясь использовать эту антинародную силу в едином систематическом замысле для достижения заранее определенной цели, оставался в рамках видимой конституционности. Он не поднимал открытого мятежа, строго соблюдая главный принцип афинской политической морали – уважение к решениям совета и народного собрания, а также к конституционным нормам. Но он хорошо понимал, что ценность этих собраний как политических гарантий зависит от полной свободы слова, и что, если эта свобода подавлена, само собрание становится фикцией или даже орудием обмана и зла. Соответственно, он организовал убийства народных ораторов одного за другим, так что никто не осмеливался высказаться в их защиту, в то время как антинародные ораторы выступали громко и уверенно, подбадривая друг друга и создавая впечатление, что представляют мнение всех присутствующих. Таким образом, заставив замолчать отдельных лидеров и запугав потенциальных оппонентов, он добился формального одобрения собранием и советом мер, которые большинство граждан ненавидело. Однако это большинство было связано своими собственными конституционными нормами, и когда решение, каким бы образом оно ни было получено, оказывалось против них, у них не было ни желания, ни мужества сопротивляться. Ни в одной части мира чувство конституционного долга и подчинения решению законного большинства не было столь сильно развито, как среди граждан демократических Афин. [53] Таким образом, Антифон использовал конституционные чувства афинян как средство убийства конституции: пустая форма, лишенная жизненной и защитной силы, оставалась лишь обманом, парализующим гражданскую активность.

Именно этот обман сделал афинян неготовыми выступить с оружием в защиту демократии, к которой они были привязаны. Привыкшие к мирной политической борьбе в рамках конституции, они крайне не желали вооруженных столкновений. Это естественное следствие установившейся свободной и равноправной политической системы, заменяющей споры мечей спорами языков, а иногда даже создающей такую сильную неприязнь к последним, что, когда свобода энергично атакуется, необходимая для ее защиты энергия может оказаться недостаточной. Так трудно сочетать в одном народе качества, необходимые для успешного функционирования свободной конституции в обычное время, с совершенно иными качествами, требующимися для ее защиты в исключительных обстоятельствах. Лишь афинянин исключительных способностей, подобный Антифону, мог понять искусство использования конституционных чувств сограждан для успеха заговора и соблюдения форм законности в отношении собраний, одновременно нарушая их в тайных ударах, направленных против отдельных лиц. Политические убийства были неизвестны в Афинах, насколько нам известно, со времен Эфиальта, соратника Перикла, около пятидесяти лет назад. [54] Но это был единичный случай, и лишь Антифону и Фриниху было суждено организовать систематическую работу убийц, устраняющих одну за другой ключевые жертвы. Подобно тому как македонские цари впоследствии требовали выдачи народных ораторов всех сразу, авторы этого заговора столкнулись с теми же врагами и нашли другой способ избавиться от них, превратив собрание в покорную и безжизненную массу, которую можно было запугать и заставить одобрить меры, ненавистные большинству.

Как обычно излагается греческая история, нас учат, что бедствия, коррупция и упадок демократических государств вызваны демагогами, такими как Клеон, Гипербол, Андрокл и другие. Эти люди представлены как клеветники и смутьяны, безосновательно обвиняющие невинных и превращающие невинность в измену. Однако история заговора Четырехсот показывает другую сторону картины. Она демонстрирует, что политические враги, от которых афинский народ защищали демократические институты и демагоги как их живые выразители, были не вымышленными, а вполне реальными и опасными. Она раскрывает существование мощных антинародных группировок, готовых объединиться в предательских целях, когда момент покажется подходящим. Она показывает характер и мораль лидеров, которым естественным образом доставалось руководство антинародными силами. Она доказывает, что этим лидерам, людям незаурядных способностей, нужно было лишь устранить или заставить замолчать демагогов, чтобы свергнуть народные гарантии и захватить власть. Нам не нужно лучшее доказательство, чтобы понять истинную функцию и необходимость этих демагогов в афинской системе, рассматривая их как класс, независимо от того, как отдельные их представители выполняли свою обязанность. Они были движущей силой всего, что было защитным и общественно полезным в демократии. Агрессивные по отношению к должностным преступникам, они были защитниками народа и конституции. Если антинародная сила, которую Антифон нашел готовой, не смогла подавить демократию гораздо раньше, то только потому, что были демагоги, чтобы кричать, и собрания, чтобы их слушать и поддерживать. Если заговор Антифона увенчался успехом, то потому, что он знал, куда направить удары, чтобы устранить истинных врагов олигархии и защитников народа. Я использую здесь термин «демагоги», потому что он обычно применяется теми, кто осуждает этот класс людей; более нейтральным было бы назвать их народными ораторами или ораторами оппозиции. Но как бы их ни называли, невозможно правильно понять их положение в Афинах, не рассматривая их в противопоставлении с теми антинародными силами, против которых они были необходимым барьером и которые проявили себя так явно и печально под руководством Антифона и Фриниха.

Как только Четыреста оказались официально введены в булевтерий, они разделились по жребию на отдельные притании – вероятно, десять, по сорок членов в каждой, подобно прежнему совету Пятисот, чтобы не нарушать привычное распределение года, – и отметили свое вступление в должность молитвами и жертвоприношениями. Они казнили некоторых политических врагов, хотя и не многих; других заключили в тюрьму или изгнали, внося значительные изменения в управление делами, действуя с жесткостью и строгостью, неизвестными при старой конституции. [55] Кажется, среди них было предложено проголосовать за восстановление в правах всех изгнанников. Однако большинство отвергло это, чтобы Алкивиад не оказался среди них, но они также не сочли целесообразным принять закон, оставив его как особое исключение.

Они также отправили послание Агису в Декелею, выразив желание заключить мир, который, как они утверждали, он должен быть готов предоставить им теперь, когда «вероломный демос» свергнут. Однако Агис, не веря, что афинский народ так легко позволит лишиться себя свободы, ожидал, что неизбежно вспыхнут внутренние раздоры или по крайней мере часть Длинных стен останется без защиты, если появится вражеская армия. Поэтому, отвергнув мирные предложения, он одновременно запросил подкрепления из Пелопоннеса и двинулся с значительной армией, в дополнение к своему гарнизону, к самым стенам Афин. Однако он обнаружил, что укрепления тщательно охраняются, никаких волнений внутри не происходит, и даже была совершена вылазка, в которой афиняне одержали над ним некоторый успех. Поэтому он быстро отступил, отправив обратно в Пелопоннес новоприбывшие подкрепления, в то время как Четыреста, возобновив с ним переговоры о мире, теперь были приняты гораздо лучше и даже получили encouragement отправить послов в саму Спарту. [56]

Как только они преодолели первые трудности и установили порядок, который казался стабильным, они отправили десять послов на Самос. Заранее осознавая опасность, грозящую им от солдат и моряков, враждебно настроенных против олигархии, они также узнали от прибывших Хэрея и паралоса о совместной атаке афинских и самосских олигархов и её полном провале. Если бы это событие произошло немного раньше, оно, возможно, остановило бы даже некоторых из их числа от продолжения революции в Афинах, которая с самого начала была почти обречена на провал. Десять послов были отправлены на Самос с указанием заявить, что недавняя олигархия была установлена не во вред городу, а, напротив, для общей [стр. 45] пользы; что хотя нынешний Совет состоит всего из Четырёхсот, общее число сторонников, совершивших переворот и соответствующих требованиям гражданства, составляет Пять тысяч – число, добавили они, большее, чем когда-либо собиралось на Пниксе при демократии, даже для самых важных дебатов, [57] из-за неизбежного отсутствия многих на военной службе или в путешествиях.

Трудно сказать, какое впечатление произвела бы эта отсылка к фиктивным Пяти тысячам или обманчивое сравнение с численностью прошлых демократических собраний, если бы послы первыми принесли весть о революции в Афинах. Но их опередил Хэрей, офицер с паралоса, который, несмотря на попытки Четырёхсот задержать его, сбежал и поспешил на Самос, чтобы сообщить о страшной и неожиданной перемене в Афинах. Вместо того чтобы услышать описание событий в смягчённой трактовке Антифонта и Фриниха, войско впервые узнало правду из уст Хэрея, который рассказал всё без прикрас и даже добавил лишнего. С негодованием он сообщил, что любого афинянина, осмелившегося выступить против Четырёхсот, ждёт бичевание; что даже жёны и дети их противников подвергаются насилию; что [стр. 46] существует план ареста и казни родственников демократов на Самосе, если те откажутся подчиняться приказам из Афин.

Правдивого рассказа о произошедшем было бы достаточно, чтобы вызвать у войска ненависть к Четырёхстам. Но дополнительные, частично ложные детали от Хэрея наполнили их неудержимой яростью, которую они открыто выражали против известных сторонников Четырёхсот на Самосе, а также против участников недавнего олигархического заговора на острове. Лишь с трудом более рассудительные граждане смогли удержать их от насилия, указывая на безумие таких действий, когда враг был рядом.

Хотя насилие и агрессия были своевременно остановлены, настроение войска было слишком горячим и единодушным, чтобы удовлетвориться без торжественного и решительного осуждения олигархов в Афинах. По инициативе Фрасибула и Фрасилла состоялось грандиозное демократическое собрание, на котором афинское войско принесло клятву: сохранить демократию; поддерживать дружбу и единство; вести войну против пелопоннесцев; быть во вражде с Четырьмястами и не вступать с ними ни в какие переговоры. [58] Энтузиазм был так велик, что даже те, кто ранее поддерживал олигархию, вынуждены были присоединиться. Ещё больше силы этой сцене придало то, что всё самосское население, все мужчины призывного возраста, также принесли эту клятву вместе с афинским войском. Обе стороны поклялись в верности друг другу, готовые разделить любую участь. Они понимали, что пелопоннесцы при Милете и Четыреста в Афинах – их общие враги, и победа любого из них означала бы их гибель.

Следуя этому решению – защищать демократию и продолжать войну любой ценой, – солдаты предприняли беспрецедентный шаг. Понимая, что больше не могут принимать приказы от олигархов в Афинах, они объявили себя самостоятельным сообществом и собрались как граждане, чтобы выбрать новых стратегов и триерархов. Некоторые из прежних командиров были смещены как ненадёжные; вместо них избрали других, особенно Фрасибула и Фрасилла. Собрание было не только для выборов – это была сцена единодушия, патриотизма и решимости. Войско чувствовало, что оно – настоящие Афины: защитники конституции, хранители империи, оплот против заговорщиков, захвативших власть.

«Город от нас отрёкся, – провозгласил Фрасибул, – но пусть это не ослабляет наш дух: их меньше, а мы – сила, способная существовать самостоятельно. У нас весь флот, мы можем получать подати с союзников так же, как если бы действовали из Афин. У нас верный Самос, вторая после Афин мощь, служащий нам базой. Мы даже лучше обеспечены, чем те, кто в городе, ведь только наше присутствие здесь держит Пирей открытым. Если они не восстановят демократию, мыотрежем их от моря быстрее, чем они нас. Что теперь даёт нам город? Почти ничего. Мы ничего не потеряли с их отпадением. Они не платят нам жалования, не посылают даже советов – главного преимущества города перед лагерем. [60] Мы здесь – лучшие советчики, чем они, ведь они предали конституцию, а мы её защищаем. Алкивиад, если мы обеспечим его возвращение, добьётся персидского союза. А если всё провалится – наш флот даст нам убежище в избытке».

Эта речь Фрасилла и Фрасибула вдохновила войско, подняв дух, достойный их предков, бежавших на Саламин при Ксерксе. Желание вернуть демократию и победить пелопоннесцев слилось в едином порыве, сметая даже сопротивление меньшинства, склонного к олигархии. Но был и третий импульс – возвращение Алкивиада, человека полезного, но привносящего дух эгоизма и лжи, чуждый возвышенным чувствам, царившим на Самосе. [61]

Этот изгнанник первым начал олигархический заговор, ослабивший Афины в разгар войны и едва не погубивший их, если бы не внезапный подъём духа на Самосе. Обманув заговорщиков перспективой персидской помощи, он затем порвал с ними, когда пришло время исполнять обещания, но сделал это так, что иллюзия его влияния сохранилась. Теперь, когда возвращение через олигархию стало невозможным, он стал её врагом, отбросив месть демократии за изгнание. Как верно сказал о нём Фриних, [62] он использовал любую сторону для своих целей.

Узнав о событиях на Самосе, Алкивиад связался с Фрасибулом и демократами, повторив те же обещания персидской помощи в обмен на своё возвращение – но уже без требования отмены демократии. Фрасибул и другие либо поверили ему, либо решили, что даже призрачный шанс на персидский союз стоит попытки. Это могло поднять дух солдат, а возвращение Алкивиада теперь не требовало отказа от демократии.

Однако лишь после долгих дебатов [64] Фрасибул убедил войско проголосовать за безопасность и возвращение Алкивиада. Как афинские граждане, солдаты не хотели отменять приговор, вынесенный демократическим судом за нечестие и измену. Но голосование прошло, Фрасибул привёз Алкивиада на Самос, и тот предстал перед собранием. Гибкий изгнанник, яростно клеймивший демократию в Спарте и в переписке с олигархами, теперь идеально подстроился под настроение демократического войска. Он начал с сожаления о своём изгнании, виня в нём не несправедливость сограждан, а свою злую судьбу. [65] Затем перешёл к текущим делам, уверенно пообещав персидский союз и раздувая своё влияние на Тиссаферна. Сатрап, утверждал он, пообещал не оставить афинян без жалования, даже если придётся потратить последнюю дарилу или переплавить серебряный трон. Единственное условие – возвращение Алкивиада как гаранта. Более того, он приведёт финикийский флот из Аспенда вместо того, чтобы отдать его пелопоннесцам.

Если в переговорах с Писандром Алкивиад требовал отмены демократии для доверия царя, теперь это условие исчезло. Но несмотря на новую ложь и смену позиции, его речь имела успех. Она устрасала олигархов, возвышала его в глазах войска и сеяла раздор между спартанцами и Тиссаферном. Слушатели, охваченные жадой свергнуть Четырёхсот и победить пелопоннесцев, не стали вникать в детали. В порыве энтузиазма они избрали его стратегом наряду с Фрасибулом, укрепив надежды на победу.

Однако, обольщённые перспективой персидской помощи, многие заговорили о походе на Пирей для спасения Афин. Алкивиад, зная, что его обещания – обман, решительно отго-

ворил их, указав, что это оставит Ионию без защиты. После собрания он снова отправился к Тиссаферну – якобы для выполнения договорённостей.

Фактически освобождённый от изгнания, Алкивиад начал новую игру. Сначала он играл за Афины против Спарты, затем за Спарту против Афин, потом за Тиссаферна против обоих, а теперь снова за Афины. Но на деле он всегда играл только за себя. Теперь он стремился создать видимость близости с Тиссаферном, чтобы впечатлить афинян, повысить свою значимость в глазах персов и посеять раздор между ними и пелопоннесцами. В этой тройной игре он преуспел, особенно в последнем. [66]

Вскоре после его возвращения на Самос прибыли десять послов от Четырёхсот, задержавшиеся из-за страха перед реакцией на рассказ Хэрея. [67] Их едва выслушали – толпа требовала смерти «убийц демократии». Когда наступила тишина, послы заявили, что переворот был ради спасения города и экономии средств, что Четыреста не предатели (иначе сдали бы Афины Агису), что полноправных граждан теперь Пять тысяч, а не Четыреста, и что слухи о репрессиях – ложь. [69]

Но их оправдания не смягчили войско. Гнев и страх перед олигархами были так сильны, что снова заговорили о походе на Пирей. Алкивиад, уже однажды отвергший эту идею, снова выступил против. Лишь его авторитет, поддержанный Фрасибулом, предотвратил роковой шаг. [70] Затем он ответил послам от имени войска: «Мы не против Пяти тысяч, но Четыреста должны уйти, вернув Совет Пятисот. Мы благодарны за экономию, но главное – не сдаваться врагу. Если город устоит, мы помиримся. Если погибнет одна из сторон – другой не с кем будет мириться». [71]

С этим ответом он отпустил послов; флот, нехотя, отказался от своего желания плыть к Афинам. Фукидид особо подчеркивает огромную услугу, которую тогда Алквиад оказал своей родине, предотвратив план, который оставил бы всю Ионию и Геллеспонт беззащитными перед пелопоннесцами. Его совет, несомненно, оказался удачным в итоге; однако если мы рассмотрим ситуацию на тот момент, когда он его дал, то усомнимся, не противоречил ли он все же расчетам благоразумия и не был ли импульс флота более оправдан. Ибо что мешало Четырёмстам заключить мир со Спартой и ввести в Афины лакедемонский гарнизон, чтобы удержать свою власть? Даже без амбиций это был их лучший, если не единственный, шанс на спасение; и вскоре мы увидим, что они попытались это сделать, но потерпели неудачу отчасти из-за мятежа, поднявшегося против них в Афинах, но в основном из-за глупости самих лакедемонян. Алквиад не мог всерьёз полагать, что Четыреста подчинятся его ультиматуму, переданному через послов, и добровольно откажутся от власти. Но если они оставались хозяевами Афин, кто мог предсказать их действия – особенно после этого объявления враждебности с Самоса – не только в отношении внешнего врага, но и в отношении родственников отсутствующих солдат? Если мы посмотрим как на законные опасения солдат, неизбежные, пока их родные были в такой опасности и почти парализующие их рвение в войне за границей из-за полной неопределённости насчёт дел дома, – так и на риск непоправимой общественной катастрофы, даже большей, чем потеря Ионии, – предательства Афин врагу, – мы склонимся к выводу, что порыв флота был не только естественен, но и основывался на более трезвой оценке реальных шансов, и что Алквиад просто повезло в рискованной авантюре. А если вместо реальных шансов мы рассмотрим те, которые Алквиад изобразил и на которые флот поверил по его авторитету – а именно, что финикийский флот был уже близок, чтобы действовать против лакедемонян в Ионии, – мы ещё больше проникнемся сочувствием к их стремлению вернуться для защиты. Алквиад имел преимущество перед всеми остальными просто потому, что знал о своей лжи.

На том же собрании появились послы из Аргоса, предложившие признание и помощь афинскому Демосу на Самосе. Они прибыли на афинской триере, управляемой паралами, которые доставили Хэрея на паралии с Самоса в Афины, а затем были переведены на обычное

военное судно и отправлены крейсировать у Эвбеи. Однако позже им было приказано доставить Лесподия, Аристофонта и Мелесия [72] как послов Четырёхсот в Спарту. Но при переходе через Арголидский залив, вероятно следуя приказу высадиться в Прасиях, они восстали против олигархии, отплыли в Аргос и там сдали трёх послов, активно участвовавших в заговоре Четырёхсот, в качестве пленников. Перед отплытием на Самос они по просьбе аргивян взяли с собой их послов, которых Алквиад отпустил с благодарностью и надеждой, что их помощь будет готова, когда потребуется.

Тем временем послы вернулись с Самоса в Афины, привезя Четырёмстам неприятную весть о полном провале их миссии у флота. Незадолго до этого, как выяснилось, некоторые триерархи, служившие у Геллеспонта, – Эратосфен, Ятрокл и другие, – также вернулись в Афины; они пытались направить свою эскадру на поддержку олигархического заговора, но были остановлены и изгнаны непреклонной демократией своих же моряков [73]. Если в Афинах расчёты этих [стр. 57] заговорщиков превзошли все ожидания, то везде else они полностью провалились – не только на Самосе и во флоте, но и среди союзных городов. Когда Писандр покинул Самос для завершения олигархического переворота даже без Алквиада, он и другие объехали многие подвластные города и произвели там аналогичные перевороты в надежде привязать их к новой афинской олигархии. Но эти ожидания, как предсказывал Фриних, нигде не оправдались. Новые олигархии лишь сильнее захотели полной автономии, чем прежние демократии. Особенно на Фасосе изгнанники, долгое время жившие на Пелопоннесе, были возвращены, и начались активные приготовления к восстанию – строились новые укрепления и триеры [74]. Вместо усиления контроля над морской империей Четыреста лишь ослабили его, а открытая враждебность флота на Самосе не только разрушила их надежды за границей, но и сделала их положение дома крайне шатким.

С того момента, как сообщники Антифонта узнали от прибывшего Хэрея о провозглашении демократии на Самосе, среди них самих начались раздоры, недоверие и тревога, а также убеждение, что олигархия удержится только с помощью пелопоннесского гарнизона в Афинах. Пока Антифонт и Фриних, главные руководители большинства Четырёхсот, отправляли послов в Спарту для заключения мира (эти послы так и не доехали, будучи схвачены паралами и отправлены пленниками в Аргос, как уже упоминалось) и строили особый форт у Этионеи – выступающей дамбы, сужавшей и контролировавшей с северной стороны узкий вход в Пирей, – внутри самих Четырёхсот возникла оппозиционная меньшинственная группа, притворявшаяся сторонниками народа, среди которой выделялись Терамен и Аристократ [75].

Хотя эти люди активно участвовали в заговоре с самого начала, теперь они горько разочаровались в результате. Лично их влияние среди коллег уступало влиянию Писандра, Каллеспхра, Фриниха и других; а коллективная власть Четырёхсот сильно обесценилась из-за потери империи и отчуждения самосского флота, что лишь увеличило её опасность. Теперь среди успешных заговорщиков начались раздоры: каждый вступил в заговор с безграничными личными амбициями, рассчитывая сразу занять первое место в новом олигархическом органе. В демократии, замечает Фукидид, борьба за власть вызывает у проигравших меньше острой неприязни и чувства несправедливости, чем в олигархии, ибо неудачники легче мирятся с неблагоприятным решением большой разнородной массы неизвестных граждан, но злятся, когда их оттесняют несколько известных товарищей, их же соперников и равных. Более того, в момент, когда олигархия честолюбцев только что возвысилась на руинах демократии, каждый заговорщик преувеличенно ожидает своего возвышения; каждый считает себя вправе сразу стать первым в этом органе и недоволен, если его просто ставят наравне с остальными [76]. [стр. 59]

Таковы были чувства разочарованного честолюбия, смешанные с унынием, которые возникли среди меньшинства Четырёхсот сразу после известия о провозглашении демократии на Самосе. Терамен, лидер этого меньшинства, – человек острого честолюбия, умный, но непостоянный и вероломный, не менее готовый предать свою партию, чем свою страну, хотя и менее

склонный к крайним злодеяниям, чем многие его олигархические товарищи, – начал искать предлог, чтобы отмежеваться от рискованного предприятия. Воспользовавшись иллюзией, которую сами Четыреста поддерживали насчёт фиктивных Пяти тысяч, он настаивал, что, поскольку опасности для новой власти оказались серьёзнее, чем ожидалось, необходимо популяризировать партию, превратив этих Пять тысяч из вымышленных в реальных [77]. Эта оппозиция, и без того опасная, стала ещё смелее и отчётливее, когда вернулись послы с Самоса с рассказом о приеме, оказанном им флотом, и о ответе, переданном от имени флота, в котором Алквиад приказывал Четырёмстам немедленно распуститься, но в то же время одобрял конституцию Пяти тысяч вместе с восстановлением старого совета. Немедленное включение Пяти тысяч стало бы встречным шагом к армии, и были надежды, что на этой основе можно достичь компромисса и примирения, о котором сам Алквиад говорил как о возможном [78]. Кроме формального ответа, послы, [стр. 62] несомненно, привезли известия о ярости флота и его неудержимом стремлении (сдерживаемом лишь Алквиадом) немедленно вернуться и спасти Афины от Четырёхсот. Это усилило убеждение, что их власть долго не продержится, и пробудило честолюбие у других, помимо Терамена, возглавить народную оппозицию против неё от имени Пяти тысяч [79].

Против этой народной оппозиции Антифонт и Фриних [стр. 63] всеми силами старались удержать большинство Четырёхсот, сохраняя свою власть без уступок. Они ни в коем случае не собирались исполнять требование превратить фиктивных Пять тысяч в реальность. Они хорошо понимали, что включение такого числа участников [80] равносильно демократии и, по сути, если не по форме, уничтожит их власть. Теперь они зашли слишком далеко, чтобы отступать безопасно; а угрожающая позиция Самоса и растущая оппозиция дома, как внутри их круга, так и вне его, лишь подталкивали их ускорить переговоры о мире со Спартой и обеспечить введение спартанского гарнизона.

С этой целью сразу после возвращения послов с Самоса два самых видных лидера, Антифонт и Фриних, вместе с десятью другими коллегами поспешили в Спарту, готовые купить мир и обещание спартанской помощи почти любой ценой. Одновременно строительство крепости у Этионеи велось с удвоенным рвением – под предлогом защиты входа в Пирей от флота с Самоса, если тот исполнит свою угрозу, но с истинной целью ввести туда лакедемонский флот и армию. Для этого были созданы все условия. Северо-западный угол укреплений Пирея, к северу от гавани и её входа, был отрезан поперечной стеной, идущей на юг до соединения с гаванью; от южного конца этой стены, под углом к ней, была возведена новая стена, обращённая к гавани и доходившая до конца мола, сужавшего вход в гавань с северной стороны, где она соединялась с северной стеной Пирея. Таким образом, была создана отдельная цитадель, защищённая от атак как из Пирея, так и из гавани, снабжённая собственными широкими воротами и калитками, а также удобствами для впуска врага [81]. Новая поперечная стена пересекала огромный портик – самый большой в Пирее, – и большая его часть оказалась внутри новой цитадели. Было приказано хранить всё зерно, как уже имеющееся, так и будущее, именно там и продавать его оттуда. Поскольку Афины существовали почти исключительно за счёт зерна, ввозимого из Эвбеи и других мест после постоянной оккупации Декелии, Четыреста таким образом получили контроль над всем продовольствием граждан, а также над входом в гавань – либо для впуска спартанцев, либо для исключения флота с Самоса [82].

Хотя Терамен, сам будучи одним из стратегов, назначенных Четырьмястами, вместе со своими сторонниками обвинял эту новую цитадель в измене, большинство Четырёхсот стояло на своём, и строительство быстро продвигалось под надзором стратега Алексикла, одного из самых ярых олигархов [83]. Таково было привычное повиновение афинян установленной власти, даже когда подозрения о её истинных целях были сильны, – и так велик был страх перед предполагаемыми Пятью тысячами невидимых сторонников, готовых поддержать Четырёхсот, – что народ и даже вооружённые гоплиты продолжали работать на строительстве.

К моменту возвращения Антифонта и [стр. 65] Фриниха из Спарты цитадель, хоть и недостроенная, была уже пригодна для обороны. Они отправились туда, готовые сдать всё – не только флот, но и сам город, – и купить личную безопасность, отдав Пирей лакедемонцам [84]. Однако с удивлением читаем, что последние не согласились заключить договор и проявили лишь нерешительность перед этим золотым шансом. Если бы Алквиад по-прежнему играл на их стороне, как год назад перед восстанием Хиоса, – если бы у них были энергичные лидеры, способные направить их на активное сотрудничество с изменой Четырёхсот, которые в этот момент сочетали и желание, и возможность отдать Афины в их руки при минимальной поддержке, – они могли бы сокрушить своего великого врага дома, прежде чем флот с Самоса успел бы прийти на помощь.

Учитывая, что Афины были спасены от захвата лишь медлительностью и глупостью спартанцев, можно понять, что у флота на Самосе были веские причины для их прежнего стремления вернуться, и что Алквиад, противясь этому, рисковал невероятно, и лишь невероятная удача спасла его. Почему лакедемоняне бездействовали и на Пелопоннесе, и в Декелее, когда Афины были преданы и находились на грани краха, – остаётся загадкой: возможно, осторожность эфоров заставила их усомниться в Антифонте и Фринихе из-за чрезмерности их уступок. Всё, что они пообещали, – это то, что лакедемонский флот из сорока двух триер, частично из Тарента и Локр, готовящийся отплыть из Ласа в Аргонидском заливе на призыв недовольной партии на Эвбее, отклонится от курса и будет держаться близ Эгины и Пирея, готовый воспользоваться любой возможностью для атаки, предоставленной Четырьмястами [85]. [стр. 66]

Однако Ферамен узнал об этом отряде еще до того, как он обогнул мыс Малей, и заявил, что он предназначен для действий в согласии с Четырьмястами с целью захвата Этионеи. Тем временем в Афинах после неудачного посольства и возвращения из Спарты Антифонта и Фриниха с каждым днем усиливались недовольство и беспорядки. Принудительное господство Четырёхсот тихо исчезало, в то время как ненависть, вдохновленная их узурпацией, вместе со страхом перед их предательским сговором с врагом, все громче проявлялась в частных разговорах людей, а также на тайных собраниях во многих домах; особенно в доме периполарха, капитана периполов, или юных гоплитов, составлявших главную полицию страны. Такая ненависть не замедлила перейти от страстного чувства к действию. Фриних был убит двумя сообщниками, один из которых был периполом, или юным гоплитом, когда выходил из булевтерия, посреди многолюдной рыночной площади и среди бела дня. Убийца скрылся, но его сообщник был схвачен и подвергнут пытке по приказу Четырёхсот: [86] однако он оказался чужеземцем из Аргоса и либо не мог, либо не хотел назвать имя какого-либо сообщника. От него не добились ничего, кроме общих указаний на собрания и широко распространенное недовольство. Четыреста, оставшись без конкретных доказательств, не осмелились схватить Ферамена, явного лидера оппозиции, как это сделает Критий шесть лет спустя при правлении Тридцати. Поскольку убийцы Фриниха остались нераскрытыми и ненаказанными, Ферамен и его сторонники стали действовать смелее, чем прежде. А приближение лакедемонского флота под командованием Агесандрида, который, заняв позицию у Эпидавра, совершил нападение на Эгину и теперь находился недалеко от Пирея, совсем не по пути в Эвбею, придавало двойную [стр. 67] силу всем их прежним заявлениям о неминуемой опасности, связанной с крепостью в Этионее.

Среди этой преувеличенной тревоги и раздоров основная масса гоплитов прониклась растущим с каждым днем отвращением [87] к новой крепости. Наконец, гоплиты филы, в которой Аристократ, самый горячий сторонник Ферамена, был таксиархом, находясь на службе и участвуя в строительстве, подняли открытый мятеж, схватили командующего Алексикла и заперли его в соседнем доме; в то время как периполы, или юная военная полиция, размещенная в Мунихии под командованием Гермона, поддержали их действия. [88] Весть об этом насилии быстро достигла Четырёхсот, которые в тот момент заседали в булевтерии, причем сам

Ферамен присутствовал. Их гнев и угрозы сначала обрушились на него как на подстрекателя мятежа, в чем он мог оправдаться, только вызвавшись идти в первых рядах для освобождения пленника. Он немедленно поспешил в Пирей в сопровождении одного из стратегов, своего единомышленника. Третий из стратегов, Аристарх, один из самых ярых олигархов, последовал за ним, вероятно, из недоверия, вместе с некоторыми из младших рыцарей, всадников или богатейших граждан, связанных с делом Четырехсот. Олигархические сторонники бросились вооружаться, распространяя тревожные слухи, что Алексикл убит, а Пирей занят вооруженными силами; в то время как мятежники в Пирее полагали, что гоплиты из города идут на них в полном составе. Какое-то время царили смятение и гнев, и малейший неудачный случай мог разжечь кровавую гражданскую резню. Успокоение наступило только благодаря настоятельным просьбам и увещаниям старших граждан, а также Фукидида из Фарсала, проксена (общественного гостя) Афин в своем родном городе, о безумии такой вражды, когда враг уже у ворот. [стр. 68]

Опасное возбуждение этого временного кризиса, выведшее на свет истинные политические взгляды каждого, показало, что олигархическая фракция, до сих пор преувеличенная в численности, гораздо слабее, чем предполагали их противники. И Четыреста оказались слишком озадачены тем, как сохранить видимость своей власти даже в самих Афинах, чтобы послать значительные силы для защиты своей крепости в Этионее; хотя они получили подкрепление всего за восемь дней до своего падения в виде по крайней мере одного дополнительного члена, вероятно, взамен случайно умершего предшественника. [89] Ферамен, прибыв в Пирей, начал обращаться к мятежным гоплитам с притворным недовольством, в то время как Аристарх и его олигархические товарищи говорили резко и угрожали силой, которая, как они полагали, вот-вот придет из города. Но эти угрозы встретили столь же твердый отпор со стороны гоплитов, которые даже обратились к самому Ферамену, спрашивая, считает ли он строительство этой крепости полезным для Афин или лучше бы ее разрушить. Его мнение уже было ясно высказано заранее, и он ответил, что если они считают нужным разрушить ее, он полностью согласен. Без дальнейших промедлений гоплиты и невооруженные люди толпой взобрались на стены и с готовностью начали разрушение; под общий крик: «Кто за Пять тысяч вместо Четырехсот, пусть поможет в этом деле». Мысль о старой демократии была у всех на уме, но никто не произнес этого слова; страх перед воображаемыми Пятью тысячами все еще сохранялся. Разрушение, по-видимому, продолжалось весь день и было завершено только на следующий день; после чего гоплиты освободили Алексикла, не причинив ему вреда. [90] [стр. 69]

Две вещи заслуживают внимания в этих подробностях, как иллюстрация афинского характера. Хотя Алексикл был ярким олигархом и непопулярен, эти мятежники не причинили вреда его личности, а удовлетворились тем, что заперли его. Далее, они не решаются начать фактическое разрушение крепости, пока не получают формального одобрения Ферамена, одного из назначенных стратегов. Сильная привычка к законности, привитая всем афинским гражданам их демократией, и осторожность, даже при отступлении от нее, чтобы отступить как можно меньше, явно видны в этих событиях.

События этого дня нанесли смертельный удар господству Четырехсот; однако на следующий день они собрались в булевтерии как обычно; и теперь, когда было уже слишком поздно, они, по-видимому, поручили одному из своих членов составить реальный список, придающий плоть вымышленным Пяти тысячам. [91] Тем временем гоплиты в Пирее, закончив снос новых укреплений, предприняли еще более важный шаг: вооруженными, они вошли в театр Диониса поблизости, в Пирее, но на границе Мунихии, и там провели формальное собрание; вероятно, по созыву стратега Ферамена, в соответствии с формами прежней демократии. Здесь они приняли решение перенести свое собрание в Анакейон, или храм Кастора и Поллукса, Диоскуров, в самом городе, близ акрополя; куда они немедленно направились и расположились, по-прежнему оставаясь вооруженными. Положение Четырехсот настолько изменилось,

что те, кто накануне выступал против стихийного мятежа в Пирее, теперь были вынуждены обороняться против формального собрания, полностью вооруженного, в городе и рядом с их собственным булевтерием. Почувствовав себя слишком слабыми для применения силы, они отправили послов в Анакейон для переговоров и предложения уступок. Они обязались опубликовать список Пяти тысяч и созвать их для обеспечения периодической смены Четырехсот путем ротации из Пяти тысяч, в таком порядке, какой последние сами определяют. Но они умоляли дать время для осуществления этого и сохранить внутренний мир, без которого не было надежды на защиту от внешнего врага. Многие из гоплитов в самом городе присоединились к собранию в Анакейоне и участвовали в дебатах. Поскольку положение Четырехсот больше не внушало страха, языки ораторов развязались, а уши толпы снова открылись – впервые с тех пор, как Пейсандр прибыл из Самоса с планом олигархического заговора. Это возобновление свободной и бесстрашной публичной речи, особого жизненного принципа демократии, было не менее полезно для успокоения внутренних раздоров, чем для усиления чувства общего патриотизма против внешнего врага. [92] Собрание наконец разошлось, назначив ближайшее время для второго собрания в театре Диониса, чтобы восстановить гармонию. [93]

В тот день и час, когда это собрание в зале Диониса уже собиралось, по Пирею и Афинам пронеслась весть, что сорок две триремы под командованием лакедемонянина Агесандрида, недавно покинув гавань Мегары, плывут вдоль побережья Саламины по направлению к Пирею. Это событие, вызвавшее всеобщее смятение в городе, подтвердило все предыдущие предупреждения Фераменеса о предательском предназначении недавно разрушенной цитадели, и все радовались, что разрушение было произведено как раз вовремя. Отказавшись от намеченного собрания, горожане единодушно устремились к Пейрею, где некоторые из них заняли пост для гарнизона стен и устья гавани; другие взойшли на борт трирем, стоявших в гавани; третьи спустили на воду несколько свежих трирем из лодочных домиков. Агесандрид проплыл вдоль берега, недалеко от устья Пейреуса, но не обнаружил ничего, что могло бы сулить концерт внутри или склонить его к намеченному нападению. Поэтому он прошел мимо и двинулся к Суниуму в южном направлении. Обогнув мыс Суний, он повернул вдоль побережья Аттики на север, остановился на некоторое время между Торикусом и Прасией, а затем занял позицию у Оропа [94].

Узнав, что он прошел мимо Пирея, не совершив никакого нападения, афиняне с облегчением поняли, что теперь его целью должна быть Эвбея, которая была для них едва ли менее важна, чем Пирей, поскольку основные запасы они получали с этого острова. Поэтому они сразу же вышли в море со всеми триремами, которые только можно было укомплектовать и подготовить в гавани. Но из-за спешки, недоверия и разногласий, царивших в данный момент, а также отсутствия на Самосе большого военного флота, экипажи были сырыми и плохо подобранными, а вооружение – неэффективным. На борту находился Полистрат, один из членов Четырехсот, а возможно, и другие; люди, которые были заинтересованы скорее в поражении, чем в победе. 95] Тимохарес, [р. 72] адмирал, провел их вокруг мыса Суний в Эретрию в Эвбее, где он нашел еще несколько трирем, которые составили весь его флот в тридцать шесть парусов.

Едва он достиг гавани и высадился, как, не дав своим людям времени подкрепиться, был вынужден вступить в бой с сорока двумя кораблями Агесандрида, который только что отплыл из Оропа и уже подходил к гавани. Эта неожиданность была вызвана антиафинской партией в Эретрии, которая по прибытии Тимохареса позаботилась о том, чтобы на рынке не оказалось провизии, и его люди были вынуждены разойтись и добывать ее в домах на окраине города; В то же время был поднят сигнал, видимый в Оропусе на противоположной стороне пролива шириной менее семи миль, который указывал Агесандриду точный момент для приведения его флота в атаку со свежими после утренней трапезы экипажами. Тимохарес, увидев приближение врага, приказал своим людям подняться на борт, но, к его разочарованию, многие из них ока-

зались так далеко, что не смогли вернуться вовремя, и он был вынужден отплыть и встретить пелопоннесцев с кораблями, очень плохо укомплектованными. В сражении, произошедшем неподалеку от эретрийской гавани, он после короткого поединка потерпел полное поражение, а его флот был отброшен к берегу. Некоторые из его кораблей спаслись в Халкисе, другие – в укрепленном пункте, гарнизонированном самими афинянами, недалеко от Эретрии; однако не менее двадцати двух трирем из тридцати шести попали в руки Агесандрида, а большая часть экипажей была убита или взята в плен. Из тех моряков, которым удалось спастись, многие нашли свою смерть от рук эретрийцев, в город которых они бежали в поисках убежища. При известии об этом сражении не только Эретрия, но и вся Эвбея, за исключением Орея на севере острова, который был заселен афинскими клерухами, объявила о своем восстании из Афин, которое было намечено более года назад, и приняла меры для обороны совместно с Агесандридом и беотийцами. [96] [р. 73]

Разве могла Афина вынести бедствие, само по себе столь огромное и усугубленное нынешним бедственным положением города? Её последний флот был уничтожен, её ближайший и драгоценнейший остров оторван от неё – остров, который в последнее время давал ей больше, чем сама Аттика, но теперь должен был стать враждебным и агрессивным соседом. [97] Предыдущее восстание Эвбеи, произошедшее тридцать четыре года назад, в период наивысшего могущества Афин, даже тогда стало страшным ударом и вынудило их пойти на унижительное Тридцатилетнее перемирие. Но теперь, когда остров снова восстал, у Афин не только не было средств для его возвращения, но даже для защиты Пирея от блокады вражеским флотом. Ужас и отчаяние, вызванные этой новостью, были беспредельны, превосходя даже чувства после сицилийской катастрофы или восстания Хиоса. Не было и второго резерва в казне, подобного тысяче талантов, столь существенно помогших в прошлый раз.

Кроме внешних угроз, афинян давили два внутренних бедствия, каждое из которых само по себе было почти невыносимым: отчуждение их собственного флота на Самосе и не утихший ещё раздор внутри стен города, где Четыреста всё ещё временно удерживали власть, возглавляемые самыми способными и беспринципными лидерами. В глубине отчаяния афиняне ожидали лишь одного – увидеть победоносный флот Агесандрида (более шестидесяти триер, включая недавно захваченные) у Пирея, перекрывающий все поставки и грозящий голодом в сочетании с действиями Агиса и Декелеи.

Захват был бы лёгким, ведь не было ни кораблей, ни моряков для отражения атаки. Его прибытие в этот критический момент, скорее всего, позволило бы Четырёмстам вернуть власть и ввести в город лакедемонский гарнизон. [98] И хотя прибытие афинского флота с Самоса предотвратило бы худшее, он не успел бы вовремя, если бы не затяжная блокада. Более того, его уход с Самоса в Афины оставил бы Ионию и Геллеспонт незащищенными перед лакедемонцами и персами, что привело бы к потере всей афинской империи.

Ничто не смогло бы спасти Афины, если бы лакедемонцы проявили хоть какую-то энергию вместо того, чтобы ограничиться Эвбеей, уже лёгкой и верной добычей. Как и в прошлый раз, когда Антифон и Фриних отправились в Спарту, готовые на любые жертвы ради получения помощи, так и теперь, в ещё большей степени, Афины были спасены лишь тем, что их враги оказались вялыми и тупыми спартамцами, а не предприимчивыми сиракузянами под руководством Гилиппа. [99] И это второй случай, добавим, когда Афины оказались на краю гибели из-за политики Алкивиада, удерживавшего флот на Самосе.

К счастью для афинян, Агесандрид так и не появился у Пирея, так что двадцать триер, которые они с трудом укомплектовали для обороны, не встретили врага. [100] Таким образом, афиняне получили передышку, позволившую им частично оправиться от потрясения и внутренних раздоров.

Первым их шагом, когда вражеский флот не появился, стал созыв народного собрания – причём именно на Пниксе, традиционном месте демократических собраний, способном вдох-

нуть новую жизнь в патриотизм, четыре месяца подавляемый и тлевший в углях. На этом собрании мнения резко обернулись против Четырёхсот: [101] даже те, кто, подобно Совету старейшин (пробалам), изначально поддержал их назначение, теперь присоединились к общему осуждению, несмотря на язвительные упрёки олигархического лидера Писандра в непоследовательности.

Были приняты следующие решения:

1. Отстранить Четыреста от власти.

2. Передать всё управление Пяти тысячам.

3. Каждый гражданин, снарядивший себя или другого полным вооружением (паноплией), автоматически включался в число Пяти тысяч.

4. Ни один гражданин не должен получать плату за исполнение политических функций под угрозой проклятия (атаки). [102]

Таковы были решения первого собрания на Пниксе. Были восстановлены архонты, Совет пятисот и другие институты, после чего прошли ещё несколько собраний, на которых были назначены номотеты, дикасты и другие ключевые элементы демократической системы. Были приняты и другие постановления, в частности – по предложению Крития, поддержанному Фераменом, [103] – о возвращении из изгнания Алкивиада и некоторых его сторонников. Кроме того, были отправлены послания к нему и к флоту на Самосе, подтверждавшие недавнее назначение стратегов, извещавшие о событиях в Афинах и призывавшие к продолжению борьбы с общим врагом.

Фукидид высоко оценивает дух умеренности и патриотического единства, царивший тогда в Афинах и направлявший действия народа. [104] Однако он не поддерживает мнения (как иногда ошибочно считают), да и факты не подтверждают, что тогда была введена новая конституция. Покончив с олигархией и правлением Четырёхсот, афиняне вернулись к старой демократии, [р. 78] лишь с двумя изменениями: ограничением избирательных прав и отменой оплаты политических должностей.

Обвинение против Антифона, рассмотренное вскоре после этого, разбиралось советом и дикастерией в полном соответствии со старыми демократическими процедурами. Однако можно предположить, что совет, дикасты, номотеты, экклесиасты (граждане, посещавшие собрания), а также ораторы, выступавшие в судах, временно работали без оплаты.

Более того, два упомянутых изменения почти не повлияли на реальность. Эксклюзивный корпус Пяти тысяч, формально созданный в тот момент, не был ни точно определён, ни долго сохранён. Даже тогда он существовал скорее номинально: это было скорее символическое число, чем реальный список, включавший на самом деле больше имён, чем указано, и без чётких границ. Сам факт, что любой, снарядивший панопию, автоматически включался в Пять тысяч (и не только они), [105] показывает, что точное число не соблюдалось.

Если верить речи, приписываемой Лисию, [106] сами Четыреста, после разрушения их крепости в Этионее и потери власти, создали комиссию для составления реального списка Пяти тысяч. Один из её членов, Полистрат, хвастался перед новой демократией, что включил в список девять тысяч вместо пяти. Но даже если этот список и существовал, он никогда не был опубликован или принят. Это лишь подтверждает, что число «Пять тысяч» стало условным обозначением широкого, но не всеобщего избирательного права.

Сначала это число было придумано Антифоном и лидерами Четырёхсот, чтобы прикрыть узурпацию и запугать демократов. Затем Ферамен и меньшинство олигархов использовали его как основу для внутренней оппозиции. Наконец, демократы воспользовались им как компромиссом для возврата к старому строю с минимальными спорами, ведь Алкивиад и флот согласились на Пять тысяч и отмену оплаты должностей. [107]

Но исключительное избирательное право так называемых Пяти тысяч, особенно с принятой теперь расширенной численной конструкцией, имело мало ценности как для них самих,

так и для государства; [108] в то же время оно стало оскорбительным ударом для чувств исключенного множества, особенно для храбрых и активных моряков, таких как паралии. Хотя это и было благоразумным шагом временного перехода, оно не могло устоять, и никаких попыток сохранить его на постоянной основе не предпринималось в обществе, так долго привыкшем к всеобщему гражданству, и где необходимость защиты от врага требовала энергичных усилий от всех граждан.

Даже что касается бесплатных функций, сами члены Пяти тысяч вскоре устали бы, не меньше, чем бедные свободные граждане, служить без оплаты в качестве советников или в других ролях; так что только абсолютный финансовый дефицит мог бы предотвратить восстановление, полное или частичное, оплаты. [109] И этот дефицит никогда не был настолько полным, чтобы прекратить выплату [стр. 80] диобелии, или раздачи двух оболов каждому гражданину по случаю различных религиозных праздников. Такая раздача продолжалась без перерыва; хотя, возможно, количество случаев, когда она производилась, могло сократиться.

Насколько или при каких ограничениях какое-либо восстановление гражданской оплаты получило распространение в течение семи лет между Четырьмястами и Тридцатью, мы сказать не можем. Но, оставляя этот вопрос нерешенным, мы можем показать, что в течение года после свержения Четырехсот избирательное право так называемых Пяти тысяч расширилось до избирательного права всех афинян без исключения, или до полной прежней демократии. Знаменательный декрет, принятый примерно через одиннадцать месяцев после этого события – в начале архонства Глаукиппа (июнь 410 г. до н.э.), когда совет Пятисот, дикасты и другие гражданские должностные лица были обновлены на предстоящий год в соответствии с древней демократической практикой, – показывает нам полную демократию не только в действии, но и во всем пылу чувств, вызванных недавним восстановлением. Казалось, что это первое обновление архонтов и других должностных лиц при возрожденной демократии должно быть отмечено каким-то выразительным провозглашением чувств, аналогичным торжественной и волнующей клятве, принятой в предыдущем году на Самосе. Соответственно, Демофант предложил и провел (псефизм или) декрет, [110] предписывающий форму клятвы, которую должны были принять все афиняне, чтобы поддерживать демократическую конституцию.

Условия его псефизма и клятвы поразительны. «Если кто-либо свергнет демократию в Афинах или займет какую-либо должность после того, как демократия будет свергнута, он будет врагом афинян. Пусть он будет убит безнаказанно, и пусть его имущество будет конфисковано в пользу общества, с сохранением десятой части для Афины. Пусть человек, который убил его, и соучастник, знавший об этом, будут считаться святыми и благочестивыми [стр. 81] в религиозном смысле. Пусть все афиняне принесут клятву при жертвоприношении взрослых животных в своих филах и демах, чтобы убить его. [111] Пусть клятва будет следующей: «Я убью своей собственной рукой, если смогу, любого, кто свергнет демократию в Афинах, или кто займет какую-либо должность в будущем после свержения демократии, или поднимет оружие с целью стать тираном, или поможет тирану утвердиться. И если кто-либо другой убьет его, я буду считать убийцу святым как в отношении богов, так и демонов, как убившего врага афинян. И я обязуюсь словом, делом и голосованием продать его имущество и передать половину выручки убийце, ничего не утаивая. Если кто-либо погибнет, убивая или пытаясь убить тирана, я буду добр к нему и к его детям, как к Гармодию и Аристоклиту, и их потомкам. И я hereby разрываю и отрекаюсь от всех клятв, которые были даны против афинского народа, будь то в Афинах, в лагере (на Самосе) или где-либо еще. [112] “ Пусть все афиняне принесут эту клятву как обычную, непосредственно перед праздником Дионисий, с жертвоприношением и взрослыми животными; [113] призывая на того, кто соблюдает ее, обильные блага; но на того, кто нарушает ее, – гибель для него самого и его семьи».

Таков был примечательный декрет, который афиняне не только приняли в совете и народном собрании менее чем через год после свержения Четырехсот, но и приказали выгравиро-

вать на колонне у дверей здания совета. Он ясно указывает не только на возвращение демократии, но и на необычайную интенсивность демократических чувств, сопровождавших это возвращение. Конституция, которую все афиняне так клялись защищать самыми решительными мерами, должна была быть конституцией, в которой все афиняне имели политические права, а не конституцией пяти тысяч привилегированных лиц, исключая остальных. [114] Этот декрет утратил силу после изгнания Тридцати, в связи с общим решением, принятым тогда, не действовать в соответствии с любыми законами, принятыми до архонства Евклида, если они не были специально восстановлены. Но колонна, на которой он был выгравирован, осталась, и слова на ней читались, по крайней мере, до времен оратора Ликурга, восемьдесят лет спустя. [115]

Однако само свержение Четырехсот и передача политической власти Пяти тысячам, произошедшие на первом народном собрании после поражения у Эретрии, были достаточны, чтобы заставить большинство жестоких лидеров Четырехсот немедленно покинуть Афины. Писандр, Алексикл и другие тайно отправились в Декелею: [116] только Аристарх использовал свой побег как средство нанесения новой раны своей стране. Будучи одним из стратегов, он воспользовался этой властью, чтобы выступить – с некоторыми из самых грубых среди тех скифских лучников, которые выполняли полицейские обязанности в городе – к Эное на беотийской границе, которая в тот момент находилась в осаде объединенными силами коринфян и беотийцев. Аристарх, действуя в согласии с осаждающими, предстал перед гарнизоном и сообщил им, что Афины и Спарта только что заключили мир, одним из условий которого была сдача Эное беотийцам. Поэтому он, как стратег, приказал им покинуть место под прикрытием перемирия, чтобы вернуться домой. Гарнизон, будучи плотно блокированным и полностью не осведомленным о реальной политической ситуации, безоговорочно подчинился приказу; таким образом, беотийцы получили этот очень важный пограничный пункт, новую занозу в боку Афин, помимо Декелеи. [117]

Таким образом, афинская демократия была восстановлена вновь, а разрыв между городом и войском на Самосе прекратился после перерыва примерно в четыре месяца из-за успешного заговора Четырехсот. Лишь чудом – или, скорее, благодаря невероятной медлительности и глупости ее иностранных врагов – Афины остались живы после этого гнусного нападения со стороны их собственных самых способных и богатых граждан. То, что победившая демократия осудила и наказала главных действующих лиц, участвовавших в этом, – которые насытили свою собственную эгоистичную амбицию ценой стольких страданий, тревог и опасностей для своей страны, – было не чем иным, как строгой справедливостью. Но обстоятельства дела были своеобразными: контрреволюция была осуществлена отчасти с помощью меньшинства среди самих Четырехсот – Ферамена, Аристократа и других, вместе с Советом старейшин, называемых Пробами, – все из которых были вначале либо главными действующими лицами, либо [стр. 84] соучастниками в той системе террора и убийств, посредством которой демократия была свергнута, а олигархические правители утвердились в здании совета. Поэтому более ранние операции заговора, хотя и являвшиеся одними из его худших черт, не могли быть подвергнуты расследованию и суду без компрометации этих сторон как соучастников преступления. Ферамен избежал этой трудности, выбрав для осуждения недавний акт большинства Четырехсот, которому он и его сторонники противились, и в отношении которого у него, следовательно, не было интересов, противоречащих ни справедливости, ни народным чувствам. Он выступил вперед, чтобы обвинить последнее посольство, отправленное Четырьмястами в Спарту, отправленное с инструкциями купить мир и союз почти любой ценой и связанное со строительством форта у Этионеи для приема вражеского гарнизона. Этот акт явной измены, в котором участвовали Антифонт, Фриних и десять других известных послов, был выбран в качестве особого предмета для публичного суда и наказания, как по общественным причинам, так и с целью его собственного благоволения в возобновленной демократии. Но тот факт, что

именно Ферамен таким образом предал своих старых друзей и соучастников, после того как отдал руку и сердце их более ранним и не менее виновным деяниям, долго помнился как вероломное предательство и использовался впоследствии как оправдание чудовищной несправедливости по отношению к нему самому. [118]

Из двенадцати послов, отправившихся с этой миссией, все, кроме Фриниха, Антифонта, Архептолема и Ономакла, по-видимому, уже успели бежать в Декелею или другие места. Фриних, как я упоминал несколькими страницами ранее, был убит за несколько дней до этого. В память о нём восстановленный совет Пятисот уже вынес справедливый обвинительный приговор, постановив конфисковать его имущество и снести его дом до основания, а также даровать гражданство вместе с денежной наградой двум иностранцам, [стр. 85] заявившим, что это они убили его. [119] Остальные трое – Антифонт, Архептолем и Ономакл [120] – были названы перед советом стратегами (среди которых, вероятно, был и Ферамен) как лица, отправившиеся с миссией в Спарту во вред Афинам, частично на вражеском корабле, частично через спартанский гарнизон в Декелее. На основании этого заявления (несомненно, подробного документа) один из членов совета по имени Андрон предложил следующее: чтобы стратеги вместе с десятью избранными ими советниками арестовали трёх обвиняемых и содержали их под стражей до суда; чтобы фесмофеты официально вызвали каждого из троих для подготовки к суду перед дикастерией по обвинению в государственной измене в назначенный день, а также обеспечили их присутствие на суде при поддержке стратегов, десяти избранных советников и любого гражданина, пожелавшего выступить обвинителем. Каждый из троих должен был судиться отдельно, и в случае осуждения [стр. 86] подлежал наказанию согласно уголовному закону города за измену или предательство. [121]

Хотя все трое названных лиц находились в Афинах (или, по крайней мере, предполагалось, что они там) в день принятия этого постановления советом, к моменту его исполнения Ономакл успел бежать, так что под арест попали только Антифонт и Архептолем. У них, несомненно, была возможность покинуть город, и можно предположить, что Антифонт счёл бы отъезд столь же необходимым, как Писандар и Алексикл. Будучи человеком проницательным и никогда не пользовавшимся особой популярностью, он должен был понимать, что теперь, по крайней мере, он обнажил меч против сограждан так, что прощения ему не будет. Тем не менее, он добровольно остался. И этот человек, отдававший приказы о тайных убийствах многих демократических ораторов, получил от победившей демократии официальное уведомление и справедливый суд по конкретному обвинению. Речь, которую он произнёс в свою защиту, хоть и не привела к оправданию, была выслушана не просто терпеливо, но с восхищением – о чём можно судить по сильному и долговременному впечатлению, которое она произвела. Фукидид называет её самым блистательным защитительным словом по делу, грозившему смертной казнью, которое он когда-либо слышал; [122] а поэт Агафон, несомненно присутствовавший на суде, горячо похвалил Антифонта за его красноречие. На что последний ответил, что одобрение одного такого проницательного судьи для него – достаточная компенсация за недружелюбный вердикт толпы. И он, и Архептолем были признаны дикастерией виновными и приговорены к наказанию за измену. Их передали магистратам, именовавшимся Одинадцатью (главным органам исполнительной власти в Афинах), для казни обычным способом – через принятие яда цикуты. Их [стр. 87] имущество было конфисковано, дома приказано снести, а на пустующих местах установить столбы с надписью: «Жилище предателя Антифонта – предателя Архептолема». Им также запрещалось погребение как в Аттике, так и на любой территории, подконтрольной Афинам. [123] Их дети, как законные, так и незаконнорождённые, лишались гражданства, а любой гражданин, усыновивший потомка любого из них, подлежал такому же лишению.

Таков был приговор дикастерия, вынесенный в соответствии с афинским законом об измене. Его предписывалось выгравировать на той же бронзовой колонне, что и почетный

декрет об убийцах Фриниха. С этой колонны он был скопирован и таким образом вошёл в историю. [124] [стр. 88]

То, сколько именно из Четырёхсот олигархов предстали перед судом или были наказаны, нам неизвестно, но есть основания полагать, что казнены были только Антифонт и Архептолем, а возможно, также Аристарх, предавший Эною беотийцам. Последний, как утверждается, был официально осуждён: [125] однако каким образом он снова оказался в руках афинян после побега, нам не сообщается. Имущество Писандра (сам он бежал) было конфисковано и полностью или частично передано в награду Аполлодору, одному из убийц Фриниха. [126] Вероятно, собственность других видных беглых олигархов также подверглась конфискации. Ещё один член Четырёхсот, Полистрат, присоединившийся к ним незадолго до их падения, был судим заочно (его защитники позже объяснили его отсутствие ранением, полученным в морском сражении при Эретрии) и приговорён к крупному штрафу. Похоже, каждый из Четырёхсот должен был пройти проверку и отчётность, как это было принято в Афинах для *magistrates*, покидающих должность. Те из них, кто не явился на суд, приговаривались к штрафу, изгнанию или занесению имени в списки предателей. Однако большинство явившихся были оправданы — отчасти, как сообщается, благодаря взяткам *logistai* (проверяющим *magistrates*), хотя некоторые были осуждены либо к штрафу, либо к частичному лишению политических прав, как и те гоплиты, которые наиболее активно поддерживали Четырёхсот. [127] [стр. 89]

Как бы нечетко мы ни представляли себе конкретные действия афинского народа при восстановлении демократии, мы знаем от Фукидида, что его благоразумие и умеренность были образцовыми. Восхваление, которое он в столь резких выражениях дает их поведению в этот момент, действительно вдвойне примечательно: во-первых, потому что оно исходит от изгнанника, не дружественного демократии, и сильного поклонника Антифона; во-вторых, потому что сам момент был крайне тяжелым для народной морали и мог вырождаться, по почти естественной тенденции, в избыток реакционной мести и преследований. Демократии было уже сто лет, начиная с Клейстенеся, и пятьдесят лет, даже начиная с последних реформ Эфиальтеса и Перикла; так что самоуправление и политическое равенство были частью привычного чувства в груди каждого человека, усиленного в данном случае тем, что Афины были не просто демократией, но имперской демократией, имевшей зависимость за границей [129].

В тот момент, когда, вследствие беспримерных бедствий, она едва в состоянии поддерживать борьбу с внешними врагами, небольшой узел ее собственных богатейших граждан, пользуясь ее слабостью, ухитряется путем обмана и силы, не менее вопиющих, чем искусное сочетание, сосредоточить в своих руках государственную власть и вырвать у своих соотечественников защиту от дурного правления, чувство равного гражданства и давно установленную свободу слова. И это еще не все: эти заговорщики не только насаждают олигархический суверенитет в сенате, но и поддерживают его, приглашая извне иностранный гарнизон и предавая Афины пелопоннесским врагам. Двух более смертоносных повреждений невозможно представить; и ни от одного из них Афины не избежали бы, если бы их внешний враг проявил разумную расторопность. Принимая во внимание огромную опасность, не слишком удачное спасение и тяжелое состояние, в котором оказались Афины, несмотря на свое спасение, мы вполне могли ожидать в народе реакционной враждебности, которую каждый спокойный наблюдатель, учитывая провокацию, тем не менее должен был осудить; и, возможно, в какой-то степени аналогичной тому отчаянию, которое при очень похожих обстоятельствах вызвало кровавую резню в Коркире [130]. И когда мы видим, что именно этот случай Фукидид, наблюдатель не слишком беспристрастный, выбирает для восхваления их хорошего поведения и умеренности, мы глубоко осознаем, какие хорошие привычки, должно быть, заложила в них прежняя демократия, служили теперь корректором импульсов текущего момента. Они познакомились с цементирующей силой общих чувств; они научились свято хранить нерушимость закона и справедливости даже в отношении своего злейшего врага; и, что не менее важно, частота

и свобода политических дискуссий научили их не только заменять споры языка спорами меча, но и осмысливать свое положение с его настоящими и будущими обязательствами, вместо того чтобы спешить со слепой ретроспективной мстостью за прошлое.

В греческой истории мало контрастов, более запоминающихся или более поучительных, чем контраст между этим олигархическим заговором, возглавляемым некоторыми из самых умелых рук в Афинах, и демократическим движением, происходящим в то же самое время на Самосе, среди афинского войска и саамских граждан. В первом случае мы с самого начала не видим ничего, кроме корысти и личных амбиций: сначала партнерство с целью захватить для собственной выгоды власть в государстве; затем, после достижения этой цели, разрыв между партнерами, вызванный разочарованием, одинаково эгоистичным. Мы видим, что они апеллируют только к самым худшим тенденциям: либо к хитрости, чтобы использовать доверчивость людей, либо к внесудебным убийствам, чтобы воздействовать на их страх. В последнем случае, напротив, взывают к чувствам общего патриотизма и равного, общественного сочувствия. Та сцена, которую мы читаем у Фукидида, – когда солдаты вооружения и граждане Самии торжественно поклялись друг другу поддерживать свою демократию, поддерживать гармонию и добрые чувства друг с другом, энергично продолжать войну против пелопоннесцев и оставаться во вражде с олигархическими заговорщиками в Афинах, – является одной из самых драматических и вдохновляющих сцен, которые встречаются в его истории. [Более того, мы видим на Самосе такое же отсутствие реакционной мести, как и в Афинах, после того как нападение олигархов, как афинских, так и саамских, было отбито; хотя эти олигархи начали с убийства Гипербола и других. Во всем демократическом движении на Самосе прослеживается благородное превознесение общих чувств над личными и в то же время отсутствие свирепости по отношению к противникам, чего никогда не было в греческом лоне, кроме демократии.

Действительно, это было особое движение щедрого энтузиазма, и детали демократического правительства соответствуют ему лишь в малой степени. Ни в жизни отдельного человека, ни в жизни народа обычное и повседневное движение не выглядит достойным тех особых периодов, когда человек поднимается над своим уровнем и становится способным на крайнюю преданность и героизм. И все же такие эмоции, хотя их полное преобладание никогда не бывает иным, чем преходящим, имеют свое основание в жилах чувств, которые даже в другое время не исчезают полностью, а входят в число разнообразных сил, склонных изменять и улучшать, если не управлять, человеческие действия. Даже моменты их преходящего преобладания оставляют после себя светлый след и делают людей, прошедших через них, более склонными к тому, чтобы вновь воспринять тот же великодушный порыв, хотя и в более слабой степени. Одним из достоинств греческой демократии является то, что она действительно поднимала это чувство равного и патриотического единения: иногда, в редких случаях, как в сцене на Самосе, с подавляющей интенсивностью, так, чтобы воодушевить единодушную толпу; чаще, в более слабых приливах, но таких, которые давали некоторый шанс честному и красноречивому оратору успешно воззвать к общественному чувству против коррупции или эгоизма. Если мы проследим за движениями Антифона и его товарищей по заговору в Афинах во время демократических выступлений на Самосе, то увидим, что в них не только не было такого великодушного порыва, но успех их плана зависел от того, сумеют ли они вытравить из афинской груди всякий общий и активный патриотизм. Под «холодной тенью» их олигархии – даже если предположить отсутствие жестокости и хищничества, которые, вероятно, вскоре стали бы распространенными, если бы их власть продлилась, как мы узнаем из истории второй олигархии Тридцати – у афинской толпы не осталось бы никаких чувств, кроме страха, раболепия или, в лучшем случае, прирученной и тупой преданности лидерам, которых они не выбирали и не контролировали. Для тех, кто считает, что различные формы правления отличаются друг от друга главным образом чувствами, которые каждая из них склонна вну-

шать как магистратам, так и гражданам, современные сцены в Афинах и на Самосе позволят провести поучительное сравнение между греческой олигархией и греческой демократией.

Глава LXIII. ВОССТАНОВЛЕННАЯ АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ ЧЕТЫРЁХСОТ ДО ПРИБЫТИЯ КИРА МЛАДШЕГО В МАЛУЮ АЗИЮ.

Олигархия Четырёхсот в Афинах, установившаяся в здании совета около февраля или марта 411 г. до н.э. и свергнутая примерно в июле того же года после четырёх-пяти месяцев опасностей и раздоров, едва не приведших город в руки врагов, теперь завершилась восстановлением демократии. Сопутствующие обстоятельства этого процесса были подробно изложены. Теперь я возвращаюсь к военным и морским операциям на побережье Малой Азии, частично совпадавшим по времени с политическими раздорами в Афинах, описанными выше.

Уже упоминалось, что пелопоннесский флот из [стр. 94] девяноста четырёх триер [132], простояв без дела на Родосе не менее восьмидесяти дней, к концу марта вернулся в Милет с намерением двинуться на помощь Хиосу, который уже некоторое время осаждала часть афинского войска под командованием Стромбихида и который теперь находился в крайне тяжёлом положении. Однако основной афинский флот на Самосе помешал Астиоху осуществить этот план, поскольку тот не счёл целесообразным рисковать генеральным сражением. На него частично повлияли подкупы, частично – обман Тиссаферна, стремившегося лишь истощить обе стороны затяжной войной и теперь заявлявшего, что вот-вот приведёт на помощь финикийский флот. В составе флота Астиоха были корабли, предназначенные для взаимодействия с Фарнабазом у Геллеспонта, но они также не могли достичь своей цели. Чтобы решить эту проблему, спартанец Деркиллид был отправлен с сухопутным отрядом к Геллеспонту, чтобы присоединиться к Фарнабазу в действиях против Абидоса и соседних владений Афин. Абидос, связанный с Милетом колониальными узами, первым отложился от Афин к Деркиллиду и Фарнабазу; через два дня его примеру последовал соседний город Лампсак.

Похоже, что в это время у Геллеспонта не было афинских сил, и когда известие об этой новой угрозе империи достигло Хиоса, оно встревожило Стромбихида, командовавшего афинской осадной армией. Хотя хиосцы, доведённые до отчаяния усиливающимся голодом и отсутствием помощи от Астиоха, и увеличили свой флот до тридцати шести триер против афинских тридцати двух благодаря прибытию двенадцати кораблей под командованием Леона, полученных из Милета во время отсутствия Астиоха на Родосе, и даже вышли в море, дав ожесточённое морское сражение афинянам с некоторым успехом [133], Стромбихид всё же был вынужден немедленно отправить двадцать четыре триеры и отряд гоплитов для помощи Геллеспонту. В результате хиосцы вновь стали достаточно хозяевами на море, чтобы пополнить свои запасы [стр. 95], хотя афинское войско и укреплённый пост оставались на острове. Астиох также смог отозвать Леона с двенадцатью триерами в Милет, усилив таким образом свой основной флот [134].

Похоже, именно в это время олигархическая партия как в городе, так и в лагере на Самосе готовила заговор, как уже было рассказано, а афинские стратеги разделились во мнениях: Хармин поддерживал эту партию, а Леон и Диомедон выступали против. Узнав о раздорах, Астиох счёл это удачным моментом, чтобы подойти со всем флотом к гавани Самоса и предложить битву; но афиняне не были в состоянии выйти из гавани. Тогда он вернулся в Милет, где снова бездействовал, ожидая (настоящего или мнимого) прибытия финикийских кораблей. Однако недовольство его собственных войск, особенно сиракузского контингента, вскоре стало неуправляемым. Они не только роптали на бездействие армии в этот драгоценный момент разлада в афинском лагере, но и разгадали коварную политику Тиссаферна, истощав-

шего их силы без результата; эта политика стала ещё более очевидной из-за его нерегулярных выплат жалования и поставок провизии, что вызвало серьёзные трудности. Чтобы успокоить их недовольство, Астиох был вынужден созвать общее собрание, которое высказалось за немедленное сражение. Тогда он вышел из Милета со всем флотом из ста двенадцати триер к мысу Микале, напротив Самоса, приказав милетским гоплитам перейти по суше к той же точке. Афинский флот, теперь состоявший всего из восьмидесяти двух кораблей (из-за отсутствия Стромбихида), стоял на якоре у Главки на материковой части Микале; но, узнав о решении пелопоннесцев сражаться, афиняне отступили на Самос, не желая вступать в бой с меньшими силами [135].

Кажется, именно в этот последний период бездействия Астиоха олигархи на Самосе приняли свою попытку и потерпели неудачу; реакция на эту попытку вскоре привела к мощному демократическому выступлению и торжественной коллективной клятве афинского войска, а также к назначению новых, единомышленных и преданных стратегов. Теперь они были полны энтузиазма, жаждали сразиться с врагом, и Стромбихид был немедленно вызван, чтобы объединить флот против главного врага в Милете. Тот успел отбить Лампсак, но потерпел неудачу при попытке взять Абидос [136]. Устроив центральную укрепленную базу в Сесте, он теперь вернулся к флоту на Самосе, который с его прибытием увеличился до ста восьми кораблей. Он прибыл ночью, когда пелопоннесский флот готовился на следующий день возобновить атаку с Микале. Тот насчитывал сто двенадцать кораблей и потому всё ещё превосходил афинян числом. Но, узнав о прибытии Стромбихида и о возрождённом духе и единстве афинян, пелопоннесские командиры не решились на битву. Они вернулись в Милет, к устью гавани которого подошли афиняне, получив удовольствие предложить сражение не желающему врагу [137].

Такое признание слабости ещё больше усилило недовольство пелопоннесского флота в Милете. Тиссаферн становился всё скупее в выплатах и поставках, а возвращение Алкивиада на Самос, случившееся как раз в это время, в сочетании с его видимой близостью к сатрапу, укрепило убеждение, что тот намеренно обманывает и морит их голодом в интересах Афин. Тем временем прибыли настойчивые приглашения от Фарнабаза, умолявшего о помощи флота у Геллеспонта с щедрыми обещаниями жалования и снабжения. Клеарх, присланный со Спарты с последней эскадрой именно для помощи Фарнабазу, требовал разрешения выполнить приказ; а Астиох, отказавшись от идеи совместных действий, теперь счёл целесообразным разделить флот, который ему было нечем содержать. В итоге Клеарх был отправлен с сорока триерами из Милета к Геллеспонту, но с инструкцией избегать афинян у Самоса, сначала выйдя на запад в Эгейское море. Попав в сильный шторм, он был вынужден укрыться на Делосе с большей частью эскадры, а затем, понеся серьёзные повреждения, вернулся в Милет, откуда сам отправился к Геллеспонту по суше. Однако десять его триер под командованием мегарца Геликса пережили шторм и продолжили путь к Геллеспонту, который в этот момент оставался без защиты, поскольку Стромбихид, похоже, забрал все свои корабли. Геликс беспрепятственно прошёл к Византию, дорическому городу и мегарской колонии, откуда уже поступали тайные приглашения, и теперь убедил его отложиться от Афин. Эти неутешительные новости заставили афинских стратегов на Самосе, чью бдительность обходной манёвр Клеарха усыпил, осознать необходимость защиты Геллеспонта, куда они отправили отряд, хотя и безуспешно попытались отбить Византий. Позже из Милета к Геллеспонту и Абидосу отправились ещё шестнадцать триер, позволив пелопоннесцам контролировать пролив, а также Боспор и Византий [138], и даже совершать набеги на Херсонес Фракийский.

Тем временем недовольство флота в Милете переросло в открытый мятеж против Астиоха и Тиссаферна. Не получая жалования и скудно питаясь, моряки собирались толпами, обсуждая свои тяготы; они обвиняли Астиоха в том, что тот ради собственной выгоды предал их сатрапу, который по наущению Алкивиада коварно губил армию. Даже некоторые офицеры, чьё молчание до сих пор покупалось, начали говорить то же самое, понимая, что вред стано-

вится невосполнимым и что люди вот-вот начнут дезертировать. Особенно рьяно защищали права своих моряков неподкупный сиракузянин Гермократ и фуриец Дорией, чьи экипажи, состоявшие в основном из свободных людей (в большей пропорции, чем на пелопоннесских кораблях), явились к Астиоху с громкими жалобами и требованием выплатить задолженность по жалованью. Но пелопоннесский командующий встретил их высокомерием и даже угрозами, замахнувшись палкой на Дориея, защищавшего их интересы. Возмущённые моряки бросились забрасывать Астιοха снарядами, но он укрылся у ближайшего алтаря, так что реального вреда не случилось [139].

Недовольство не ограничивалось только моряками флота. Милетцы, также недовольные и встревоженные постройкой крепости, которую Тиссаферн возвел в их городе, выждали удобный момент для внезапного нападения и изгнали его гарнизон. Хотя войско в целом, проникнутое неприязнью к сатрапу, сочувствовало этому поступку, спартанский комиссар Лихас резко осудил его и дал понять милетцам, что они, как и другие греки на территории царя, обязаны подчиняться Тиссаферну в разумных пределах и даже заискивать перед ним, пока война не будет успешно завершена. Похоже, что и в других вопросах Лихас скорее укреплял, чем смягчал власть сатрапа над ними, так что милетцы теперь возненавидели его [140], и когда вскоре он умер от болезни, они отказались разрешить похоронить его на выбранном месте – вероятно, каком-то почетном участке, который определили его соотечественники. Хотя Лихас в этих действиях лишь выполнял условия договора с Персией, несомненно, что милетцы, вместо того чтобы обрести автономию, как обещала Спарта, оказались от нее дальше, чем когда-либо, и что имперские Афины защищали их от Персии гораздо лучше, чем Спарта.

Однако подчинение войска почти прекратилось, когда из Спарты прибыл Миндар, чтобы сменить Астιοха, который был отозван и отправился домой. И Гермократ, и некоторые милетские послы воспользовались этой возможностью, чтобы отправиться в Спарту с жалобами на Тиссаферна, в то время как тот, со своей стороны, отправил туда посла по имени Галит, карийца, одинаково хорошо владевшего греческим и карийским языками, чтобы защититься от неоднократных обвинений Гермократа в том, что он умышленно задерживал жалованье, сговорившись с Алкивиадом и афинянами, а также чтобы обвинить милетцев в незаконном разрушении его крепости [141]. В то же время он счел необходимым выдвинуть новую уловку, чтобы укрепить позиции своего посла в Спарте, успокоить нетерпение войска и расположить к себе нового адмирала Миндара. Он объявил, что финикийский флот вот-вот прибывает в Аспенд в Памфилии и что он отправляется туда, чтобы привести его к месту военных действий для сотрудничества с пелопоннесцами. Он пригласил Лихаса сопровождать его и пообещал оставить Тама в Милете в качестве своего заместителя с приказом выплачивать жалованье и обеспечивать флот [142].

Миндар, новый командующий, не знакомый с лживостью Тиссаферна, поверил этим правдоподобным заверениям и даже воодушевился перспективой такого мощного подкрепления. Он отправил офицера по имени Филипп с двумя триерами вокруг Триопийского мыса в Аспенд, в то время как сатрап отправился туда по суше.

Это снова привело к значительной задержке, пока Тиссаферн находился в Аспенде под этим предлогом. Прошло некоторое время, прежде чем Миндар разочаровался, поскольку Филипп обнаружил финикийский флот в Аспенде и поначалу был полон надежд, что он действительно двинется вперед. Но вскоре сатрап показал, что его цель, как и прежде, заключалась лишь в задержках и обмане. Финикийские корабли насчитывали сто сорок семь единиц – флот, более чем достаточный для завершения морской войны, если бы он действовал решительно. Однако Тиссаферн делал вид, что считает эти силы недостаточными для величия Великого царя, который приказал снарядить для службы флот из трехсот кораблей [143]. Он некоторое время ждал, притворяясь, что ожидает подхода дополнительных кораблей, игнорируя все протесты лакедемонских офицеров.

Вскоре прибыл афинянин Алкивиад с тринадцатью афинскими триерами, демонстрируя, что находится в наилучших отношениях с сатрапом. Он тоже использовал приближение финикийского флота, чтобы обмануть своих соотечественников на Самосе, пообещав встретиться с Тиссаферном в Аспенде и, если возможно, убедить его отправить флот на помощь Афинам, но по крайней мере не помогать Спарте. Последняя часть обещания была достаточно безопасной, поскольку он хорошо знал, что Тиссаферн не собирался использовать флот для каких-либо реальных целей. Однако это позволило ему получить доверие соотечественников, якобы отравив это грозное подкрепление от врага.

Частично видимая близость между Тиссаферном и Алкивиадом, частично наглые уловки первого, основанные на невероятном предлоге, что флот недостаточно многочислен, в конце концов убедили Филиппа, что это лишь новое проявление обмана. После долгого и досадного ожидания он известил Миндара – не без гневных упреков в адрес сатрапа – что от флота в Аспенде нечего ждать. Однако действия Тиссаферна, приведшего финикийцев в это место и все еще удерживающего их от дальнейшего продвижения, казались всем загадочными и необъяснимыми. Некоторые предполагали, что он делал это, чтобы вымогать у самих финикийцев более крупные взятки в обмен на возвращение домой без боя, что, по-видимому, и произошло. Но Фукидид считает, что у него не было иного мотива, кроме того, что определяло его поведение в прошлом году: затягивать войну и истощать как Афины, так и Спарту, создавая новую иллюзию, которая продлится несколько недель и обеспечит столь необходимую задержку [144]. Историк, несомненно, прав, но без его подтверждения трудно было бы поверить, что поддержание обманчивого предлога на столь незначительный срок могло считаться достаточным основанием для приведения этого большого флота из Финикии в Аспенд и последующей его отправки бездействующим.

В конце концов, потеряв всякую надежду на финикийские корабли, Миндар решил разорвать все отношения с вероломным Тиссаферном, тем более что Тама, его заместитель, оставленный для выплаты жалованья и содержания флота, выполнял свои обязанности с еще большей небрежностью, чем прежде. Он направил свой флот к Геллеспонту для взаимодействия с Фарнабазом, который продолжал давать обещания и приглашения. Пелопоннесский флот [145] – семьдесят три триеры после отправки тринадцати под командованием Доризя для подавления беспорядков на Родосе – был тщательно подготовлен и внезапно приведен в движение, чтобы афиняне на Самосе не узнали об этом заранее. Задержавшись на несколько дней у Икара из-за плохой погоды, Миндар благополучно достиг Хиоса. Однако здесь его настиг Фрасилл, который прошел с пятьюдесятью пятью триерами к северу от Хиоса, оказавшись между лакедемским адмиралом и Геллеспонтом. Полагая, что Миндар останется на Хиосе на некоторое время, Фрасилл расставил наблюдателей как на возвышенностях Лесбоса, так и на противоположном материке, чтобы немедленно получать известия о любых передвижениях вражеского флота [146]. Тем временем он использовал свои афинские силы для подавления восстания в лесбосском городе Эрес, которое недавно спровоцировали триста нападавших из Кимы под предводительством фиванца Анаксандра – частью изгнанники из Метимны, сочувствующие их политике, частью наемники-иностранцы, которым удалось захватить Эрес после неудачной атаки на Метимну. Перед Эресом Фрасилл обнаружил небольшую афинскую эскадру из пяти триер под командованием Фрасибула, отправленную с Самоса, чтобы попытаться предотвратить восстание, но прибывшую слишком поздно. К нему также присоединились [стр. 102] две триеры с Геллеспонта и несколько из Метимны, так что его общий флот достиг шестидесяти семи триер, с которыми он приступил к осаде Эреса, полагаясь на своих наблюдателей в случае, если вражеский флот двинется на север.

Фрасилл ожидал, что пелопоннесский флот отправится с Хиоса на север через пролив, отделяющий северо-восточную часть острова от горы Мимас на азиатском материке. После этого он, вероятно, пройдет мимо Эреса по западной стороне Лесбоса, как по кратчайшему

пути к Геллеспонту, хотя мог также обойти его по восточной стороне, между Лесбосом и материком, по несколько более длинному маршруту. Афинские наблюдатели были расставлены так, чтобы заметить пелопоннесский флот, если он пройдет через этот пролив или приблизится к Лесбосу. Однако Миндар не сделал ни того, ни другого, обманув их бдительность и достигнув Геллеспонта без ведома афинян. Проведя два дня в пополнении запасов и получив от хиосцев по три тетракоста (хиосская монета неизвестного достоинства) на каждого моряка, он на третий день покинул Хиос, но выбрал южный маршрут и поспешно обошел остров с западной, морской стороны. Достигнув и миновав северную широту Хиоса, он взял курс на восток, оставив Лесбос по левому борту, и направился прямо к матерiku, где остановился в гавани Картерии на территории Фокеи. Здесь он сделал остановку для утреннего приема пищи, затем пересек дугу Кимского залива к маленьким островам Аргинусам, близ азиатского побережья напротив Митилены, где снова остановился для ужина. Продолжив плавание ночью, к утру следующего дня он был у Гармата на материке, прямо к северу и напротив Метимны; затем, сделав короткую остановку, он обогнул мыс Лект, прошел вдоль Троады, миновал Тенедос и к полуночи достиг входа в Геллеспонт, где его корабли распределились между Сигеем, Ройтием и другими близлежащими местами [147].

Благодаря этому хорошо продуманному маршруту и ускоренному плаванию пелопоннесский флот полностью избежал наблюдателей Фрасилла и достиг входа в Геллеспонт, когда тот едва узнал о его отплытии с Хиоса. Однако, прибыв в Гармат, почти на виду у афинской стоянки в Метимне, его продвижение уже не могло оставаться в тайне. По мере дальнейшего продвижения вдоль Троады важные новости распространялись повсюду, передаваемые с помощью многочисленных огненных сигналов и маяков на холмах, как друзьями, так и врагами.

Эти сигналы были прекрасно видны и понятны двум враждебным эскадрам, стоявшим на страже по обе стороны Геллеспонта: восемнадцать афинских триер в Сесте в Европе и шестнадцать пелопоннесских триер в Абидосе в Азии. Для первых было бы губительно оказаться в узком проливе Геллеспонта перед лицом такого мощного врага. Они покинули Сест в середине ночи, пройдя мимо Абидоса и держась южного курса вдоль берега Херсонеса в направлении к Элеунту на южной оконечности полуострова, чтобы иметь шанс спастись в открытом море и соединиться с Фрасиллом. Однако они не смогли бы пройти даже мимо враждебной стоянки в Абидосе, если бы пелопоннесские дозорные корабли не получили строжайшего приказа от Миндара, переданного еще до его отплытия с Хиоса или, возможно, даже из Милета: если он предпримет попытку выдвинуться, они должны быть особенно бдительны и быть готовыми оказать ему помощь в случае нападения Фрасилла. Когда сигналы впервые возвестили о прибытии Миндара, пелопоннесские дозорные в Абидосе не могли знать его точного положения и того, не находится ли главный афинский флот вблизи него. Поэтому они действовали согласно предыдущим приказам, оставаясь на месте в Абидосе до наступления рассвета и получения более точных сведений. Таким образом, они упустили афинскую геллеспонтскую эскадру, ускользнувшую из Сеста в Элеунт [148].

Около рассвета, приблизившись к южной точке Херсонеса, эти афиняне были замечены флотом Миндара, прибывшим накануне вечером к стоянкам у Сигея и Ройтия. Последний немедленно начал преследование [стр.109], но афиняне, теперь в открытом море, сумели уйти большей частью на Имброс, хотя и потеряли четыре триеры, одна из которых была захвачена со всем экипажем у храма Протесилая в Элеунте; экипажи трех других высадились на берег. Теперь к Миндару присоединилась эскадра из Абидоса, и их объединенные силы, насчитывавшие восемьдесят шесть триер, попытались в течение дня штурмовать Элеунт. Потерпев неудачу, флот отступил в Абидос. Прежде чем все корабли прибыли туда, Фрасилл со своим флотом поспешно прибыл из Эреса, разочарованный тем, что его наблюдатели были обмануты, а все его расчеты сорваны. Две пелопоннесские триеры, слишком увлекшиеся преследованием

афинян, попали в его руки. Он дождался в Элеунте возвращения бежавшей афинской эскадры с Имброса и начал готовить свои семьдесят шесть триер к генеральному сражению.

После пяти дней подготовки его флот вступил в бой, двигаясь на север к Сесту вверх по Геллеспонту, корабль за кораблем, вдоль берега Херсонеса, на европейской стороне. Левый, или самый передовой отряд под командованием Фрасилла продвинулся даже за мыс Киноссема, или Собачью могилу, прославленную легендой и святилищем троянской царицы Гекубы, оказавшись почти напротив Абидоса, в то время как правый отряд под командованием Фрасибула находился недалеко от южного устья пролива, почти напротив Дардана. Миндар, со своей стороны, выставил восемьдесят шесть триер, на десять больше, чем у Фрасилла, растянувшись от Абидоса до Дардана на азиатском берегу; сиракузяне под командованием Гермократа были на правом фланге, против Фрасилла, а Миндар с пелопоннесскими кораблями – на левом, против Фрасибула. Морские гоплиты (эпибаты) на кораблях Миндара, как говорили, превосходили афинян, но последние имели преимущество в опытных кормчих и морской тактике. Тем не менее, описание битвы показывает, насколько афинская тактика ухудшилась со времен славы Формиона в начале Пелопоннесской войны, и этот выдающийся флотоводец вряд ли выбрал бы для морского сражения узкие воды Геллеспонта. Миндар перешел в наступление, атакуя ближе к европейскому берегу и пытаясь обойти противника с обоих флангов, а также прижать его к суше. Фрасилл на одном фланге и Фрасибул на другом быстрыми маневрами растянули свои линии, чтобы предотвратить эту попытку, но при этом ослабили центр, который даже потерял из виду левый фланг из-за выступающего мыса Киноссема. Оставшись без поддержки, центр подвергся яростной атаке и был сильно потрепан средней дивизией Миндара. Его корабли были прижаты к берегу, и нападавшие даже высадились на сушу, чтобы развить успех. Однако этот частичный успех привел к беспорядку в самой центральной пелопоннесской дивизии, в то время как Фрасибул и Фрасилл вели равный, а затем и победоносный бой против кораблей на правом и левом флангах врага. Отбросив оба этих отряда, они легко разогнали беспорядочные корабли центра, так что весь пелопоннесский флот обратился в бегство и укрылся сначала в реке Медий, а затем в Абидосе. Узость Геллеспонта не позволила ни долго преследовать, ни захватить много кораблей. Тем не менее, в руки афинских адмиралов попали восемь хиосских, пять коринфских, два амбракийских и столько же беотийских кораблей, а также по одному из Спарты, Сиракуз, Пеллены и Левкады; однако они сами потеряли пятнадцать кораблей. Они воздвигли трофей на мысе Киноссема, возле могилы или святилища Гекубы, не забыв обычных обязанностей: похоронить своих павших и выдать тела врагов под традиционное перемирие [149].

Победа столь неполная и нерешительная мало ценилась бы афинянами в эпоху, предшествовавшую Сицилийской экспедиции. Но после того страшного поражения, за которым последовало столько других бедствий, а в последнее время – поражение Фимохара и отпадение Эвбеи, их дух был так принижен, что триера, принесшая весть о битве при Киноссеме, кажется, в конце августа 411 г. до н. э., была встречена с величайшей радостью и ликованием. Они начали чувствовать, словно отлив достиг своей низшей точки и начал поворачивать в их пользу, подавая некоторые надежды на конечный успех в войне. Вскоре случилось еще одно удачное событие, укрепившее эту веру. Миндар был вынужден усилить себя у Геллеспонта, отправив Гиппократа и Эпикла привести флот из пятидесяти триер, действовавший теперь у Эвбеи.[150] Это само по себе стало важным облегчением для Афин, устранив беспокоящего врага близ дома. Но оно было еще более усилено последующими неудачами этого флота, который, обходя мыс у горы Афон, чтобы добраться до Азии, был застигнут ужасной бурей и почти уничтожен, с большими потерями среди экипажей; так что лишь остатки, под командой Гиппократа, уцелели, чтобы присоединиться к Миндару.[151]

Но хотя Афины таким образом избавились от всякого страха перед агрессией со стороны Эвбеи, последствия ухода этого флота показали, как безвозвратно остров сам выпал из-под их

владычества. Жители[стр. 112] Халкиды и других городов, оставшиеся теперь без иностранной защиты против нее, совместно с беотийцами, чьи интересы в этом деле были даже сильнее их собственных, занялись тем, что лишили Эвбею её островного характера, построив дамбу или мост через Эврип, самую узкую часть Эвбейского пролива, где Халкида отделена от Беотии. С каждого берега была выведена дамба, каждая дамба защищена на конце башней, оставляя лишь промежуточный проход, достаточно широкий для прохода одного судна, прикрытый деревянным мостом. Напрасно афинянин Ферамен с тридцатью триерами появился, чтобы помешать продвижению этого предприятия. Эвбеицы и беотийцы с таким рвением и в таких количествах взялись за работу, что она была быстро завершена. Эвбея, еще недавно важнейший остров, принадлежавший Афинам, отныне стала частью материка, полностью независимой от них, даже если бы судьбе было угодно восстановить их морское могущество.[152]

Битва при Киносеме не имела очень важных последствий, кроме ободрения афинян. Даже сразу после сражения Кизик отпал от них, и на четвертый день после него афинский флот, поспешно отремонтированный в Сесте, отплыл туда, чтобы вернуть его. Город не был укреплен, так что они добились успеха с небольшими трудностями и наложили на него контрибуцию; более того, во время плавания туда они получили дополнительное преимущество, захватив у южного побережья Пропонтиды восемь пелопоннесских триер, которые незадолго до этого осуществили отпадение Византия. Но, с другой стороны, как только афинский флот покинул Сест, Миндар отплыл со своей стоянки в Абидосе в Элеунт и там вернул все триеры, захваченные у него при Киносеме, которые афиняне там оставили, кроме некоторых, настолько поврежденных, что жители Элеунта сожгли их.[153]

Но то, что теперь начало составлять гораздо более важный элемент войны, было разницей в характере между Тиссаферном и Фарнабазом и переводом пелопоннесского флота из сатрапии первого в сатрапию последнего. Тиссаферн, не оказывая пелопоннессцам ни помощи, ни платы, своими вероломными обещаниями и подкупами ослабил все их действия за последний год, с преднамеренной целью истощить обе воюющие стороны. Фарнабаз был храбрым и решительным человеком, который стремился энергично укреплять их, как людьми, так и деньгами, и усердно трудился, чтобы сокрушить афинскую власть; как мы найдем его столь же усердно трудящимся восемнадцать лет спустя, чтобы добиться её частичного возрождения. С этого времени персидская помощь становится реальностью в греческой войне; и в основном – сначала через руки Фарнабаза, затем через руки младшего Кира – определяющей реальностью. Ибо мы увидим, что в то время как пелопоннессцы по большей части хорошо оплачиваются из персидской казны, афиняне, лишенные такого ресурса, вынуждены полагаться на взносы, которые они могут собирать тут и там, без установленного или признанного права; и прерывать ради этого даже самые многообещающие успехи. Двадцать шесть лет спустя, в то время, когда Спарта потеряла своих персидских союзников, лакедемонянин Телевтий пытался успокоить бунт своих неоплаченных моряков, говоря им, насколько благороднее вымогать плату у врага собственными мечами, чем получать её, угождая иностранцу;[154] и, вероятно, афинские полководцы в течение этих предыдущих лет борьбы пытались[стр. 114] подобными призывами к великодушию своих солдат. Но тем не менее несомненно, что новый постоянный платательщик, теперь появившийся, дал спартанскому делу страшные преимущества.

Хорошая плата и сердечное сотрудничество, которыми пелопоннессцы теперь пользовались от Фарнабаза, только сделали их более возмущенными прежним обманом Тиссаферна. Под влиянием этого чувства они охотно оказали помощь жителям Антандра в изгнании его генерала Арсака с персидским гарнизоном. Арсак недавно совершил акт убийственного вероломства, под влиянием какой-то необъяснимой обиды, против делосцев, поселившихся в Адрамиттии: он призвал их главных граждан принять участие в походе как союзников и приказал окружить их всех, расстрелять и перебить во время утренней трапезы. Такой поступок был более чем достаточным, чтобы вызвать ненависть и тревогу среди соседних антандрийцев,

которые пригласили отряд пелопоннесских гоплитов из Абидоса, через горный хребет Иды, с чьей помощью Антандр был освобожден от персов.[155]

В Милете, как и в Книде, Тиссаферн уже испытал подобное унижение:[156] Лиха уже не было в живых, чтобы поддержать его притязания: и мы не слышим, чтобы он добился какого-либо результата от жалоб своего посла Гаулита в Спарте. В этих обстоятельствах он начал опасаться, что навлек на себя тяжесть вражды, которая может оказаться серьезно вредной, и он не был без ревности к популярности и возможному успеху Фарнабаза. Иллюзия относительно финикийского флота, теперь, когда Миндар открыто порвал с ним и покинул Милет, больше не могла служить полезной цели. Соответственно, он отпустил финикийский флот домой, приговаривая, что получил известия о том, что финикийские города подвергаются опасности внезапных нападений со стороны Аравии и Египта:[157] в то время как он сам покинул Аспенд, чтобы вновь посетить Ионию, а также отправиться к Геллеспонту, с целью возобновить личное общение с недовольными пелопоннесцами. Он хотел, пытаясь снова[стр. 115] оправдать свое собственное вероломство относительно финикийского флота, одновременно протестовать против их недавних действий в Антандре; или, по крайней мере, получить некоторые гарантии против повторения такой враждебности. Его визит в Ионию, однако, занял некоторое время, и он попытался примирить ионийских греков великолепной жертвой Артемиде в Эфесе.[158] Покинув Аспенд, насколько мы можем понять, около начала августа[стр. 116] (411 г. до н. э.), он не достиг Геллеспонта до ноября.[159]

Как только финикийский флот исчез, Алкивиад вернулся со своими тринадцатью триерами из Фазелиса на Самос. Он тоже, подобно Тиссаферну, использовал это событие для собственного обмана: он приписал себе заслугу перед своими соотечественниками за то, что еще сильнее заручился благосклонностью сатрапа к делу Афин и убедил его отказаться от намерения привести финикийский флот.[160] В это время Дорией находился на Родосе с тринадцатью триерами, будучи отправленным Миндаром, перед своим отъездом из Милета, чтобы подавить рост проафинской партии на острове. Возможно, присутствие этих сил угрожало афинским интересам на Косе и в Галикарнассе; ибо теперь мы видим, как Алкивиад отправляется туда с Самоса с девятью новыми триерами в дополнение к своим тринадцати. Он возвел укрепления в городе Кос и разместил там афинского офицера и гарнизон; с Галикарнасса он собрал большие взносы; под каким предлогом, или просто из-за нехватки денег, мы не знаем. Это было около середины сентября, когда он вернулся на Самос.[161]

У Геллеспонта Миндар получил подкрепление после битвы при Киносеме от эскадры из Эвбеи, по крайней мере от той её части, которая избежала бури у горы Афон. Уход пелопоннесского флота из Эвбеи позволил афинянам также отправить еще несколько кораблей к своему флоту в Сестосе. Таким образом, расположившись по разные стороны пролива, два флота вступили во второе сражение, в котором пелопоннесцы под командованием Агесандрида имели преимущество; но с малым результатом. Это было около октября, когда Дорией со своими четырнадцатью триерами прибыл с Родоса, чтобы вновь присоединиться к Миндару у[стр. 117] Геллеспонта. Он, вероятно, надеялся пройти пролив до Абидоса ночью, но был застигнут дневным светом недалеко от входа, у Ройтия; и афинские дозорные немедленно подали сигнал о его приближении. Двадцать афинских триер были отправлены атаковать его; тогда Дорией бежал и попытался спастись, вытащив свое судно на берег в отступающем заливе у Дардана. Афинская эскадра атаковала его там, но была отбита и вынуждена отплыть обратно в Мадит. Миндар сам был свидетелем этой сцены издалека; он приносил жертву Афине на почитаемом холме Илиона. Он немедленно поспешил в Абидос, где снарядил весь свой флот из восьмидесяти четырех триер, Фарнабаз сотрудничал на берегу со своим сухопутным войском. Спасши корабли Дории, его следующей заботой было противостоять всему афинскому флоту, который вскоре прибыл атаковать его под командованием Фрасибула и Фрасилла. Между двумя флотами завязалось упорное морское сражение, которое длилось почти весь день с неясным исхо-

дом; наконец, ближе к вечеру, были замечены двадцать свежих триер. Они оказались эскадрой Алкивиада, плывущей с Самоса: вероятно, услышав о воссоединении эскадры Дориея с основным пелопоннесским флотом, он прибыл со своим уравнивающим подкреплением.[162] Как только его пурпурный флаг или сигнал был опознан, афинский флот оживился с удвоенным духом. Новоприбывшие помогли им так энергично нажать на действие, что пелопоннесский флот был отброшен к Абидосу и там выброшен на берег. Здесь афиняне все еще продолжали свой успех и пытались отбуксировать их все. Но персидское сухопутное войско защищало их, и самого Фарнабаза видели в первых рядах сражающихся; он даже лично заходил в воду настолько, насколько могла стоять его лошадь. Основной пелопоннесский флот был таким образом спасен; однако афиняне удалились с важной победой, уведя тридцать триер в качестве призов и вернув те, которые они сами потеряли в двух предыдущих сражениях.[163]

Миндар держал свой разбитый флот бездействующим в Абидосе в течение[стр. 118] зимы, отправляя послов в Пелопоннес, а также к своим союзникам, чтобы просить подкреплений; тем временем он совместно с Фарнабазом участвовал в операциях на суше против различных афинских союзников на материке. Афинские адмиралы, со своей стороны, вместо того чтобы держать флот объединенным для развития победы, были вынуждены рассредоточить большую его часть в летучих эскадрах для сбора денег, оставив только сорок кораблей в Сестосе; в то время как Фрасилл лично отправился в Афины, чтобы объявить о победе и попросить подкреплений. В соответствии с этой просьбой были отправлены тридцать триер под командованием Ферамена; который сначала безуспешно пытался помешать строительству моста между Эвбеей и Беотией, а затем отправился в плавание по островам с целью сбора денег. Он приобрел значительную добычу, совершая набеги на враждебную территорию, а также вымогал деньги у различных сторон, либо замышлявших, либо подозреваемых в замыслах отпадения, среди зависимых от Афин. На Паросе, где олигархия, установленная Писандром в заговоре Четырехсот, все еще сохранялась, Ферамен сместил и оштрафовал людей, которые осуществляли её, установив демократию на их месте. Оттуда он отправился в Македонию, на помощь и, вероятно, во временную плату Архелаю, царю Македонии, которому он некоторое время помогал в осаде Пидны; блокируя город с моря, в то время как македоняне осаждали его с суши. Осада длилась всю зиму, и Ферамен был отозван до её завершения, чтобы присоединиться к основному афинскому флоту во Фракии: однако Архелай взял Пидну вскоре после этого и перенес город с его жителями с побережья на расстояние более двух миль вглубь суши. [164] Во всех этих действиях мы видим свидетельства той страшной нехватки денег, которая теперь толкала афинян на несправедливость, вымогательство и вмешательство в дела союзников, чего они никогда не совершали в первые годы войны.

Именно в этот период мы находим упоминание о новых внутренних волнениях на Керкире, менее, однако, запятнанных дикими зверствами, чем те, что описаны на седьмом году войны. Похоже, что олигархическая партия на острове, которая в тот момент была почти уничтожена, с тех пор набрала силу и, ободренная неудачами Афин, стала строить планы по передаче острова в руки лакедемонян. Демократические лидеры, узнав об этом заговоре, послали за афинским адмиралом Кононом в Навпакт. Он прибыл с отрядом из шестисот мессенцев, с помощью которых они схватили олигархических заговорщиков на рыночной площади, казнив нескольких и изгнав более тысячи. Размер их тревоги подтверждается тем фактом, что они освободили рабов и предоставили право гражданства иностранцам. Изгнанники, удалившись на противоположный материк, вскоре вернулись и были допущены, по попустительству партии внутри, на рыночную площадь. Произошла серьезная схватка внутри стен, которая в конце концов была улажена компромиссом и восстановлением изгнанников.[165] Мы ничего не знаем о подробностях этого компромисса, но, похоже, он был мудро составлен и добросовестно соблюдался; ибо мы ничего не слышим о Керкире до примерно тридцати пяти лет после этого периода, и остров тогда предстает перед нами в высшей степени совершенства

возделывания и процветания.[166] Без сомнения, освобождение рабов и принятие столь многих новых иностранцев в гражданство способствовали этому результату.

Тем временем Тиссаферн, завершив свои меры в Ионии, прибыл к Геллеспонту вскоре после битвы при Абидосе, кажется, около ноября 411 г. до н. э. Он стремился вернуть некоторый авторитет у пелопоннесцев, для чего вскоре представился случай. Алкивиад, тогда командовавший афинским флотом в Сестосе, пришел навестить его во всей гордости[стр. 120] победы, принеся обычные подарки; но сатрап схватил его и отправил в Сарды как пленника под стражей, утверждая, что у него есть прямые приказы Великого царя вести войну с афинянами.[167] Здесь закончились все иллюзии Алкивиада относительно мнимой возможности влиять на персидские решения. Однако эти иллюзии уже послужили своей цели, обеспечив ему возобновленное положение в афинском лагере, которое его собственная военная энергия позволила ему сохранить и оправдать.

К середине этой зимы превосходство флота Миндара в Абидосе над афинским флотом в Сестосе стало настолько велико – отчасти, как кажется, благодаря подкреплениям, полученным первым, отчасти из-за рассредоточения последнего в летучие эскадры из-за нехватки платы – что афиняне больше не осмеливались удерживать свою позицию у Геллеспонта. Они обогнули южную точку Херсонеса и встали на стоянку в Кардии, на западной стороне перешейка этого полуострова. Здесь, около начала весны, к ним вновь присоединился Алкивиад; которому удалось бежать из Сард вместе с Мантифеем, другим афинским пленником, сначала в Клазомены, а затем на Лесбос, где он собрал небольшую эскадру из пяти триер. Рассредоточенные эскадры афинского флота были теперь все вызваны для концентрации: Ферамен прибыл в Кардию из Македонии, а Фрасибул – с Фасоса; в результате чего афинский флот превзошел по численности флот Миндара. Было получено известие, что последний переместил свой флот от Геллеспонта к Кизику и теперь участвует в осаде этого места совместно с Фарнабазом и персидским сухопутным войском.

Его энергичные атаки уже фактически захватили место, когда афинские адмиралы решили атаковать его там и ухитрились сделать это неожиданно. Сначала перейдя из Кардии в Элеунт на юге Херсонеса, они ночью проплыли вверх по Геллеспонту к Проконнесу, так что их проход ускользнул от внимания пелопоннесских сторожевых кораблей в Абидосе.[стр. 121]

Отдохнув одну ночь на Проконнесе и захватив все лодки на острове, чтобы их передвижения оставались в тайне, Алкивиад предупредил собравшихся моряков, что они должны быть готовы к морскому бою, сухопутному бою и бою у стен одновременно. «У нас нет денег (сказал он), в то время как у наших врагов их много от Великого царя». Ни рвения у людей, ни изобретательности у командиров не хватало. Отряд гоплитов был высажен на материке в области Кизика, чтобы осуществить отвлекающий маневр; после чего флот был разделен на три части под командованием Алкивиада, Ферамена и Фрасибула. Первый, приблизившись к Кизику со своей единственной частью, вызвал флот Миндара и сумел заманить его мнимым бегством на расстояние от гавани; в то время как другие афинские части, с помощью туманной и дождливой погоды, неожиданно подошли, отрезали ему путь к отступлению и заставили его выбросить свои корабли на берег близлежащего материка. После доблестного и тяжелого боя, частично на кораблях, частично на берегу – в какой-то момент не сулившего афинянам успеха, несмотря на их численное превосходство, но не очень понятного в деталях и по-разному представленного нашими двумя источниками – и пелопоннесский флот на море, и силы Фарнабаза на суше были полностью разбиты. Сам Миндар был убит; и весь флот, каждая отдельная триера, был захвачен, кроме триер Сиракуз, которые были сожжены их собственными экипажами; в то время как сам Кизик сдался афинянам и согласился на большой взнос, избежав любого другого вреда. Добыча, взятая победителями, была обильной и ценной. Количество триер, таким образом захваченных или уничтоженных, дается по-разному; самая низкая оценка указывает шестьдесят, самая высокая – восемьдесят.[169]

Это важное военное действие, умело спланированное и смело осуществлённое Алкивиадом и его двумя коллегами около апреля 410 г. до н. э., существенно изменило соотношение сил между воюющими сторонами. У пелопоннесцев теперь не осталось значительного флота в Азии, хотя, вероятно, они ещё сохраняли небольшую эскадру на стоянке в Милете [с. 122]; в то время как афинский флот стал мощнее и угрожающе сильнее, чем когда-либо.

Отчаяние разгромленного войска ярко отражено в лаконичном донесении, отправленном Гиппократом, секретарём погибшего адмирала Миндара, спартанским эфорам:

«Вся слава и преимущества утрачены: Миндар убит: люди голодают: мы в отчаянном положении и не знаем, что делать [170]».

Эфоры, несомненно, слышали эту же печальную весть от нескольких свидетелей, поскольку данное донесение так и не дошло до них – оно было перехвачено и доставлено в Афины.

Настолько мрачными были их прогнозы на будущее, что спартанское посольство во главе с Эндием прибыло в Афины с предложением мира. Или, возможно, Эндию – старому другу и гостю Алкивиада, который уже бывал в Афинах в качестве посланника ранее, – на этот раз разрешили вновь прибыть в город, чтобы неофициально прощупать настроения граждан, чтобы в случае неудачи легко можно было от всего откреститься.

Примечательно, что Ксенофонт не упоминает об этом посольстве. Его молчание, хотя и не даёт нам оснований сомневаться в достоверности события (о котором сообщает Диодор, возможно, ссылаясь на Феопомпа, и которое само по себе вполне правдоподобно), всё же заставляет усомниться в том, что сами эфоры признавали факт своего участия или санкционирования этого предложения. Следует помнить, что Спарта, не говоря уже о её обязательствах перед союзниками в целом, в этот момент была связана особым соглашением с Персией и не могла заключать сепаратный мир с Афинами.

Согласно Диодору, Эндий, получив слово в афинском народном собрании, предложил афинянам заключить мир со Спартой на следующих условиях:

- Каждая сторона остаётся на своих текущих позициях;
- Гарнизоны обеих сторон выводятся;
- Происходит обмен пленными – один лакедемонянин за одного афинянина.

В своей речи Эндий подчёркивал взаимный ущерб, который обе стороны несли от продолжения войны, но утверждал, что Афины страдали гораздо сильнее и потому были больше заинтересованы в скорейшем мире. У них не было денег, в то время как у Спарты был Великий царь в качестве плательщика [с. 123]. Атика разорялась гарнизоном в Декелее, в то время как Пелопоннес оставался нетронутым. Вся мощь и влияние Афин зависели от превосходства на море, тогда как Спарта могла обойтись без него и сохранить своё господство [171].

Если верить Диодору, все наиболее разумные граждане Афин рекомендовали принять это предложение. Против выступили только демагоги и смутьяны, привыкшие разжигать пламя войны ради собственной выгоды. Особенно яростно возражал демагог Клеофон, пользовавшийся тогда большим влиянием. Он говорил о блеске недавней победы и новых перспективах успеха, которые теперь открывались перед Афинами. В результате народное собрание отвергло предложение Эндия [172].

Тем, кто писал после битвы при Эгоспотамах и захвата Афин, было легко рассуждать задним числом и повторять стандартные обвинения в адрес безумного народа, введённого в заблуждение коррумпированным демагогом. Но если отвлечься от нашего знания финального исхода войны и взглянуть на суть этого предложения (даже если считать его официальным и санкционированным) и время, в которое оно было сделано, то мы усомнимся в том, что Клеофон был глуп или, тем более, корыстен, рекомендуя его отвергнуть.

Что касается обвинения в корыстной заинтересованности в продолжении войны, я уже высказывался о Клеоне, отмечая, что подобный интерес нельзя справедливо приписывать

демагогам такого типа [173]. По своей природе они были невоинственными людьми и имели столь же высокие шансы лично проиграть от войны, как и выиграть. Это особенно верно в отношении Клеофона в последние годы войны, поскольку финансовое положение Афин было настолько тяжёлым, что все доступные средства уходили на флот и армию, почти не оставляя излишков для политических махинаций. Адмиралы, оплачивавшие моряков за счёт контрибуций за границей, возможно, могли обогащаться, но у политиков дома шансов на подобные доходы было гораздо меньше, чем в мирное время [с. 124].

Более того, даже если бы Клеофон и извлекал выгоду из продолжения войны, в случае окончательного поражения Афин он наверняка лишился бы не только всех своих доходов и положения, но и жизни.

Так что обвинение в корысти несостоятельно. Вопрос о том, был ли его совет разумным, решить сложнее.

Если рассматривать момент, когда было сделано предложение, следует помнить, что пелопоннесский флот в Азии был только что уничтожен, и само краткое донесение Гиппократы эфоров, столь ярко описывающее бедственное положение его войск, в тот момент находилось перед афинским собранием. С другой стороны, депеши афинских стратегов, возвещавшие о победе, вызвали всеобщий триумф, выразившийся в публичном благодарственном молебне в Афинах [174]. Не приходится сомневаться, что Алкивиад и его коллеги обещали значительные будущие успехи, возможно, даже возвращение большей части утраченной морской империи.

В таком настроении афинского народа и их полководцев, во многом оправданном реальным положением дел, какое предложение вносит Эндий?

По сути, он не предлагает никаких уступок. Обе стороны остаются на своих позициях, гарнизоны выводятся, пленные обмениваются. Единственное преимущество, которое Афины получили бы, приняв эти условия, – это вывод своего гарнизона из Пилоса и избавление от спартанского гарнизона в Декелее. Такой обмен был бы для них значительным плюсом. К этому можно добавить облегчение от простого прекращения войны, что, несомненно, было бы важно.

Но вопрос в том, посоветовал бы государственный деятель уровня Перикла своим согражданам удовлетвориться такими уступками сразу после великой победы при Кизике и двух меньших побед перед ней? Склонен думать, что нет. Скорее, он увидел бы в этом дипломатическую уловку, рассчитанную на то, чтобы парализовать Афины в тот момент, когда их враги были беззащитны, и выиграть время для постройки нового флота [175].

Спарта не могла ручаться ни за Персию, ни за своих пелопоннесских союзников – прошлый опыт показал, что это ей не удавалось. Таким образом, приняв предложение, Афины не получили бы реального освобождения от бремени войны, а лишь притупили бы боевой дух и связали руки своим войскам в момент, когда те чувствовали себя на гребне успеха.

Для армии и флота, а особенно для стратегов – Алкивиада, Ферамена и Фрасибула – принятие таких условий в такой момент было бы равносильно позору. Это лишило бы их завоеваний, на которые они страстно (и в тот момент небезосновательно) надеялись – завоеваний, способных вернуть Афинам их недавно утраченное величие. И это унижение было бы нанесено не только без компенсирующих выгод, но и с высокой вероятностью необходимости в ближайшем будущем удваивать усилия, когда наступит благоприятный момент для врагов.

Таким образом, если отойти от расплывчатых обвинений в адрес демагога Клеофона, якобы стоявшего между Афинами и миром, и рассмотреть конкретные условия мира, которые он убедил своих сограждан отвергнуть, окажется, что у него были очень веские, если не подавляющие, основания для такого совета.

Вопрос о том, попытался ли он использовать это само по себе неприемлемое предложение для выработки более подходящих и долговечных условий мира, остаётся открытым. Вероятно, даже если бы такие попытки были предприняты, они не увенчались бы успехом. Но государственный деятель уровня Перикла попробовал бы, понимая, что Афины ведут войну в

невыгодных условиях, которые в долгосрочной перспективе их погубят. А вот оппозиционный оратор вроде Клеофона, даже правильно оценивая текущее предложение, не заглядывал так далеко в будущее.

Тем временем афинский флот безраздельно господствовал в Пропонтиде и двух прилегающих проливах – Боспоре и Геллеспонте. Хотя рвение и щедрость Фарнабаза не только обеспечивали пропитание и одежду пострадавшим морякам разгромленного флота, но и способствовали постройке новых кораблей взамен утраченных.

Пока он вооружал моряков, выплачивал им двухмесячное жалование и размещал их вдоль побережья сатрапии в качестве гарнизонов, он также предоставил неограниченные запасы корабельного леса из богатых лесов горы Ида и помогал офицерам строить новые триеры в Антандре, близ которого, в местечке Аспан, в основном заготавливалась идайская древесина [176].

Осуществив эти приготовления, Фарнабаз направился на помощь Халкедону, который афиняне уже начали атаковать.

Первым их действием после победы был поход на Перинф и Селимбрию, ранее отпавшие от Афин. Перинф, напуганный недавними событиями, сдался и вновь перешёл на сторону Афин. Селимбрия отказалась подчиниться, но откупилась от нападения, заплатив денежный штраф. Затем Алкивиад повёл флот к Халкедону, расположенному напротив Византия на южном азиатском берегу Боспора.

Контроль над этими двумя проливами – Боспором и Геллеспонтом – имел для Афин первостепенное значение. Во-первых, это обеспечивало беспрепятственный проход хлебных кораблей из Понта для снабжения города. Во-вторых, это позволяло взимать пошлину с торговых судов, проходящих через проливы, подобно датским звуковым пошлинам, существовавшим вплоть до наших дней. По тем же причинам эти позиции были столь же важны для врагов Афин.

До весны предыдущего года Афины безраздельно владели обоими проливами. Но восстание Абидоса в Геллеспонте (примерно в апреле 411 г. до н. э.) и Византия с Халкедоном в Боспоре (примерно в июне 411 г. до н. э.) лишили их этого превосходства. В последние месяцы снабжение могло осуществляться лишь в те периоды, когда афинские флоты имели перевес и могли обеспечить сопровождение. Вероятно, поставки зерна из Понта осенью 411 г. до н. э. были значительно ограничены [с. 127].

Хотя сам Халкедон, поддерживаемый Фарнабазом, ещё держался, Алкивиад занял его незащищённый порт – Хрисополь, расположенный на восточном берегу Боспора напротив Византия. Он укрепил это место, разместил там эскадру с постоянным гарнизоном и превратил его в таможенный пункт для сбора пошлины со всех судов, выходящих из Понта [177].

Афиняне, по-видимому, традиционно взимали эту пошлину в Византии до его отпадения как часть своих постоянных доходов. Теперь она была восстановлена стараниями Алкивиада. Поскольку пошлина на суда, доставлявшие товары для продажи и потребления в Афинах, в конечном итоге оплачивалась афинскими гражданами и метеками в виде повышенных цен, тридцать триер под командованием Ферамена остались в Хрисополисе для обеспечения сбора, сопровождения дружественных торговых судов и прочих действий против врага.

Остальной флот направился частично в Геллеспонт, частично во Фракию, где ослабление спартанского морского присутствия уже сказывалось на верности городов. Особенно на Фасосе [178] граждане во главе с Экфантом изгнали спартанского гармоста Этеоника с его гарнизоном и приняли Фрасибула с афинским отрядом.

Напомним, что это был один из городов, где Писандр и Четыреста заговорщиков (в начале 411 г. до н. э.) свергли демократию и установили олигархическое правление, утверждая, что союзные города станут верны Афинам, как только те избавятся от демократических институтов. Все расчёты этих олигархов провалились, как и предсказывал Фриних с самого начала.

Фасосцы, как только их собственная олигархическая партия пришла к власти, вернули своих недовольных изгнанников [179], при содействии которых позже был введён лаконский гарнизон и гармост.

Этеоник, теперь изгнанный, обвинил спартанского адмирала Пасиппида в том, что тот сам участвовал в изгнании, получив взятку от Тиссаферна. Обвинение маловероятное, но спартанцы ему поверили и изгнали Пасиппида, назначив вместо него Кратесиппида. Новый адмирал обнаружил на Хиосе небольшой флот, который Пасиппид уже начал собирать у союзников, чтобы восполнить недавние потери [180].

Настроение в Афинах после недавних морских побед стало более оптимистичным и энергичным. Агис, несмотря на то что афиняне не могли помешать его гарнизону в Декелее опустошать Аттику, однажды, приблизившись к городским стенам, был отброшен с решительностью и успехом Фрасиллом. Но больше всего лакедемонского царя огорчало то, что с его возвышенной позиции в Декелее он видел, как осенью 410 г. до н.э., после захвата Алквиадом Боспора и Геллеспонта, в Пирей вновь начали прибывать многочисленные хлебные корабли с Понта. Для безопасного приёма этих судов вскоре был укреплён Торик. Агис воскликнул, что бессмысленно лишать афинян урожая Аттики, если им доставляют обильный импортный хлеб. Поэтому он совместно с мегарцами снарядил небольшую эскадру из пятнадцати триер и отправил на ней Клеарха в Византий и Халкедон. Этот спартанец был гостем византийцев и ранее уже был выбран для командования вспомогательными силами, предназначенными для этого города. Похоже, он начал плавание следующей зимой (410–409 гг. до н.э.) и благополучно достиг Византии, хотя три корабля из его эскадры были уничтожены девятью афинскими триерами, охранявшими Геллеспонт.[181] [стр. 129]

Следующей весной Фрасилл был отправлен из Афин во главе большого нового войска для действий в Ионии. Он командовал пятьюдесятью триерами, тысячей гоплитов, сотней всадников и пятью тысячами моряков, которых можно было вооружить как пельтастов; также у него были транспортные суда для войск помимо триер.[182] Дав своему войску три дня отдыха на Самосе, он высадился у Пигелы, а затем успешно овладел Колофоном с его гаванью Нотием. После этого он угрожал Эфесу, но тот был защищён значительными силами, собранными Тиссаферном под лозунгом «идти на помощь богине Артемиде», а также двадцатью пятью свежими сиракузскими и двумя селинунтскими триерами, недавно прибывшими.[183] В битве под Эфесом Фрасилл потерпел тяжёлое поражение от этих врагов, потерял триста человек и был вынужден отплыть в Нотий; оттуда, похоронив павших, он двинулся на север к Геллеспонту. По пути, остановившись на время в Метимне на севере Лесбоса, Фрасилл увидел двадцать пять сиракузских триер, проплывавших мимо по пути из Эфеса в Абидос. Он немедленно атаковал их, захватил четыре вместе со всем экипажем и отогнал остальных обратно к их стоянке в Эфесе. Все пленные были отправлены в Афины и помещены под стражу в каменоломни Пирея – несомненно, в отместку за обращение с афинскими пленными в Сиракузах. Однако следующей зимой им удалось прорыть выход и бежать в Декелею. Среди пленных оказался Алквиад, афинянин, двоюродный брат и товарищ по изгнанию афинского стратега того же имени; Фрасилл приказал отпустить его, тогда как остальных отправили в Афины.[184]

После задержки, вызванной этим преследованием, он вернул своё войско к Геллеспонту и соединился с силами Алквиада в Сесте. Их объединённые силы, вероятно, в начале осени, были переправлены на азиатский берег пролива в Лампсак, который они укрепили и сделали своей штаб-квартирой на осень и зиму, поддерживая себя грабительскими набегами на соседнюю сатрапию Фарнабаза. Однако любопытно, что когда Алквиад попытался построить всех вместе – гоплитов, по афинскому обычаю, выстроившихся по филам, – его собственные солдаты, ещё не знавшие поражений, отказались сражаться бок о бок с воинами Фрасилла, недавно разбитыми под Эфесом. Это отчуждение исчезло лишь после совместного похода на Абидос: Фарнабаз, явившийся с большим войском, особенно конницей, чтобы помочь городу, был

встречен и разбит в битве, в которой участвовали все присутствовавшие афиняне. После этого честь гоплитов Фрасилла была восстановлена, и объединение рядов произошло без дальнейших трудностей.[185] Однако даже всё войско не смогло взять Абидос, который пелопоннесцы и Фарнабаз удерживали как свою базу на Геллеспонте.

Тем временем Афины настолько ослабили себя, отправив крупные силы с Фрасиллом, что их ближайшие враги активизировались. Спартанцы снарядили экспедицию, включавшую как триеры, так и сухопутные войска, для атаки Пилоса, который оставался афинским форпостом и убежищем для восставших илотов со времён его первоначального укрепления Демосфеном в 425 г. до н.э. Город подвергся яростной атаке с моря и суши и вскоре оказался в тяжёлом положении. Афиняне, помня о его бедствии, отправили на помощь тридцать триер под командованием Анита, но тот вернулся, даже не достигнув места, так как штормовая погода или неблагоприятные ветра помешали ему обогнуть мыс Малей. Вскоре после этого[стр. 131] Пилос был вынужден сдаться, и гарнизон покинул его на условиях капитуляции.[186] Однако Анит по возвращении столкнулся с недовольством сограждан и был предан суду за то, что якобы предал доверие или не сделал всего возможного для выполнения возложенной на него задачи. Говорят, он избежал осуждения лишь благодаря подкупу дикастерия и стал первым афинянином, оправданным благодаря коррупции.[187] Мог ли он действительно достичь Пилоса, и были ли препятствия, с которыми он столкнулся, непреодолимыми, мы не можем судить; тем более – правда ли, что он спасся подкупом. Однако эта история, видимо, доказывает, что афинская публика считала его виновным и была настолько удивлена оправданием, что объяснила его использованием средств, ранее не применявшихся.

Примерно в то же время мегарцы неожиданно отбили свою гавань Нисею, которую афиняне удерживали с 424 г. до н.э. Афиняне попытались вернуть её, но потерпели неудачу, хотя и разбили мегарцев в сражении.[188]

Летом 409 г. до н.э. Фрасилл, а затем и объединённые силы Фрасилла и Алквиада осенью того же года добились меньшего, чем можно было ожидать от такой крупной армии: по-видимому, именно в этот период лакедемонянин Клеарх с пятнадцатью мегарскими кораблями прорвался через Геллеспонт к Византию, обнаружив, что его охраняют лишь девять афинских триер.[189] Однако операции 408 г. до н.э. оказались более значительными. Все силы под командованием Алквиада и других стратегов были собраны для осады Халкедона и Византия. Халкедонцы, предупреждённые о планах афинян, отправили своё движимое имущество на хранение к соседям-битинийским фракийцам – примечательное свидетельство добрых отношений между ними, резко контрастирующее с постоянной враждой по другую сторону Боспора между Византием и соседними фракийскими племенами.[190] Однако эта мера была сорвана Алквиадом, который вторгся на территорию битинийцев и угрозами заставил их выдать доверенное имущество. Затем он приступил к блокаде Халкедона, построив деревянную стену от Боспора до Пропонтиды, хотя её непрерывность прерывалась рекой и, по-видимому, неровной местностью у её берегов. Когда стена была уже завершена, появился Фарнабаз с армией для помощи городу и продвинулся до Гераклеона – храма Геракла, принадлежавшего халкедонцам. Воспользовавшись его приближением, Гиппократ, лакедемонский гармоист в городе, предпринял яростную вылазку. Однако афиняне отразили все попытки Фарнабаза прорваться через их линии и соединиться с ним, так что после упорного боя атакующие были отброшены обратно в город, а сам Гиппократ погиб.[191]

Блокада города стала настолько плотной, что Алквиад с частью войска отправился собирать деньги и силы для последующей осады Византия. В его отсутствие Ферамен и Фрасибул договорились с Фарнабазом о капитуляции Халкедона. Было решено, что город снова станет данником Афин, выплачивая прежний размер дани, а также возместит задолженность за прошедший период. Кроме того, сам Фарнабаз обязался заплатить афинянам двадцать талантов от имени города, а также сопроводить афинских послов в Сузы, чтобы те представили предложе-

ния о примирении Великому царю. До возвращения этих послов афиняне обязались не вести военных действий против сатрапии Фарнабаза.[192] Клятвы в подтверждение этого были взаимно принесены после возвращения Алквиада из похода. Фарнабаз категорически отказался завершить ратификацию с другими стратегами, пока лично не поклянётся и Алквиад – доказательство как его огромного личного влияния, так и известной склонности находить предлоги для уклонения от соглашений. Соответственно, Фарнабаз отправил двух послов в Хрисополь, чтобы принять клятву Алквиада, а два родственника Алквиада прибыли в Халкедон как свидетели клятвы сатрапа. Помимо общей клятвы с коллегами, Алквиад заключил с Фарнабазом личный договор о дружбе и гостеприимстве.

Алквиад провёл время в отсутствии, захватив Селимбрию, где добыл денег, и собрав большой отряд фракийцев, с которыми двинулся по суше к Византию. Этот город был осаждён сразу после капитуляции Халкедона объединёнными афинскими силами. Вокруг него возвели стену и неоднократно атаковали метательными снарядами и таранами. Однако лакедемонский гарнизон под командованием гармоста Клеарха, усиленный мегарцами Геликса и беотийцами Кератада, успешно отражал эти атаки. Но с голодом справиться было сложнее. После продолжительной блокады запасы продовольствия начали иссякать; Клеарх, и без того суровый, стал совершенно беспощадным, заботясь лишь о пропитании своих солдат, и даже запер оставшиеся припасы, пока горожане умирали от голода. Понимая, что единственная надежда – на внешнюю помощь, он покинул город, чтобы просить поддержки у Фарнабаза и, если возможно, собрать флот для отвлекающей операции. Оборону он оставил Кератаду и Геликсу, будучи уверен, что византийцы слишком скомпрометированы своим отпадением от Афин, чтобы переметнуться, несмотря на страдания. Однако благоприятные условия, недавно предложенные Халкедону, наряду с усиливающимся голодом, побудили Килона и византийскую партию ночью открыть ворота и впустить Алквиада с афинянами на просторную центральную площадь – Фракион. Геликс и Кератад, узнавшие о нападении лишь когда враги уже окружили город, тщетно пытались сопротивляться и были вынуждены сдаться на милость победителя. Их отправили пленниками в Афины, где Кератад сумел бежать во время суматохи высадки в Пирее. Городу были предложены мягкие условия: он вернулся в положение зависимого союзника Афин и, вероятно, должен был выплатить задолженность по дани, как и Халкедон.[193]

Осады в древности были столь медленными, что взятие Халкедона и Византия заняло почти весь год; последний сдался примерно в начале зимы. [194] Оба города имели для Афин огромное значение, вновь сделав их полновластными хозяевами Боспора и обеспечив двух ценных союзников-данников. Но это было не единственное улучшение их положения за лето. Достигнутая договорённость с Фарнабазом также представляла большую ценность и сулила ещё большее. Было очевидно, что сатрап устал нести основную тяжесть войны ради выгоды пелопоннесцев и готов помочь афинянам в переговорах с Великим царём. Даже простое прекращение его активной поддержки Спарты, не говоря уже о других последствиях, было крайне важно для Афин – и это было достигнуто. После осады Халкедона послам – пяти афинянам и двум аргосцам (все, вероятно, присланным из Афин, что объясняет задержку) – было приказано встретиться с Фарнабазом в Кизике. Некоторые лакедемонские послы и даже сиракузянин Гермократ, осуждённый и изгнанный на родине, воспользовались тем же сопровождением, и все отправились в Сузы. Их путь был прерван суровой зимой в Гордии во Фригии, и именно там, двигаясь весной вглубь страны, они встретили молодого принца Кира, сына царя Дария, лично направлявшегося управлять важной частью Малой Азии. С ним же спускались лакедемонские послы Бойотий и другие, завершившие свою миссию при персидском дворе. [195]

Глава LXIV. ОТ ПРИБЫТИЯ КИРА МЛАДШЕГО В МАЛУЮ АЗИЮ ДО БИТВЫ ПРИ АРГИНУСАХ.

Появление Кира, известного как Кир Младший, в Малой Азии стало событием величайшей важности, открывшим последнюю фазу Пелопоннесской войны.

Он был младшим из двух сыновей персидского царя Дария II Нотуса и жестокой царицы Парисатиды. Теперь отец отправил его сатрапом Лидии, Великой Фригии и Каппадокии, а также командующим всей военной округой, сборным пунктом которой был Кастол. На тот момент [стр. 136] его власть не распространялась на греческие города побережья, которые оставались под управлением Тиссаферна и Фарнабаза.[196] Однако он привез с собой глубокий интерес к греческой войне и сильные антиафинские настроения, имея полномочия от отца действовать в этом направлении.

Этот молодой человек обладал железной волей; его физическая активность, превосходившая соблазны чувственных удовольствий, которые часто расслабляли персидскую знать, вызывала восхищение даже у спартанцев.[197] Его энергичный характер сочетался с немалыми способностями. Хотя он еще не задумывал тот продуманный план захвата персидского трона, который позже поглотит все его мысли и едва не увенчается успехом благодаря помощи десяти тысяч греков, но, похоже, с самого начала он мыслил себя будущим царем, а не сатрапом.

Он прибыл, прекрасно осознавая, что Афины были главным врагом, унизившим гордость персидских царей, оттеснившим островных греков от моря и фактически освободившим прибрежных греков в течение последних шестидесяти лет. Поэтому он привез с собой твердое желание сокрушить афинскую мощь, что резко отличалось от коварных игр Тиссаферна и было гораздо опаснее даже откровенной враждебности Фарнабаза, у которого было меньше денег, меньше влияния при дворе и меньше юношеского пыла.

Более того, Фарнабаз, после трех лет искренней поддержки пелопоннессцев, теперь устал от союзников, которых так долго содержал. Вместо того чтобы легко изгнать афинское влияние со своих берегов, как он ожидал, он обнаружил свою сатрапию разоренной, доходы сокращенными или поглощенными, а афинский флот, господствующий в Пропонтиде и Геллеспонте. Между тем спартанский флот, на приглашение которого он потратил столько усилий, был уничтожен. Разочаровавшись в пелопоннесском деле, он даже начал склоняться к Афинам, и послы, которых он сопровождал в Сузы, возможно, заложили бы основы новой персидской политики в Малой Азии, если бы прибытие Кира [стр. 137] на побережье не разрушило все эти расчеты.

Молодой принц привез с собой свежую, горячую, юношескую ненависть к Афинам, власть, уступавшую лишь власти самого Великого Царя, и решимость использовать ее без остатка для обеспечения победы пелопоннессцам.

С момента встречи Фарнабаза и афинских послов с Киром их дальнейшее продвижение к Сузам стало невозможным. Беотий и другие спартанские послы, сопровождавшие молодого принца, хвастались, что добились всего, чего просили в Сузах, а сам Кир объявил, что его полномочия неограниченны и распространяются на все побережье, чтобы вести активную войну совместно со спартанцами. Услышав это и увидев печать Великого Царя на словах: «Я посылаю Кира как владыку всех, кто собирается в Кастоле», Фарнабаз не только отказался пропустить афинских послов дальше, но и был вынужден подчиниться приказу молодого принца, который требовал либо выдать их ему, либо хотя бы задержать на некоторое время во внутренних районах, чтобы информация не дошла до Афин. Сатрап воспротивился первому требованию, дав слово за их безопасность, но выполнил второе, продержав их в Каппадокии целых

три года, пока Афины не оказались на грани капитуляции, после чего получил разрешение от Кира отправить их обратно к побережью.[198]

Прибытие Кира, перечеркнувшее коварство Тиссаферна и усталость Фарнабаза и обеспечившее врагов Афин двойным потоком персидского золота в момент, когда тот поток мог иссякнуть, стало решающим фактором в совокупности причин, определивших исход войны. [199] Но как бы важно ни было это событие само по себе, его значение еще больше возросло благодаря характеру спартанского адмирала Лисандра, с которым молодой принц впервые встретился по прибытии в Сарды.

Лисандр прибыл, чтобы сменить Кратесиппида, около декабря 408 г. до н.э. или января 407 г. до н.э.[200] Он стал последним после Брасида и Гилиппа в тройке выдающихся спартанцев, нанесших Афинам самые тяжелые удары в ходе этой долгой войны. Он родился в бедной семье и, как говорят, даже принадлежал к классу мофаков, будучи в состоянии поддерживать свой вклад в общественные трапезы и место в постоянных тренировках только благодаря помощи богатых людей. Он был не только превосходным командиром,[201] полностью компетентным в военных делах, но также обладал большим талантом к интригам, организации политических партий и поддержанию их дисциплины. Хотя он был равнодушен к соблазнам денег и удовольствий,[202] и добровольно смирялся с бедностью, в которой родился, он был совершенно беспринципен в достижении амбициозных целей, будь то интересы страны или его собственные.

Его семья, несмотря на бедность, пользовалась уважением в Спарте, принадлежа к роду Гераклидов, не связанному близким родством с царями. Более того, его личная репутация как спартанца была безупречной, поскольку он строго и образцово соблюдал дисциплинарные правила. Привычка к самоограничению, которую он таким образом приобрел, хорошо послужила ему, когда для достижения честолюбивых целей потребовалось завоевать расположение сильных мира сего.

Его безразличие ко лжи и клятвопреступлениям иллюстрируется различными приписываемыми ему изречениями, такими как: «Детей можно обмануть с помощью игровых костей, а мужчин – с помощью клятв».[203] Эгоистичное честолюбие – стремление увеличить могущество своей страны не просто в связи с собственным, но и в подчинении ему – направляло его от начала до конца карьеры. В этом главном качестве он был схож с Алкивиадом; в безрассудной аморальности средств он даже превзошел его. Кажется, он был жестоким, что не входило в обычный характер Алкивиада. С другой стороны, любовь к личным удовольствиям, роскоши и показухе, которая так много значила для Алкивиада, была совершенно чужда Лисандру.

Основой его натуры была спартанская сущность, стремящаяся подчинить аппетиты, тщеславие и широту ума одной лишь любви к власти и влиянию, а не афинская, склонная к развитию множества разнообразных импульсов, среди которых честолюбие было лишь одним из многих.

Кратесиппид, предшественник Лисандра, по-видимому, занимал морскую должность дольше обычного годовичного срока, сменив Пасиппида в середине его года. Но морская мощь Спарты в то время была настолько слаба, еще не оправившись от сокрушительного поражения при Кизике, что он не достиг почти ничего. Мы слышим о нем только как о человеке, способствовавшем, ради собственной выгоды, политическому перевороту на Хиосе. Подкупленный группой хиосских изгнанников, он захватил акрополь, вернул их на остров и помог им свергнуть и изгнать правящую партию численностью шестьсот человек. Очевидно, что это был конфликт не между демократией и олигархией, а между двумя олигархическими группировками, одна из которых сумела подкупить спартанского адмирала для своих целей.

Изгнанники, которых он изгнал, заняли Атарней, укрепленный пункт хиосцев на материке напротив Лесбоса. Оттуда они, как могли, вели войну против своих противников, теперь

правлящих на острове, а также против других частей Ионии, добившись некоторого успеха и выгоды, как будет видно из их положения примерно десять лет спустя.[204]

Практика реорганизации правительств азиатских городов, начатая Кратесиппидом, была расширена и систематизирована Лисандром – не ради личной выгоды, которую он всегда презирал, а из честолюбивых соображений. Покинув Пелопоннес с эскадрой, он усилил ее на Родосе, а затем отплыл к Косу (афинскому острову, так что он мог лишь ненадолго остановиться там) и Милету. Он окончательно разместился в Эфесе, ближайшем пункте к Сардам, куда должен был прибыть Кир, и, ожидая его появления, увеличил свой флот до семидесяти триер.

Как только Кир прибыл в Сарды около апреля или мая 407 г. до н.э., Лисандр отправился нанести ему визит вместе со спартанскими послами и был встречен с величайшим расположением. Горько жалуясь на двуличность Тиссаферна – которого они обвиняли в том, что он саботировал приказы царя и пожертвовал интересами империи, поддавшись влиянию Алкивиада, – они умоляли Кира принять новую политику и, выполняя условия договора, оказать самую активную помощь в подавлении общего врага.

Кир ответил, что это были прямые приказы, полученные им от отца, и что он готов выполнить их со всей решимостью. Он привез с собой, сказал он, пятьсот талантов, которые будут немедленно направлены на это дело; если их окажется недостаточно, он обратится к личным средствам, данным ему отцом; а если потребуется еще больше, он переплавит на деньги золотой и серебряный трон, на котором сидит.[205]

Лисандр и послы горячо поблагодарили за эти великолепные обещания, которые вряд ли могли оказаться пустыми словами из уст такого пылкого юноши, как Кир. Их надежды, возбужденные его характером и заявленными намерениями, были настолько велики, что они осмелились попросить его восстановить ставку жалованья в одну полную аттическую драхму на человека для моряков – ставку, которую Тиссаферн обещал через своих послов в Спарте, когда впервые пригласил спартанцев за Эгейское море, и когда было сомнительно, придут ли они, но фактически выплачивал только в течение первого месяца, а затем сократил до половины драхмы, выдавая ее с жалкой нерегулярностью.

В качестве мотива для увеличения жалованья Киру заверили, что это вызовет массовое дезертирство афинских моряков, что ускорит окончание войны и, следовательно, сократит расходы. Но он отказался, заявив, что ставка жалованья была установлена как прямым приказом царя, так и условиями договора, и поэтому он не может ее изменить.[206] Лисандру пришлось с этим согласиться.

Послов приняли с почетом и устроили в их честь пир; после чего Кир, выпив за здоровье Лисандра, попросил его назвать, какую милость он мог бы оказать ему в наибольшей степени. «Увеличить жалованье морякам на один обол на человека», – ответил Лисандр. Кир немедленно согласился, поскольку сам поставил вопрос таким образом, что был лично обязан. Но ответ поразил его и вызвал восхищение, поскольку он ожидал, что Лисандр попросит какую-нибудь милость или подарок для себя, судя по аналогии с большинством персов, а также Астиохом и офицерами пелопоннесского войска в Милете, чья коррумпированная угодливость Тиссаферну, вероятно, была ему известна.

На фоне такой коррупции, а также презрительного безразличия Ферамена к условиям моряков,[207] поведение Лисандра выделялось резким и благородным контрастом.

Описанный эпизод не только обеспечил морякам пелопоннесского флота ежедневное жалованье в четыре оболы вместо трех, но и завоевал для самого Лисандра такую степень уважения и доверия со стороны Кира, которую он хорошо умел обратить в свою пользу.

Я уже отмечал,[208] ссылаясь на Перикла и Никию, что установившаяся репутация личной неподкупности, редкая среди греческих ведущих политиков, была одним из самых ценных активов в капитале честолюбивого человека, даже если рассматривать ее только с точки зрения

прочности его собственного влияния. Если доказательства такой бескорыстности имели большую ценность в глазах афинского народа, то еще сильнее они подействовали на Кира.

С его персидскими и княжескими представлениями о привлечении сторонников щедростью,[209] человек, презиравший подарки, был явлением, вызывавшим более высокое чувство удивления и уважения. С этого момента он не только доверял Лисандру в финансовых вопросах безоговорочно, но и советовался с ним относительно ведения войны, а даже снизошел до потакания его личным амбициям в ущерб этой цели.[210]

Вернувшись из Сард в Эфес после такого беспрецедентного успеха в переговорах с Киром, Лисандр смог не только полностью выплатить задолженность по жалованью флоту, но и авансировать его на месяц по увеличенной ставке в четыре обола на человека, пообещав и впредь такую же высокую ставку. В войске царили величайшее удовлетворение и уверенность.

Но корабли были в плохом состоянии, будучи поспешно и скупо собранными после недавнего поражения при Кизике. Поэтому Лисандр использовал свое нынешнее благополучие, чтобы привести их в лучший порядок, закупить более полное снаряжение и нанять отборные экипажи.[211]

Он предпринял еще один шаг, чреватый важными последствиями. Созвав в Эфес нескольких самых влиятельных и активных людей из каждого азиатского города, он организовал их в дисциплинированные клубы или фракции, связанные с ним самим. Он подстрекал эти клубы к активной войне против Афин, обещая, что, как только война закончится, они будут поставлены и поддержаны спартанским влиянием у власти в своих городах.[212]

Его недавно установленное влияние на Кира и обильные поставки, которыми он теперь распоряжался, удвоили силу этого предложения, и без того слишком соблазнительного. Таким образом, вдохновляя эти города на более активные совместные военные усилия, он одновременно создал для себя повсеместную сеть связей, которой ни один преемник не мог бы управлять, что делало продолжение его собственного командования почти необходимым для успеха. Плоды его интриг проявятся в последующих декадах, или олигархиях Десяти, после полного подчинения Афин.

Пока Лисандр и Кир восстанавливали боеспособность своей стороны летом 407 г. до н.э., победоносный изгнанник Алкивиад совершил важный и деликатный шаг, впервые вернувшись в родной город.

Согласно соглашению с Фарнабазом, заключенному после взятия Халкедона, афинскому флоту было запрещено нападать на его сатрапию, и поэтому пришлось искать пропитание в других местах. Византий и Селимбрия, а также подати, собранные во Фракии, содержали их зимой; весной (407 г. до н.э.) Алкивиад снова привел их на Самос, откуда предпринял экспедицию против побережья Кари, собрав сто талантов.

Фрасибул с тридцатью триерами отправился напасть на Фракию, где захватил Фасос, Абдеры и все те города, которые отпали от Афин; Фасос в то время особенно страдал от голода и прошлых междоусобиц. Ценной добычей для содержания флота, несомненно, стали плоды этого успеха.

Фрасилл в то же время повел другую часть армии домой в Афины, предназначенную Алкивиадом в качестве предвестника его собственного возвращения.[213]

Прежде чем Фрасилл прибыл, народ уже проявил свое благосклонное отношение к Алкивиаду, вновь избрав его стратегом наряду с Фрасибулом и Кононом.

Теперь Алкивиад направлялся домой с Самоса с двадцатью триерами, везя все недавно собранные средства; сначала он остановился на Паросе, затем посетил побережье Лаконии и, наконец, заглянул в гавань Гитея в Лаконии, где, как он узнал, готовились тридцать триер.

Известия о его переизбрании стратегом, подкрепленные настоятельными приглашениями и ободрениями друзей, а также отзывом его изгнанных родственников, наконец убедили его отплыть в Афины.

Он прибыл в Пирей в знаменательный день, праздник Плинтерий, 25-го числа месяца таргелиона, около конца мая 407 г. до н.э. Это был день мрачной торжественности, считавшийся неблагоприятным для каких-либо важных действий. Статую богини Афины лишали всех украшений, скрывали от взоров [стр. 145] и омывали или очищали в ходе таинственного обряда, проводимого священным родом Праксигридов.

Богиня, казалось, отворачивала лицо и отказывалась смотреть на возвращающегося изгнанника. По крайней мере, так толковали его враги; и поскольку последующий ход событий, казалось, подтверждал их правоту, это толкование сохранилось, тогда как более благоприятное объяснение, несомненно предложенное его друзьями, было забыто.

Самые экстравагантные описания помпы и великолепия этого возвращения Алкивиада в Афины дали некоторые античные авторы, особенно Дурис с Самоса, писатель, живший примерно двумя поколениями позже.

Говорили, что он привез с собой двести носовых украшений с захваченных вражеских кораблей или, по некоторым данным, даже двести самих захваченных кораблей; что его триера была украшена позолоченными и посеребренными щитами и плыла под пурпурными парусами; что Каллипид, один из самых выдающихся актеров того времени, выполнял функции келевста, подавая ритм гребцам; что Хрисогон, флейтист, завоевавший первый приз на Пифийских играх, также был на борту, играя мелодию возвращения.[214]

Все эти детали, придуманные с печальной легкостью, чтобы проиллюстрировать идеал показухи и наглости, опровергаются более простым и правдоподобным рассказом Ксенофонта. Возвращение Алкивиада было не только скромным, но даже подозрительным и опасливым.

С ним было всего двадцать триер; и хотя его ободряли не только заверения друзей, но и известия о том, что он только что переизбран стратегом, он все же боялся сойти на берег даже в тот момент, когда его корабль причалил к пирсу в Пирее.

Огромная толпа собралась там из города и порта, движимая любопытством, интересом и другими эмоциями, чтобы увидеть его прибытие. Но он так мало доверял их настроениям, что сначала колебался сойти на берег и стоял на палубе, высматривая друзей и родственников.

Вскоре он увидел своего кузена Евриптолема и других, которые сердечно приветствовали его, и в их окружении сошел на берег. Но они тоже так опасались его многочисленных врагов, что образовали нечто вроде телохранителей, чтобы окружить и защитить его от возможного нападения во время марша из Пирея в Афины.[215]

Однако защита не понадобилась. Не только его враги не предприняли никакого насилия против него, но они даже не возражали, когда он выступал с защитой перед советом и народным собранием.

Он заявлял перед тем и другим о своей невинности в нечестии, в котором его обвиняли, горько осуждал несправедливость врагов и мягко, но трогательно сокрушался о недоброжелательности народа. Его друзья все горячо говорили в том же духе.

Настроение в его пользу как в совете, так и в народном собрании было настолько сильным и единодушным, что никто не осмелился выступить против.[216] Приговор, вынесенный против него, был отменен; Эвмолпидам было приказано снять проклятие, которое они наложили на его голову; запись приговора была уничтожена, а свинцовая пластина, на которой было выгравировано проклятие, брошена в море; его конфискованное имущество было возвращено; наконец, он был провозглашен стратегом с полномочиями и получил разрешение подготовить экспедицию из ста триер, тысячи пятисот гоплитов из регулярного списка и ста пятидесяти всадников.

Все это прошло при единогласном голосовании, среди молчания врагов и ликования друзей, среди безмерных обещаний будущих достижений от него самого и уверенных заверений его друзей, убеждавших слушателей, что Алкивиад – единственный человек, способный восстановить империю и величие Афин.

Всеобщие ожидания, которые он и его друзья всячески старались разжечь, заключались в том, что его победоносная карьера за последние три года была подготовкой к еще большему триумфу в будущем.

Мы можем быть уверены, учитывая опасения Алкивиада при входе в Пирей и телохранителей, организованных его друзьями, что этот ошеломляющий и беспрепятственный триумф намного превзошел ожидания и того, и другого.

Он опьянил его и заставил пренебречь врагами, которых еще недавно так боялся. Эта ошибка, наряду с беспечностью и высокомерием, проистекающими из, казалось бы, безграничного превосходства, стала причиной его будущего падения.

Но правда в том, что эти враги, как бы они ни молчали, не перестали быть опасными. Алкивиад находился в изгнании восемь лет, примерно с августа 415 г. до н.э. по май 407 г. до н.э.

Отсутствие во многих отношениях было благом для его репутации, поскольку его высокомерное личное поведение оставалось незамеченным, а его нечестие частично забылось. Было даже настроение среди большинства принять его прямое отрицание фактов, в которых его обвиняли, и сосредоточиться главным образом на недостойных маневрах его врагов, сопротивлявшихся его требованию немедленного суда сразу после выдвижения обвинения, чтобы они могли клеветать на него в его отсутствие.

Его характеризовали как патриота, движимого благороднейшими мотивами, который принес государству как первоклассные способности, так и большое личное состояние, но был погублен заговором коррумпированных и никчемных ораторов, во всех отношениях уступавших ему; людей, чей единственный шанс на успех у народа заключался в изгнании тех, кто был лучше них, тогда как он, Алкивиад, далек от того, чтобы иметь какие-либо интересы, враждебные демократии, был естественным и достойным любимцем демократического народа.[217]

Таким образом, что касается старых причин непопулярности, время и отсутствие значительно ослабили их эффект и помогли его друзьям нейтрализовать их, указывая на коварные политические маневры, использованные против него.

Но если старые причины непопулярности, таким образом, сравнительно говоря, исчезли из виду, то с тех пор возникли другие, более серьезного и неизгладимого характера. Его мстительная враждебность к своей стране не только была демонстративно провозглашена, но и активно проявлена ударами, слишком эффективно направленными в её жизненно важные органы. Отправка Гилиппа в Сиракузы, укрепление Декелеи, восстания Хиоса и Милета, первое зарождение заговора Четырехсот – все это были явные меры[р. 148] Алкивиада. Даже для этого моментальный энтузиазм пытался найти оправдания: утверждалось, что он никогда не переставал любить свою страну, несмотря на её несправедливость к нему, и что он был вынужден необходимостью изгнания служить людям, которых ненавидел, ежедневно рискуя своей жизнью.[218] Но такие предлоги не могли никого обмануть. Предательство Алкивиада в период его изгнания оставалось неоправданным, как и неоспоримым, и было бы более чем достаточным поводом для его врагов, если бы их языки были свободны. Но его положение было совершенно особенным: сначала он нанес своей стране огромный вред, а затем оказал ей ценные услуги и обещал сделать ещё больше. Правда, последующая услуга никоим образом не соответствовала предыдущему вреду: и она действительно была оказана не только им, поскольку победы при Абидосе и Кизике принадлежат не меньше Ферамелу и Фрасибулу, чем Алкивиаду:[219] более того, особый подарок или капитал, который он обещал привезти с собой – персидский союз и плату Афинам – оказался полным обманом. Тем не менее, афинское оружие было исключительно успешным с момента его присоединения, и мы можем видеть, что не только общие слухи, но даже хорошие судьи, такие как Фукидид, приписывали этот результат его превосходной энергии и управлению.

Не касаясь этих подробностей, невозможно полностью понять очень своеобразное положение этого возвращающегося изгнанника перед афинским народом летом 407 года до н.э. Более далекое прошлое показывало его одним из худших преступников; недавнее прошлое – ценным слугой и патриотом: будущее обещало продолжение в этом последнем качестве, насколько можно было судить по каким-либо положительным признакам. Теперь это был случай, когда обсуждение и взаимные обвинения не могли принести никакой пользы. Были все основания для повторного назначения Алкивиада на его командование; но это могло быть сделано только при[р. 149] запрете осуждения за его прошлые преступления и предварительном принятии его последующих добрых дел, как оправдывающих надежду на ещё лучшие дела в будущем. Народный инстинкт прекрасно чувствовал эту ситуацию и наложил абсолютное молчание на его врагов.[220] Мы не должны делать вывод отсюда, что народ забыл прошлые деяния Алкивиада или что он питал к нему только безоговорочное доверие и восхищение. В своем нынешнем, вполне оправданном чувстве надежды, они решили, что он должен иметь полную свободу действий для продолжения своей новой и лучшей карьеры, если он того пожелает; и что его враги должны быть лишены возможности возобновлять упоминания о непоправимом прошлом, чтобы закрыть перед ним дверь. Но то, что было запрещено произносить как несвоевременное, не было стерто из их воспоминаний; и враги, хотя и были временно заставлены молчать, не стали бессильными на будущее. Весь этот горячий материал лежал в покое, готовый вспыхнуть от любого будущего проступка или небрежности, возможно, даже от неудачи без вины, со стороны Алкивиада.

В момент, когда так много зависело от его будущего поведения, он показал, как мы скоро увидим, что полностью неправильно истолковал настроение народа. Одурманенный неожиданным триумфом своего приема, согласно той роковой восприимчивости, столь общей среди выдающихся греков, он забыл свою собственную прошлую историю и вообразил, что народ также забыл и простил её; истолковывая их продуманное и хорошо обоснованное молчание как доказательство забвения. Он считал себя уверенным в обладании общественным доверием и смотрел на своих многочисленных врагов, как если бы они больше не существовали, потому что им не позволили говорить в самый неподходящий час. Без сомнения, его ликование разделяли его друзья, и это чувство ложной безопасности стало причиной его будущей гибели.

Два коллеги, рекомендованные самим Алкивиадом, Адеймант и Аристократ, были назначены народом в качестве генералов гоплитов, чтобы отправиться с ним, в случае операций на берегу.[221][р. 150] Менее чем через три месяца его армия была готова; но он намеренно отложил свой отъезд до того дня месяца Боедромиона, около начала сентября, когда праздновались Элевсинские мистерии, и когда торжественное процессионное шествие толпы посвященных обычно проходило по Священному пути из Афин в Элевсин. В течение семи последовательных лет, с тех пор как Агис укрепился в Декелее, этот марш был по необходимости прекращен, и процессия перевозилась морем, с опущением многих церемониальных деталей. Алкивиад в этом случае возобновил шествие по суше, в полной помпе и торжественности; собрав все свои войска в оружии для защиты, на случай если будет совершено нападение из Декелеи. Никакого такого нападения не произошло; так что он имел удовольствие возобновить полную регулярность этой знаменитой сцены и сопровождать многочисленных посвященных туда и обратно, без малейшего перерыва; подвиг, приятный религиозным чувствам народа и внушающий приятное ощущение неослабевающей афинской власти; в то время как в отношении его собственной репутации это было особенно политично, так как служило примирению с Евмолпидами и Двумя Богинями, из-за которых он был осужден.[222]

Сразу после мистерий он отправился со своей армией. Кажется, что Агис в Декелее, хотя и не решился выйти и атаковать Алкивиада, когда тот стоял на страже Элевсинской процессии, тем не менее чувствовал себя униженным брошенным ему вызовом. Вскоре после этого, воспользовавшись уходом этих больших сил, он вызвал подкрепления из Пелопоннеса и Бео-

тии и попытался неожиданно напасть на стены Афин темной ночью. Если он ожидал какого-либо содействия изнутри, заговор провалился: тревога была поднята вовремя, и старшие и младшие гоплиты были на своих постах, чтобы защитить стены. Нападавшие – говорили, что их было [р. 151] двадцать восемь тысяч человек, из которых половина были гоплиты, с тысячей двумястами всадников, девятьсот из них беотийцы – были замечены на следующий день близ стен города, которые были полностью укомплектованы всей оставшейся силой Афин. В последовавшем упорном кавалерийском сражении афиняне получили преимущество даже над беотийцами. Агис разбил лагерь следующей ночью в саду Академа; снова на следующий день он выстроил свои войска и предложил битву афинянам, которые, как утверждается, вышли в боевом порядке, но оставались под защитой снарядов со стен, так что Агис не осмелился атаковать их. [223] Мы можем сомневаться, выходили ли афиняне вообще, так как они в течение многих лет привыкли считать себя уступающими пелопоннесцам в поле. Агис теперь отступил, по-видимому, удовлетворенный тем, что предложил битву, чтобы стереть оскорбление, которое он получил от шествия элевсинских посвященных вопреки его соседству.

Первым подвигом Алкивиада было отправиться на Андрос, теперь находящийся под властью лакедемонского гармоста и гарнизона. Высадившись на острове, он разграбил поля, разгромил как местные войска, так и лакедемонян, и заставил их запереться в городе; который он осаждал несколько дней без успеха, а затем отправился дальше на Самос, оставив Конона в укрепленном посту с двадцатью кораблями для продолжения осады. [224] На Самосе он сначала узнал о состоянии пелопоннесского флота в Эфесе, влиянии, приобретенном Лисандром над Киром, сильных антиафинских настроениях молодого принца, и щедрой ставке оплаты, выплачиваемой даже авансом, которую пелопоннесские моряки теперь фактически получали. Теперь он впервые убедился в провале тех надежд, которые он, не без оснований, питал в предыдущем году – и о которых он, несомненно, хвастался в Афинах – что персидский союз может быть нейтрализован, если не перейден на их сторону, через послов, сопровождаемых Фарнабазом в Сузы. Было бесполезно, что он уговорил Тиссаферна посредничать с Киром, представить ему некоторых афинских послов и внушить ему свои собственные взгляды на истинные интересы Персии; то есть, что война должна быть подпитываема и затянута, чтобы измотать обе греческие воюющие стороны, каждую с помощью другой. Такая политика, чуждая всегда пылкому характеру Кира, стала ещё более неприятна ему после его общения с Лисандром. Он не согласился даже увидеть послов, и, вероятно, не был недоволен, чтобы пренебречь соседом и соперником сатрапом. Глубокое уныние царило среди афинян на Самосе, когда они болезненно убедились, что все надежды на Персию должны быть оставлены для них самих; и более того, что персидская плата была и более щедрой, и лучше обеспеченной для их врагов, чем когда-либо прежде. [225]

У Лисандра в Эфесе был флот из девятидесяти триер, которые он сам ремонтировал и увеличивал, все ещё уступая по численности афинянам. Напрасно Алкивиад пытался спровоцировать его на генеральное сражение. Это было очень в интересах афинян, помимо их численного превосходства, так как они были плохо обеспечены деньгами и вынуждены были собирать взносы везде, где могли: но Лисандр был полон решимости не сражаться, если он не мог сделать это с преимуществом, и Кир, не боясь длительных расходов на войну, даже предписал ему эту осторожную политику, с дополнительными надеждами на фенкийский флот к его помощи, что в его устах не предназначалось для обмана, как это было у Тиссаферна. [226] Неспособный вызвать генеральное сражение и не имея немедленного или важного предприятия, чтобы сосредоточить свое внимание, Алкивиад стал небрежным и предался частично любви к удовольствиям, частично безрассудным грабительским предприятиям, чтобы получить деньги для оплаты своей армии. Фрасибул пришел из своего поста на Геллеспонте и теперь занимался укреплением Фокеи, вероятно, с целью создания поста, чтобы иметь возможность грабить внутренние районы. Здесь к нему присоединился Алкивиад, который переплыл с эскадрой,

оставив свой основной флот на Самосе. Он оставил его под командованием своего любимого лоцмана Антиоха, но с четким приказом ни в коем случае не сражаться до его возвращения.

Во время этого визита в Фокею и Клазомены, Алкивиад, возможно, испытывая острую нехватку денег, задумал неоправданный проект обогащения своих людей за счет грабежа соседней территории Кимы, афинского союзного владения. Высадившись на этой территории неожиданно, после фабрикации некоторых незначительных клевет на кимеян, он сначала захватил много имущества и значительное число пленных. Но жители собрались в оружие, храбро защищали свою собственность и отбросили его людей к их кораблям; вернув разграбленное имущество и поместив его в безопасное место за своими стенами. Уязвленный этой неудачей, Алкивиад вызвал подкрепление гоплитов из Митилены и подошел к стенам Кимы, где он тщетно вызывал граждан выйти и сражаться. Затем он разграбил территорию по своему желанию: и у кимеян не было другого выхода, кроме как отправить послов в Афины, чтобы пожаловаться на такое грубое оскорбление, нанесенное афинским генералом безбидному афинскому владению.[227]

Это было серьезное обвинение, и это было не единственное обвинение, которое Алкивиад должен был встретить в Афинах. Во время его отсутствия в Фокее и Киме, Антиох, лоцман, которого он оставил командовать, нарушив четкий приказ не вступать в бой, сначала переплыл с Самоса в Нотий, гавань Колофона, а оттуда к устью гавани Эфеса, где стоял пелопоннесский флот. Войдя в эту гавань со своим кораблем и другим, он прошел близко перед носами пелопоннесских триер, оскорбляя их презрительно и вызывая на бой. Лисандр отправил несколько кораблей преследовать его, и постепенно началось действие, которое было именно тем, чего желал Антиох. Но афинские корабли были все в беспорядке,[р. 154] и вступали в бой, как каждый из них мог; в то время как пелопоннесский флот был хорошо организован и держался вместе; так что битва была полностью на стороне последнего. Афиняне, вынужденные бежать, были преследованы до Нотия, потеряв пятнадцать триер, несколько вместе с их полными экипажами. Сам Антиох был убит. Прежде чем вернуться в Эфес, Лисандр имел удовольствие воздвигнуть свой трофей на берегу Нотия; в то время как афинский флот был отведен обратно на свою станцию на Самосе.[228]

Было бесполезно, что Алкивиад, поспешно вернувшись на Самос, собрал весь афинский флот, отплыл к устью гавани Эфеса и там выстроил свои корабли в боевом порядке, вызывая врага выйти. Лисандр не дал ему возможности стереть недавний позор. И как дополнительное унижение для Афин, лакедемоняне вскоре после этого захватили и Теос, и Дельфиний; последний был укрепленным постом, который афиняне удерживали в течение последних трех лет на острове Хиос.[229]

Ещё до битвы при Нотии, кажется, что жалобы и недовольства начали расти в армии против Алкивиада. Он отправился с великолепными силами, не уступающими, по количеству триер и гоплитов, тем, которые он вел против Сицилии, и под большими обещаниями, как от себя, так и от его друзей, будущих достижений. Тем не менее, в промежуток времени, который вряд ли мог быть меньше трех месяцев, не было достигнуто ни одного успеха; в то время как с другой стороны нужно было учитывать разочарование в отношении Персии, которое сильно повлияло на настроение армии, и которое, хотя и не было его виной, противоречило ожиданиям, которые он внушил, позорный грабеж Кимы и поражение при Нотии. Было правдой, что Алкивиад дал категорические приказы Антиоху не сражаться, и что битва была рискована в явном неповиновении его указаниям. Но это обстоятельство только подняло новую почву для недовольства более серьезного характера. Если Антиох был непослушным – если, помимо неповиновения, он проявил детское тщеславие и полное пренебрежение всеми военными мерами предосторожности – кто же выбрал его заместителем; и к тому же против всех афинских прецедентов, поставив лоцмана, оплачиваемого офицера корабля, над головами триерархов, которые платили своим лоцманам и служили за свой счет? Это был Алкивиад,

который поставил Антиоха в эту серьезную и ответственную ситуацию – личного фаворита, отличного собутыльника, но лишенного всех качеств, подходящих командиру. И это обратило внимание на другую черту характера Алкивиада, его привычки чрезмерного самоудовлетворения и распушенности. Громкие ропоты лагеря обвиняли его в пренебрежении интересами службы ради удовольствий с веселыми компаниями и ионийскими женщинами, и в допущении к своему доверию тех, кто лучше всего способствовал развлечению этих избранных часов.[230]

Именно в лагере на Самосе это всеобщее негодование против Алкивиада впервые возникло и было оттуда формально передано в Афины устами Фрасибула, сына Тразона,[231] а не выдающегося Фрасибула, сына Лика, который уже часто упоминался в этой истории и будет упомянут снова. В то же время в Афины поступили жалобы из Кимы на неспровоцированное нападение и грабеж этого места Алкивиадом; и, по-видимому, жалобы из других мест тоже. [232] Даже было выдвинуто обвинение против него, что он находится в преступном сговоре, чтобы предать флот Фарнабазу и лакедемонянам, и что он уже подготовил три сильных форта в Херсонесе, чтобы отступить туда, как только этот план будет готов к исполнению.

Такие серьезные и широко распространенные обвинения, связанные с поражением при Нотии и полным разочарованием всех обещаний успеха, были более чем достаточны, чтобы изменить настроения афинского народа по отношению к Алкивиаду. У него не было репутации, на которую можно было бы опереться; или, скорее, у него была репутация хуже, чем ничего, такая, что самые преступные обвинения в измене не казались внутренне невероятными. Комментарий его врагов, которые были насильственно исключены из публичного обсуждения во время его летнего визита в Афины, теперь снова были освобождены; и все неблагоприятные воспоминания о его прошлой жизни, несомненно, ожили. Народ отказался слушать их, чтобы он мог получить справедливый суд, и мог подтвердить титул, требуемый для него его друзьями, быть судимым только его последующими подвигами, достигнутыми с 411 года до н.э. Теперь он прошел свое испытание; он был найден недостаточным; и народное доверие, которое было предоставлено ему временно, соответственно было отозвано.

Несправедливо представлять афинский народ, как бы Плутарх и Корнелий Непот ни показывали нам эту картину, как предававшийся экстравагантному и безмерному доверию к Алкивиаду в июле, требуя от него больше, чем человек мог выполнить, и как затем в декабре переходящий с детской резкостью от доверия к гневному недовольству, потому что их собственные невозможные ожидания ещё не оправдались. Что народ питал большие ожидания от такой значительной армии, не может быть сомнения: самые большие из всех, вероятно, были те, которые питал сам Алкивиад, и которые распространяли его друзья. Но мы не обязаны определять, что бы сделал народ, если бы Алкивиад, выполнив все обязанности верного, умелого и предприимчивого командира, тем не менее потерпел неудачу из-за препятствий, не зависящих от него, в реализации их надежд и своих собственных обещаний. Такой случай не произошел: то, что произошло, было существенно иным. Помимо отсутствия крупных успехов, он был ещё небрежным и безрассудным в своих основных обязанностях; он подверг афинское оружие поражению своим позорным выбором недостойного заместителя;[233] он нарушил территорию и собственность союзного владения в момент, когда Афины имели первостепенный интерес в том, чтобы всеми средствами культивировать привязанность своих оставшихся союзников. Правда в том, как я уже отмечал, что он действительно был испорчен опьяняющим приемом, оказанным ему так неожиданно в городе. Он принял надеющуюся публику, решившую, даже путем вынужденного молчания о прошлом, дать ему полную выгоду от достойного будущего, но требующую от него как условия, чтобы это будущее действительно было достойным, за публику уверенных поклонников, чью благосклонность он уже заслужил и мог считать своей собственной. Он стал другим человеком после этого визита, как Мильтиад после битвы при Марафоне; или, скорее, импульсы характера, по существу распущенного и наглого, вырвались из-под того ограничения, под которым они ранее были частично контролируемы. Во время

битвы при Кизике, когда Алкивиад трудился, чтобы вернуть благосклонность своих обиженных соотечественников, и ещё не был уверен, преуспеет ли он, он не совершил бы ошибки, покинув свой флот и оставив его под командованием такого заместителя, как Антиох. Если, следовательно, афинские настроения по отношению к Алкивиаду претерпели полное изменение в течение осени 407 года до н.э., это было следствием изменения в его характере и поведении; изменения к худшему, как раз в кризис, когда все зависело от его хорошего поведения, и от того, чтобы он хотя бы заслуживал, если не мог обеспечить успех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.